

Анатолий Шигапов

РУССКИЙ МОСТ

Анатолий Шигапов
РУССКИЙ МОСТ

«Автор»

2026

Шигапов А.

РУССКИЙ МОСТ / А. Шигапов — «Автор», 2026

Крымский мост ночью, штормовое небо, тяжёлые тучи, редкие огни фонарей на мосту. Вода тёмная, почти чёрная, с отражением опор. На переднем плане — старая бочка, стоящая на пустынном берегу. Рядом — пожилой мужчина в флотской форме, смотрит вдаль. В руке у него письмо. В воздухе — несколько горящих писем, превращающихся в пепел. Одна свеча на камне — последний свет. Тёмный реализм, суровая атмосфера, контраст света и тьмы, кинематографичное освещение, 4К, детали, текстура, глубокая драматическая композиция.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

РУССКИЙ МОСТ

Предисловие

От Автора. Там, где кончаются карты

Когда мой друг, прочитав первую книгу, сказал мне: «Слушай, это очень сложно. Время скачет, ты переключаешься с одного персонажа на другого, а потом возвращаешься, и я уже забыл, что там было в прошлой главе», я не стал спорить. Я не стал объяснять, что так задумано, что в этом есть глубинный смысл и сложная драматургическая структура. Я сказал ему то, что думал на самом деле, - так, как умеют говорить только уставшие люди, которые больше не хотят никому ничего доказывать:

«Я автор. Я так вижу».

И это не поза. Это не попытка скрыть слабость текста за высокомерным заявлением. Это чистая правда. Это единственное объяснение, которое у меня есть.

Потому что, если честно, я и сам не знаю, как иначе рассказать эту историю. Я мог бы выстроить её в хронологическом порядке: вот февраль 2014-го, вот март, вот апрель, вот герои встречаются, вот разбегаются, вот воюют, вот мирятся. Это была бы удобная, линейная, понятная книга. Её можно было бы читать на пляже, не напрягаясь. Её можно было бы экранизировать, как классическую сагу о семье, но она была бы неправдой. Потому что война - она не линейна.

Война - это когда ты просыпаешься в феврале 2014-го, а думаешь о том, что случилось в декабре 2015-го. Это когда ты разговариваешь с братом в Донецке, а перед глазами стоит лицо отца в Севастополе, хотя между ними тысячи километров и линия фронта. Это когда ты идёшь по улице и слышишь не звуки мирного города, а отголоски того, что было год назад, или того, что может случиться завтра. Война - это не последовательность событий. Это какофония. Это хаос. Это одновременность миллионов жизней, которые сталкиваются друг с другом. Это когда мать в Севастополе ставит свечку за сына в Донецке, а дочь в Киеве пишет статью о том, что все они - люди, и никто из них не знает, что произойдёт через час, через день, через год. Они живут в одном времени, но в разных реальностях, и эти реальности пересекаются только в письмах, в звонках, в молитвах и - в этой книге.

И моя книга - это не хроника. Это не репортаж. Это попытка - быть может, неуклюжая, быть может, слишком личная - передать этот хаос словами. Я хотел, чтобы вы почувствовали то же, что чувствуют герои: что время не течёт, а наваливается. Что прошлое - не воспоминание, а соседняя комната, из которой доносятся голоса. Что будущее - не надежда, а страх, который живёт внутри. Что война - это не событие, а состояние и оно длится не дни и месяцы, а целые жизни.

Я не ставил перед собой цели написать документальный роман. Я не хотел делать журналистское расследование или исторический трактат. Я хотел написать книгу о людях. О том, как обычная семья, в которой были свои радости, свои ссоры, свои невысказанные обиды, вдруг оказалась в эпицентре истории. О том, как они выживали, ошибались, ненавидели, любили и пытались сохранить себя. О том, как они, сами того не желая, стали символами. Символами своей страны, своей эпохи, своей войны, но они не хотели быть символами. Они хотели просто жить и это - самое страшное и самое прекрасное в этой книге: что герои не выбирали свою судьбу. Она выбрала их.

И если эта книга кажется вам сложной, запутанной, скачущей во времени - значит, я сделал всё правильно. Потому что война - она именно такая. Она не даёт вам удобного сюжета. Она заставляет вас работать головой и сердцем одновременно. Она заставляет вас вспоминать,

возвращаться, перечитывать. Она не прощает невнимательности. Она не прощает лёгкости и моя книга - тоже.

Признаюсь честно: я не писал эту книгу, следуя строгому плану. У меня не было подробного синопсиса, в котором было бы расписано, что произойдёт в каждой главе, кто, когда и кому скажет какую фразу. Я не был тем архитектором, который сначала чертит чертёж, а потом по нему строит дом. Я был скорее садовником. Я сажал семена - образы, диалоги, сцены, - а потом смотрел, как они прорастают. Некоторые семена давали сильные, красивые побеги. Некоторые уходили в сторону, вглубь, и из них вырастали неожиданные, почти неуправляемые сюжетные линии. Некоторые гибли, и я их выкапывал, чтобы не забирали свет у других и только со временем, когда я оглянулся на этот сад, я понял, что он вырос не хаотично, а по своим, внутренним законам. Законам, которые я не задавал, а только наблюдал.

Этот метод родился не из литературных теорий, а из жизни. Я заметил, что в реальности мы не воспринимаем события хронологически. Мы живём не так, как пишут учебники истории. Мы живём ассоциативно: один запах может вернуть нас в детство, одно слово - в день, когда случилось что-то важное, один взгляд - в момент, когда всё изменилось. Я хотел, чтобы книга дышала так же, как дышит наша память. Чтобы она была не линейной, а объёмной. Чтобы вы чувствовали, что находитесь не на прямой линии событий, а внутри живого, пульсирующего пространства, где прошлое, настоящее и будущее переплетены в один тугий узел.

Я писал книгу, как строят мост: не с одного берега, а сразу с двух, и иногда те, кто строил с правого берега, не видели тех, кто строил с левого. Они работали на ощупь. Они верили, что встретятся посередине и в конце концов - встретились. Так и здесь: Андрей в Севастополе строил свой мост из бетона и стали, Алексей в Донецке - из автоматных очередей и писем домой, Катя в Киеве - из слов и репортажей, Анна в университете - из лекций и надежды. Они не знали друг о друге, когда я их писал. Они существовали в параллельных реальностях, как и в жизни, но потом, когда я соединил их на страницах, оказалось, что они - части одного целого. Что их мосты сходятся в одной точке и эта точка - любовь.

Возможно, кому-то этот метод покажется странным. Возможно, кто-то скажет, что книга слишком фрагментарна, что ей не хватает цельности, но я не пытался сделать её идеальной. Я пытался сделать её живой и живое всегда немного хаотично. Оно не подчиняется строгим правилам. Оно дышит, ошибается, ищет, находит. Именно таким я хотел видеть этот текст - дышащим. Таким, в котором чувствуется пульс времени.

Этот метод неудобен. Он неряшлив. Он заставляет читателя постоянно переключаться, возвращаться назад, уточнять, кто есть кто и где мы сейчас и я понимаю, что для многих это может быть испытанием. Я слышал это от моего друга, и я слышал это от других. Они говорили: «Слишком много героев. Слишком много времени. Я теряю нить» и каждый раз я хотел ответить: «А вы попробуйте сами прожить этот год. Попробуйте одновременно быть и сыном, и отцом, и братом, и солдатом, и журналистом, и человеком, который не знает, увидит ли он завтра свою семью. Тогда вы поймёте, почему книга такая».

Но я молчал. Потому что это не их вина. Они читают книгу, а не воюют. Они хотят истории, а не реальности и они имеют на это право. А я - автор *и я так вижу* и я не хочу оправдываться за то, что книга требует усилий. Потому что всё, что требует усилий, - остаётся с вами надолго. А всё, что даётся легко, - забывается на следующий день. Я хочу, чтобы эта книга осталась с вами. Чтобы вы помнили её не, как приятное развлечение, а, как опыт., как прожитую вместе с героями жизнь.

Эта книга написана на русском языке, но внутри неё звучит украинский - в письмах, в диалогах, в мыслях героев. Я не переводил их на русский специально. Я оставлял их такими, какими они были, когда я их слышал в своей голове. Потому что язык - это не просто средство общения. Это часть человека. Это его память. Его боль. Его дом. Язык - это то, что остаётся,

когда всё остальное отнимают. Язык - это последнее убежище и я не имел права отнимать его у своих героев.

Я часто думал о том, что язык - это не только слова. Это ещё и интонация, ритм, те слова, которые мы выбираем в самые важные моменты. Когда человек говорит на своём родном языке, он говорит не просто словами - он говорит своей сутью. Он становится более уязвимым, более настоящим и я хотел, чтобы мои герои были настоящими. Я хотел, чтобы их язык отражал их внутренний мир так же, как их поступки.

Герои этой книги говорят на разных языках. Андрей Бондаренко говорит по-русски - с севастиопольским выговором, с флотскими словечками, с той особенной, чуть хрипловатой интонацией, которая бывает у людей, которые долго слушали море. Его язык - это язык человека, который привык к дисциплине, к порядку, к тому, что слова должны быть точными и весомыми. Он не тратит слов зря. Он говорит так, как будто каждое его слово - это команда на мостике подводной лодки.

Анна - по-русски и по-украински, иногда смешивает, иногда переключается, не замечая этого, потому что для неё язык - это не политика, а дыхание. Она выросла в Харькове, где языки переплетались так же естественно, как улицы старого города. Для неё переключение с одного языка на другой - это, как поворот головы: естественно, незаметно, без усилий и этот её билингвизм стал для меня одним из самых важных способов показать, что война - это не про языки, а про людей.

Алексей говорит по-русски, но в его словах иногда проскальзывают украинские слова - он вырос на Донбассе, там так говорят, там язык - это не выбор, а воздух. Он даже не замечает, когда переключается. Для него это так же естественно, как дышать и это делает его язык живым, настоящим.

Катя перешла на украинский в Киеве, под влиянием среды, а потом, когда вернулась, снова стала говорить по-русски, но с лёгким, едва заметным акцентом, который выдавал её путь. Её язык - это отражение её внутренней борьбы. Это язык человека, который ищет себя, который пробует разные идентичности, как разные платья, и не может выбрать одно.

И это тоже не совпадение. Я не делал специальных акцентов. Я просто записывал то, что слышал. Потому что, если честно, я не знаю, как ещё можно передать ту странную, почти болезненную красоту, когда два языка звучат в одном доме, когда слова переплетаются, как ветки одного дерева, когда ты вдруг понимаешь: а ведь это не два языка. Это один. Просто у него два голоса и этот голос - голос её страны. Голос, который разрывается между «що» и «что», между «як» и «как», между «Слава Україні» и «С наступающим» и я не хочу выбирать один из них. Я хочу, чтобы они звучали вместе. Потому что это - правда. Правда о том, что границы проходят не только по карте, но и через язык и что иногда единственный способ их преодолеть - это просто говорить. Говорить, не боясь, что тебя не поймут.

Язык - это ещё и память. Когда я писал письма героев, я часто думал о том, как язык сохраняет в себе пережитое. Украинские фразы, которые появляются в речи Алексея, - это не просто слова. Это его детство, его дом, его мать. Русские фразы, которые звучат в мыслях Кати, - это её связь с отцом, с морем, с тем, что она пыталась забыть, но не смогла. Язык - это мост между прошлым и настоящим и я хотел, чтобы этот мост был виден на каждой странице.

Время в этой книге - отдельный персонаж. Оно не течёт, как река. Оно пульсирует, как сердце. Оно сжимается до нескольких дней и растягивается на годы. Оно перескакивает из четырнадцатого года в восемнадцатый и обратно. Оно заставляет героев стареть на глазах и снова становиться детьми. Оно - главный враг и главный союзник семьи Бондаренко. Оно - то, что разделяет их, и то, что в конце концов соединяет.

Иногда мне казалось, что я пишу книгу о времени. О том, как оно ломает, и о том, как оно лечит. О том, как оно стирает границы и оставляет шрамы. О том, что, в конечном счёте, время - это единственное, что у нас есть и единственное, чего мы не можем контролировать.

Мы можем выбирать, как жить, но не можем выбирать, сколько. Мы можем решать, что делать, но не можем решать, когда это закончится и эта книга - о том, как герои учатся жить с этим знанием., как они перестают бояться времени и начинают его принимать.

Я часто думал о том, что время в условиях войны - это не просто часы и дни. Это нечто более плотное, более осязаемое. Война сжимает время, делает его вязким, тягучим, как мёд. Один день на фронте может длиться вечность, а год пролетает, как один миг. Герои моей книги живут в этом искажённом времени, и я хотел, чтобы читатель почувствовал это искажение. Чтобы он тоже потерял ощущение времени, как теряют его герои. Чтобы он перестал знать, где прошлое, а где настоящее.

И, может быть, именно поэтому книга скачет. Потому что я хотел, чтобы читатель почувствовал то же, что чувствуют герои: что прошлое никогда не уходит, оно живёт рядом, дышит в затылок, шепчет на ухо, напоминает о себе в самые неподходящие моменты. Что настоящее - это не точка на прямой, а толща, в которой перемешаны все слои памяти. Что будущее - не за горизонтом, а уже здесь, только мы его ещё не узнали. Что время - это не линия, а круг и мы все ходим по нему, встречая тех, кого уже потеряли, и теряя тех, кого ещё не встретили.

Один из моих героев, Андрей Петрович Бондаренко, старый подводник, часто говорит о времени, как о море. Он говорит: «Время, как океан. Иногда оно спокойное, и ты плывёшь по нему, не чувствуя сопротивления. А иногда оно поднимается, и ты борешься с волнами, не зная, выплывешь ли». Я взял эту метафору у него. Она стала для меня ключом к пониманию того, как строить книгу. Я хотел, чтобы читатель тоже плыл по этому океану - иногда спокойно, иногда с трудом преодолевая волны, но чтобы он всегда чувствовал: он не тонет. Он движется. Он живёт.

Да, я знаю, что в книге есть повторяющиеся мотивы. Одна и та же бочка, один и тот же мост, одни и те же письма, одни и те же слова «Бондаренко», «семья», «мост». Иногда я повторяю целые абзацы - чуть изменённые, но узнаваемые и я делаю это не потому, что у меня не хватало фантазии. А потому что в жизни всё повторяется. Мы возвращаемся к одним и тем же мыслям, как к старой пластинке, потому что они - самые важные. Мы произносим одни и те же слова, потому что других слов просто нет. Мы надеемся на одно и то же, потому что больше надеяться не на что.

Мы говорим одни и те же слова своим близким. Мы надеемся на одно и то же. Мы боимся одного и того же. Мы возвращаемся к одним и тем же мыслям, как к старой пластинке и война - она тоже повторяется. Снова и снова. В каждой семье, в каждом городе, в каждом сердце. Она повторяется в письмах, в звонках, в молитвах. Она повторяется в глазах, которые смотрят на нас с фотографий. Она повторяется в тишине, которая наступает после обстрела.

Повторения - это не слабость текста. Это его сила. Это способ напомнить читателю о том, что действительно важно. Когда мы читаем в сотый раз о том, что бочка - это, как семья, мы не устаём от этого. Мы начинаем чувствовать это глубже. Повторение становится ритуалом. А ритуал - это способ сохранить смысл в мире, где всё рушится. Это способ сказать: «Это важно. Это останется. Это не исчезнет».

Мне хотелось, чтобы читатель почувствовал эту цикличность. Чтобы он, как и герои, иногда уставал от повторений, но продолжал слушать. Потому что в этих повторениях - и есть правда. Правда жизни, которая не бывает оригинальной. Она бывает только настоящей. Она бывает той, в которую мы верим, даже если она звучит одинаково в сотый раз.

Я знаю, что некоторым читателям повторения могут показаться утомительными. Они могут сказать: «Я уже это читал. Зачем опять?», но я отвечаю: затем, чтобы вы запомнили. Затем, чтобы вы не забыли. Затем, чтобы вы поняли: это не просто слова. Это - суть. Это - то, ради чего я писал эту книгу.

В этой книге много боли. Много страха. Много слёз, но я хочу, чтобы вы знали: главное в ней - любовь. Любовь, которая не умирает даже тогда, когда вокруг всё рушится. Любовь,

которая заставляет людей писать письма через фронт. Любовь, которая помогает отцу строить мост, а сыну - воевать. Любовь, которая превращает врагов в братьев, а братьев - в друзей. Любовь, которая не спрашивает, кто прав, а кто виноват. Она просто есть. Она просто живёт. Она просто держит.

Я часто думал о том, что любовь - это единственное, что остаётся, когда всё остальное исчезает. Когда рушатся дома, когда исчезают страны, когда уходят люди, - любовь остаётся. Она может быть раненой, она может быть искалеченной, но она не исчезает. Она ждёт. Она терпит. Она надеется и герои моей книги - они тоже ждут, терпят и надеются. Они не сдаются, даже когда кажется, что надежды нет.

Я не знаю, есть ли в мире любовь, способная вылечить все раны, но я знаю, что любовь, о которой я пишу, - она настоящая. Она не идеальна. Она ранимая, она иногда слепая, она ошибается, но она - есть и этого достаточно. Этого достаточно, чтобы держаться. Этого достаточно, чтобы ждать. Этого достаточно, чтобы не сдаваться и если вы после этой книги почувствуете, что любовь - это единственное, что имеет значение, - значит, я достиг цели.

Я хочу, чтобы вы запомнили один эпизод из книги. Это момент, когда Алексей, сидя в окопе, пишет письмо своей сестре Кате. Он пишет: «Я не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь снова, но я хочу, чтобы ты знала: я тебя люблю. Несмотря ни на что. Несмотря на войну, несмотря на расстояние, несмотря на всё». Это письмо - не просто строчки на бумаге. Это суть книги. Это тот самый мост, который они строят через всё и я хочу, чтобы вы запомнили этот мост.

Я не знаю, кто вы, мой читатель. Может быть, вы из Донецка, и вы помните обстрелы. Может быть, вы из Севастополя, и вы помните референдум. Может быть, вы из Киева, и вы помните Майдан. Может быть, вы из другого города, из другой страны, и вы просто хотите понять, что же там произошло. Кем бы вы ни были - вы уже часть этой истории. Потому что книга - это диалог и я хочу, чтобы вы в нём участвовали.

Кем бы вы ни были - спасибо, что вы взяли в руки эту книгу. Спасибо, что вы читаете её, даже если она кажется вам сложной. Спасибо, что вы даёте шанс этим людям - Бондаренко - быть услышанными. Они не идеальны. Они ошибаются. Они запутаны, но они - моя семья и я хочу, чтобы вы узнали их. Я хочу, чтобы вы не забыли их голоса, их лица, их боль. Потому что пока мы помним - они живы.

Я часто думал о том, кто будет читать эту книгу. Я представлял себе людей, которые живут по ту сторону линии фронта, и людей, которые не знают о войне ничего, кроме того, что показывают по телевизору. Я представлял себе тех, кто потерял близких, и тех, кто никогда не терял никого и я хотел, чтобы книга говорила со всеми ними. Чтобы она не делила людей на «своих» и «чужих». Чтобы она напоминала: мы все - люди.

Я хочу, чтобы после этой книги у вас осталось чувство, что вы были там. Что вы стояли на площади Нахимова вместе с Андреем. Что вы переживали вместе с Анной. Что вы воевали вместе с Алексеем. Что вы искали себя вместе с Катей. Что вы строили мост вместе со всеми ними. Что вы чувствовали ту же боль, ту же надежду, ту же любовь.

Я знаю, что эта книга не для всех. Она слишком сложная, слишком личная, слишком болезненная, но я писал её не для всех. Я писал её для тех, кто готов слушать. Для тех, кто готов чувствовать. Для тех, кто готов вспоминать и если вы - один из них, - спасибо вам. Вы - тот самый читатель, ради которого я писал.

И если когда-нибудь вы скажете: «Я не понял эту книгу», - я отвечу вам то же, что сказал своему другу:

«Я автор. Я так вижу».

Но, может быть, я добавлю ещё одну фразу:

«Я так чувствую».

Потому что эта книга - не о том, как правильно. Она о том, как по-настоящему. Она о том, как мы живём, когда мир рушится. О том, как мы держимся друг за друга, когда нет никакой надежды. О том, как мы строим мосты, когда все вокруг строят стены и если вы это почувствовали - значит, я сделал свою работу.

Анатолий Шигапов

КНИГА ПЕРВАЯ: РУССКИЙ МОСТ

Глава 1. Оттепель

Часть 1. Мастерская

Запах сухого дуба и старого лака это был первый запах его детства. Ещё до моря, до казармы, до дизельной вони подводной лодки - была мастерская. Отцовская, а теперь его.

Андрей Петрович Бондаренко провёл ладонью по шершавой доске. Дуб был старый, выдержанный, ещё крымский, из-под Бахчисарая. Такой дуб не трескается в жару и не гниёт в сырость. Если с ним по-человечески - он тебя переживёт.

За окном мастерской, притулившейся к склону Корабельной стороны, висел севастопольский февраль - мокрый, ветренный, с рваными облаками над бухтой. С утра сыпанул снег, а к обеду уже растаял, оставив на брусчатке грязные лужи. Город жил своей обычной зимней жизнью: кричали чайки, гудели катера на рейде, ветер посвистывал в снастях. Обычный день. Почти обычный.

Бочка, которую Андрей чинил уже вторую неделю, была особенной. Её привезли из Масандры инвентарь ещё дореволюционный. В таких бочках выдерживали мускат для царского стола. Потом - для советского. Потом - для иностранных делегаций. А теперь бочка рассохлась, и виноделы попросили старого Бондаренко: «Петрович, спасай. Она ещё послужит».

Андрей заменил две клёпки, теперь подгонял обручи. Работа тонкая, почти ювелирная. Поспешешь - дуб треснет, и тогда всю бочку насмарку. Будешь слишком осторожничать - обруч не сядет плотно, даст течь. Нужно чувство металла и дерева, чувство меры.

Дед его, Захар Бондаренко, говорил когда-то: «Бочка, Андрюша, это, как держава. Клёпки - земли, обручи - закон и порядок. Одна клёпка выпадет и всё развалится. А обруч перетянешь - дерево лопнет. Надо с умом». Дед был бондарем потомственным, из-под Полтавы. В Крым перебрался ещё в двадцатых, когда в селе от тифа вымерло пол-улицы. Здесь и осел, здесь и сына вырастил - Петра, отца Андрея.

Радио в углу мастерской тихо бормотало. «Маяк» передавал что-то про рост промышленного производства, про какую-то Олимпиаду в Сочи. Андрей слушал вполуха. Потом начался выпуск новостей, и он насторожился.

«...Ситуация в Киеве продолжает обостряться. Столкновения на Майдане Незалежности перешли в острую фазу. Сообщается о применении огнестрельного оружия...»

Андрей отложил молоток, вытер руки ветошью и подошёл к приёмнику. Покрутил ручку громкости.

«...По предварительным данным, в результате столкновений погибли несколько десятков человек. Лидеры оппозиции обвиняют власти в силовом разгоне протестующих...»

- Доигрались, сказал он вполголоса.

За окном продолжали кричать чайки. Ветер трепал выцветший флаг Андреевского креста на соседском балконе - сосед, отставной мичман, держал флаг круглый год, невзирая на насмешки курортников. Солнце ненадолго выглянуло из-за туч, блеснуло по мокрой черепице, и снова скрылось.

Андрей прошёл в угол мастерской, где под брезентом хранились старые вещи. Откинул край. Под брезентом - деревянный сундук с облезшей краской. Он открыл его. Сверху лежал

китель, аккуратно сложенный, пересыпанный нафталиновыми шариками. Погоны капитана второго ранга. Кортик в ножнах. Флотские ремни.

Он не открывал сундук уже года два, но сегодня зачем-то полез.

Пальцы сами нашупали альбом с фотографиями. Он достал его, раскрыл на середине. Снимок 1990 года: Северный флот, экипаж атомной подводной лодки К-119 «Воронеж». Молодые лица, форма, море за спиной. Вот он сам - тридцатипятилетний, подтянутый, с лейтенантскими звёздами на погонах. Рядом - друзья, товарищи. Половины из них он уже не видел. Кто-то уволился, кто-то уехал, кто-то спился в девяностые.

А подводная лодка К-119... Её разрезали на металлолом. Американцы дали денег, украинские власти подписали бумаги, и атомоход, прослуживший всего пятнадцать лет, пошёл под газовый резак.

Андрей помнил тот день, когда узнал. Он тогда уже был в Севастополе, служил в штабе Черноморского флота. Пришёл домой, сел у окна и молчал до ночи. Анна пыталась расспрашивать - он не отвечал. А потом сказал только одно: «Родину распродают».

Сейчас он сидел над старыми фотографиями и думал о том же. Киев горит. Майдан беснуется и кто бы ни победил в этой драке - флоту от этого лучше не станет. Флот всегда был разменной монетой.

Радио продолжало бубнить. Андрей выключил его.

В мастерской стало тихо. Только ветер посвистывал в щелях, да чайки кричали над бухтой.

Он вернулся к бочке, взял молоток, но работать уже не мог - мысли разбегались. Тогда он надел старую флотскую бушлатную куртку, вышел на улицу, закурил.

С Корабельной стороны открывался вид на Севастопольскую бухту. Серые воды, серые корабли у причалов, серое небо. На рейде стоял флагман - гвардейский ракетный крейсер «Москва». Андрей знал этот корабль ещё по прежней службе. Знал многих офицеров. Знал, о чём они сейчас говорят в кают-компаниях.

Телефон в кармане завибрировал. Анна.

- Ты где? - голос жены был встревоженным.

- В мастерской. А что?

- Ты новости смотрел?

- Слушал.

- Андрей... там страшное творится. Люди гибнут.

- Знаю.

- Ты домой скоро?

- Скоро. Закончу кое-что и приду.

Он убрал телефон, докурил сигарету, бросил окурки в жестяную банку у двери. Посмотрел ещё раз на бухту, на крейсер «Москва», на низкие облака.

Что-то надвигалось. Он чувствовал это спинным мозгом, как чувствовал когда-то приближение шторма в северных морях. Воздух менялся, давление падало, чайки кричали тревожнее обычного.

Шторм будет. Большой шторм.

Андрей вернулся в мастерскую, запер дверь на засов. Подошёл к бочке. Провёл рукой по дубовым клёпкам - плотно, крепко. Обручи сидят, как влитые. Ещё пара дней работы и можно отдавать виноделам. Будет служить.

«Одна клёпка выпадет и всё развалится», вспомнил он дедовы слова. Дед, Захар Трофимович, умер в 1978-м, когда Андрей ещё был курсантом. Он не застал ни перестройки, ни развала Союза, ни дележа флота и хорошо. Старый бондарь не узнал бы своей страны. А может, и узнал бы - только не обрадовался.

За окном темнело. Февральский день короток, особенно в такое время. Андрей зажёт лампу, сел на табурет, взял молоток.

Тук-тук-тук - дерево отзывалось глухо, утробно, как живое. Обруч садился на место, миллиметр за миллиметром.

В такие минуты он любил свою работу больше всего. Когда мир снаружи рушился, здесь, в мастерской, был порядок. Здесь вещи подчинялись рукам и разуму. Здесь из разрозненных частей собиралось целое.

Андрей работал до темноты. Потом погасил лампу, закрыл мастерскую и пошёл домой. Над Севастополем зажигались огни. Ветер усилился, гнал по улицам сухие листья и обрывки газет. Прохожих почти не было.

Он шёл и думал о Киеве. О том, что где-то там, в этом городе, живёт его дочь. Катерина. Шестнадцать лет. Последний школьный год. Она жила у сестры Анны, Оксаны, пошла в киевскую гимназию. Так получилось - Оксана предложила, Катя загорелась, Анна согласилась. «Столица, образование, перспективы», говорила тогда жена. Андрей был против, но спорить не стал и теперь...

Катя звонила нечасто. В последний раз - на Новый год. Голос был отстранённый, холодный. Говорила по-украински - подчёркнуто, почти демонстративно. Раньше такого не было. Раньше они всей семьёй говорили, как придётся - по-русски, по-украински, мешали языки, и это было естественно, как дышать. Теперь дочь словно проводила границу. «Тато» вместо «папа». «Дякую» вместо «спасибо». Он не обижался, он тревожился.

В доме горел свет. Андрей поднялся на второй этаж, открыл дверь.

Пахло борщом. Анна хлопотала на кухне. Она обернулась, услышав шаги, и он увидел её лицо - усталое, бледное, с красными пятнами на скулах. Плакала.

- Что? - спросил он, хотя уже знал ответ.

- Катя звонила. Кричала. Что мы имперцы, что Крым - украинская земля, что Россия - агрессор. Я не узнавала собственную дочь.

Анна опустила на стул. Андрей подошёл, обнял её за плечи.

это не она, сказал он тихо. это ей в голову вложили.

- Какая разница, кто вложил? - Анна подняла на него глаза, она это говорит. Она в это верит. Андрей, она нас ненавидит.

Он не знал, что ответить. Сел рядом, взял её руку в свою.

Борщ тихо кипел на плите. За окном ветер гнул голые ветки платанов. Где-то вдалеке, на рейде, прогудел корабль.

Они сидели так долго, не говоря ни слова. Два немолодых человека в старом севастопольском доме, над которым сгущалась тьма.

А где-то далеко, в Киеве, их дочь смотрела в телевизор и повторяла слова, которые стали для неё правдой.

И надвигалась весна.

Сухая, ветреная, страшная весна 2014 года.

Часть 2. Язык

Анна проснулась рано, ещё затемно. За окном шумел ветер, дребезжало стекло в старой раме. Она полежала немного, глядя в потолок, где проступали тёмные разводы - прошлой осенью протекала крыша, Андрей латал, но до конца не доделал. Надо бы напомнить. Или самой взять рубероид и залезть. Она многое умела сама.

Рядом тяжело дышал во сне муж. Андрей в последние дни спал плохо - ворочался, скрипел зубами, иногда вскакивал среди ночи и шёл курить на балкон. Анна делала вид, что не замечает. За тридцать лет брака она научилась не лезть к нему, когда он переваривал что-то внутри. Переварит - сам расскажет.

Она тихо встала, накинула халат, прошла на кухню. Включила чайник. Достала чашку с отбитой ручкой - любимую, ещё из харьковской квартиры её родителей. Чайник зашумел, заглушая ветер.

Сегодня у неё лекция. Первая лекция после долгих выходных и она знала, о чём будут спрашивать студенты. Не о Шевченко, не о Лесе Украинке, не о программе. О Киеве. О Майдане. О том, что теперь будет.

Анна Игоревна Бондаренко, доцент кафедры украинской филологии Таврического национального университета имени Вернадского. Звучит солидно. Должность, звание, список публикаций, индекс цитирования. Всё это было важно когда-то. А теперь она смотрела на свою чашку с отбитой ручкой и думала: «Кто я теперь? Преподаватель украинской литературы в городе, который вот-вот станет российским? Враг народа? Предательница?»

Чайник закипел. Она заварила чай, села у окна.

Севастополь просыпался. Внизу, по Корабельному спуску, проехал первый троллейбус. Прошёл дворник с метлой. На балконе соседнего дома старуха в платке вывесила бельё, несмотря на ветер. Обычная жизнь. А где-то в Киеве - баррикады, стрельба, кровь.

И Катя.

Анна закрыла глаза. Вчерашний разговор до сих пор звенел в ушах.

Она позвонила дочери сама - хотела просто услышать голос, спросить, как дела. Катя ответила резко, почти враждебно и понеслось. «У вас там что, совсем совести нет? Вы хоть понимаете, что Россия это оккупант? Что Крым это Украина?» Анна пыталась что-то сказать - дочь не слушала. Она выкрикивала лозунги, словно заведённая. А в конце бросила: «Ты мне не мать, если поддерживаешь это».

И гудки.

Анна допила чай. Помыла чашку. Оделась, стараясь не шуметь. Андрей так и не проснулся.

Она вышла из дома, поймала троллейбус до Симферополя. Ехать долго, почти два часа. В салоне было холодно, пахло соляжкой и мокрой одеждой. Пассажиры - в основном женщины с сумками, пенсионеры, студенты. Все молчали, но Анна чувствовала напряжение. Оно висело в воздухе, как тот самый ветер с моря, невидимое, но отчётливое.

Она достала конспект лекции. Тема: «Тарас Шевченко и формирование украинской национальной идеи». Она готовила эту лекцию месяц назад, ещё до всего. Тогда тема казалась важной, даже актуальной. Сейчас она перечитывала свои заметки и думала: «Как я буду это читать? Что я скажу им?»

Шевченко. Кобзарь. Поэт, которого считают своим и украинцы, и русские. Которого цитируют националисты и коммунисты. Которого при жизни гнали, а после смерти разобрали на цитаты.

Анна помнила, как отец Игорь Трофимович, харьковский инженер и убеждённый советский человек - читал ей перед сном «Садок вишневий коло хати». По-украински, с мягким харьковским выговором. Он не был националистом. Он был советским человеком, который любил стихи и ему было всё равно, на каком языке они написаны.

А потом, в университете, Анна попала на кафедру украинской филологии. Случайно - просто не хватило баллов на английскую, а украинская была ближе к дому и вдруг открыла для себя целый мир. Леся Украинка, Иван Франко, Панас Мирный, Григорий Сковорода. Она читала их ночами, и сердце замирало от красоты. Украинский язык был для неё не политикой, а чудом. Мелодией. Душой.

И вот теперь эту душу выворачивали наизнанку. Превращали в оружие. В дубину, которой били по голове всех несогласных.

- Симферополь, автостанция, объявил водитель.

Анна вздрогнула, собрала вещи, вышла. До корпуса университета - пятнадцать минут пешком. Она шла по бульвару Ленина, ёжась от ветра. Прохожие спешили по своим делам. На газонах чернел подтаявший снег.

У входа в университет курили студенты. Анна кивнула им, прошла в вестибюль, поднялась на третий этаж. Кафедра встретила её запахом пыли и старых книг. Дверь была открыта.

- Доброе утро, Анна Игоревна.

За столом сидела Лариса Петровна - заведующая кафедрой, сухая женщина лет шестидесяти с неизменным пучком седых волос на затылке. Она подняла на Анну глаза поверх очков.

- Доброе, Лариса Петровна.

- Вы сегодня по расписанию?

- Да. Шевченко, вторая пара.

Лариса Петровна помолчала. Потом сняла очки, протёрла их салфеткой.

- Анна Игоревна, я вас предупрежу. Обстановка в аудиториях нервная. Студенты разделились. Есть... горячие головы. Будьте аккуратны.

- Я понимаю.

- Не думаю, что до конца понимаете, Лариса Петровна вздохнула. - Мне уже звонили из ректората. Интересуются, кто из преподавателей какую позицию занимает. Вы же знаете, наш декан...

Деканом был Олег Степанович Гнатюк - человек, которого Анна знала десять лет. Когда-то они вместе писали учебник. Теперь он ходил с сине-жёлтой ленточкой в петлице и говорил о «русской угрозе» на каждом заседании.

- Я знаю, сказала Анна. - Я буду говорить только о литературе. этого может не хватить.

Лариса Петровна надела очки и вернулась к бумагам. Анна поняла, что разговор окончен.

Она прошла в преподавательскую, села за свой стол. Достала конспект, перечитала. Потом взяла с полки томик Шевченко - потрёпанный, с пожелтевшими страницами. Тот самый, который подарил ей отец в день поступления в университет.

Она открыла наугад:

«Садок вишневый коло хати,

Хрущі над вишнями гудуть...»

И вдруг почувствовала, что к горлу подступает ком. Она захлопнула книгу, прижала её к груди и зажмурилась. Детство. Харьков. Отец читает стихи. Мама на кухне печёт пирожки. Новый год, ёлка, запах хвои и Катя, маленькая, в розовом платье, танцует под телевизор.

Всё это было и всё это куда-то ушло.

Прозвенел звонок. Анна встала, взяла конспект и томик Шевченко. Вышла в коридор, где уже толпились студенты.

- Анна Игоревна, а вы слышали? В Киеве опять стрельба.

- Анна Игоревна, а правда, что в Крыму будет референдум?

- Анна Игоревна, а вы за Россию или за Украину?

Она остановилась и подняла руку.

- На лекции. Все вопросы - на лекции.

Она вошла в аудиторию. Студенты расселись. Анна встала за кафедру, открыла конспект. Сделала глубокий вдох.

- Сегодня мы поговорим о Тарасе Григорьевиче Шевченко...

И началась лекция. Она говорила о жизни поэта - о крепостном детстве, о выкупе из неволи, о Петербурге, о ссылке. Говорила о его стихах - о «Кобзаре», о «Гайдамаках», о «Сне». Студенты слушали. Сначала тихо, потом начали задавать вопросы.

- Анна Игоревна, а правда, что Шевченко ненавидел русских?

Вот он. Тот самый вопрос, которого она боялась.

Анна помедлила. Посмотрела на студента - молодой человек с жёлто-голубым браслетом на запястье. Глаза горят. Ждёт ответа.

это сложный вопрос, сказала она. - Шевченко много страдал от российской имперской власти. Он был сослан за свои стихи. Он имел право ненавидеть, но он писал и о любви и о Боге и о своём народе - не против кого-то, а за свой народ. Нельзя сводить великого поэта к одному чувству.

Но он же писал про «москалів поганих»! - не унимался студент.

- Писал, Анна кивнула. - А ещё он писал по-русски. У него есть повести на русском языке и дневник и он дружил с русскими писателями. С Жуковским, с Тургеневым. Он был сложным человеком., как и все мы.

В аудитории зашумели. Кто-то поддержал студента, кто-то - Анну. Разгорелся спор, и она поняла: лекция превращается в политический митинг.

- Тихо! - Анна повысила голос. - Мы здесь не для того, чтобы спорить о политике. Мы здесь, чтобы говорить о литературе. Если вы хотите спорить идите на площадь. А здесь - аудитория. Здесь мы думаем головой, а не горлом.

Студенты притихли. Тот парень с браслетом насупился, но замолчал.

Анна продолжила лекцию. Она говорила о поэтике Шевченко, о его образах, о его влиянии на украинскую культуру. Говорила ровно, спокойно, стараясь не выдать волнения и только когда прозвенел звонок, она позволила себе выдохнуть.

Студенты расходились. Некоторые благодарили, некоторые выходили молча, с каменными лицами. Парень с браслетом задержался у кафедры.

- Анна Игоревна, сказал он тихо, вы хороший преподаватель, но вы не понимаете. Сейчас не время для литературы. Сейчас время выбирать сторону.

- Я уже выбрала, ответила Анна, глядя ему прямо в глаза. - Я выбрала истину. А истина всегда сложнее, чем лозунги.

Парень усмехнулся, покачал головой и вышел.

Анна осталась одна в аудитории. Села за стол, обхватила голову руками. Ей хотелось плакать, но она не могла. Слезы кончились ещё вчера, после разговора с Катей.

Она достала телефон. Посмотрела на экран. Ни одного пропущенного. Катя не звонила.

И тогда Анна сделала то, чего не делала уже много лет. Она открыла томик Шевченко на форзаце - там, где отец оставил дарственную надпись тридцать лет назад.

«Доню, читай і пам'ятай: хто забуває минуле, той не має майбутнього. Люби свій народ, але не ненавидь інших. Бо ненависть - це отрута, яка вбиває того, хто її носить у серці».

Она перечитала эти слова трижды. Потом закрыла книгу, положила в сумку и вышла из аудитории.

В коридоре было шумно - студенты спешили на перемену. Анна прошла сквозь толпу, ни на кого не глядя. Спустилась по лестнице. Вышла на улицу.

Ветер усилился. Он нёс с моря запах соли и водорослей. Анна подняла воротник и пошла к автостанции. Ей нужно было домой, в Севастополь, к мужу, к тишине. Туда, где ещё можно было делать вид, что мир не рушится.

Но она знала: больше не получится.

Мир уже рушился. Прямо сейчас и нужно было выбирать, на каком обломке ты останешься.

Часть 3. Забой

Глубина - восемьсот сорок метров. Температура - плюс тридцать восемь. Влажность - под сто процентов. Воздух тяжёлый, густой от угольной пыли, он забивает лёгкие за первую же смену, а потом остаётся там навсегда. Шахтёры шутят: угольная пыль это такой витамин, без него уже не можешь.

Алексей Андреевич Бондаренко спустился в забой в шесть утра., как обычно. Клеть ухнула вниз, заскрежетала направляющими, и дневной свет исчез, сменившись желтоватым мерцанием ламп на касках. В клетке - двенадцать человек. Все знакомые: кто-то с его участка, кто-то с соседнего. Лица у всех серые, усталые, хотя смена только началась. Усталость здесь накапливается не за день - за годы.

- Слышал, Лёха, что в Киеве деется? - спросил кто-то в темноте.

- Слышал, коротко ответил Алексей.

- Говорят, опять стрельба. Бандеровцы власть берут.

- Разговоры, оборвал его пожилой шахтёр. - Ты, Петро, меньше слушай, что бабы на рынке болтают.

- Так по телевизору ж показывали!

- По телевизору тебе и про инопланетян покажут.

Клеть дёрнулась и остановилась. Створки разъехались, открывая чёрный зев штрека. Запахло углём, метаном, машинным маслом. Шахтёры, гремя касками, двинулись в забой.

Алексей шёл привычным маршрутом. Ему было тридцать два, из них двенадцать он провёл под землёй. После армии пошёл на шахту - других вариантов в Донецке не было. Вернее, были, но все хуже. Шахта платила стабильно, давала квартиру, путёвки, социальный пакет и уважала. Шахтёр в Донбассе это не просто профессия. Это статус. Это каста. Это почти, как военный, только война тут каждый день, а не по расписанию.

Отец хотел, чтобы Алексей пошёл на флот, но Алексей с детства боялся воды. Ирония судьбы: сын подводника, внук подводника и боится моря. Поэтому выбрал другую стихию. Подземную.

Андрей Петрович тогда обиделся, но промолчал. Он вообще умел молчать, когда было больно. Только сказал: «Твоя жизнь, сынок, но запомни: земля, она тоже глубиной в сорок метров бывает, а бывает - в километр. Выбирай, где глубина поменьше». Алексей выбрал ту, что поглубже. Наверное, из упрямства. А может, из желания доказать, что он тоже чего-то стоит.

Забой встретил его привычным гулом. Комбайн уже работал, вгрызаясь в угольный пласт. Грохот стоял такой, что разговаривать можно было только криком в ухо. Алексей надел респиратор и пошёл к своему участку.

Работа была тяжёлая, но он любил её. Здесь, под землёй, не было ни политики, ни национального вопроса. Была только порода, уголь, техника и люди. Здесь все говорили по-русски, но, если кто вставлял украинское слово - никто не морщился. Здесь работали русские, украинцы, татары, греки - все, кто родился на этой земле и всех объединяло одно: они добывали уголь. Чёрное золото. Топливо для страны.

В обеденный перерыв собрались в «столовой» - так называли небольшую нишу в штреке, где стояли лавки и термосы. Ели молча. Потом заговорили и разговор, конечно, свернул на политику.

- Говорят, в Крыму наших уже давят, сказал молодой парень, Витька, недавно после ПТУ. - Русских то есть. Украинизация, всё такое.

- В Крыму всегда русских было большинство, отозвался пожилой шахтёр, дядя Коля. - Я там в молодости отдыхал. Весь Южный берег - русские санатории, русские вывески. Какой там украинский?

- Ну так-то раньше. А теперь...

- А теперь бандеровцы власть взяли и давай порядки наводить, вставил ещё один шахтёр.

- Они же с националистами на Майдане. А те всегда мечтали Крым зачистить.

- Да ну, брешут, махнул рукой кто-то. - Крым - украинская земля, это все знают.

- С каких пор? - подал голос Алексей.

Все повернулись к нему. Алексей редко говорил на эти темы. Обычно он слушал.

- С пятьдесят четвёртого года, ответил тот шахтёр. - Хрущёв передал.

- А до этого чей был?

- До этого - российский.

- Ну вот и ответ, Алексей допил чай, закрыл термос. - Если земля была российской, а потом её передали административным решением - значит, она не перестала быть российской. Просто ею временно управляли из Киева.

- Ну ты загнул, Лёха! - засмеялся кто-то. - По такой логике и Донбасс - Россия.

- А ты посмотри на карту, Алексей достал телефон, открыл карту. - Донецкий край, Новороссия. Это всё осваивали русские, при Екатерине. Донецк основан в 1869 году. Кем? Русским промышленником Юзом. Здесь всегда говорили по-русски. Здесь всегда работали на Россию. Так кто мы?

Наступила тишина. Шахтёры переглядывались.

- Ну, мы-то кто... мы - шахтёры, неуверенно сказал дядя Коля. - Нам главное, чтоб платили.

- Будут платить, сказал Алексей. - Только вопрос - кто и в какой стране.

Спор разгорался, но время перерыва вышло. Все разошлись по местам. Алексей вернулся к комбайну, надел респиратор и снова погрузился в работу.

Но мысли не отпускали. Он думал о Киеве. О том, что там, в этом городе, живёт его младшая сестра. Катя. Катюша. Девочка, которую он помнил вот такой - с бантами, с портфелем, с вечно разбитыми коленками. Она бегала за ним хвостиком, когда он приезжал на каникулы из Донецка в Севастополь. Просила покатать на мопеде, научить играть на гитаре, рассказать про шахту.

А теперь она была в Киеве и он не знал, что с ней происходит. Звонил редко, она отвечала односложно. Последний раз - на Рождество. Поздравила, спросила, как дела, и быстро свернула разговор. По-украински. С акцентом, которого раньше не было.

Алексей чувствовал: что-то не так. Что-то ломалось в их семье, в их отношениях и он не знал, как это починить.

Смена закончилась в два часа дня. Алексей поднялся на-гора, сдал лампу и самоспасатель, пошёл в душ. Горячая вода смывала угольную пыль, текла чёрными ручьями. Шахтёры мылись молча, каждый думал о своём.

После душа Алексей переоделся, вышел на улицу. Донецк встретил его серым небом и пронизывающим ветром. Февраль здесь был не лучше севастопольского - только море не смягчало климат, и ветер дул степной, злой, с востока.

Он закурил. Постоял, глядя на террикон. Огромная гора пустой породы высилась над шахтой, как рукотворный вулкан. Местные говорили: «Пока стоят терриконы - жив Донбасс». Они были частью пейзажа, как горы в Крыму или море в Севастополе. Частью жизни.

Телефон завибрировал. Отец.

- Здорово, батя.

- Здорово, сынок., как ты?

- Нормально. Смена прошла. А у вас?

- Держимся. Ты новости смотрел?

- Смотрел.

- В Киеве нехорошо.

- Знаю.

- Ты... с сестрой не разговаривал?

Алексей затянулся, выдохнул дым.

- Нет. Она не звонит.

- Может, ты ей?

- Батя, она не хочет. Ты же знаешь. Она там живёт своей жизнью. У неё там друзья, учёба и другие идеи.

- Другие идеи, повторил Андрей Петрович, какие идеи могут быть у шестнадцатилетней девочки? Ей в школе голову морочат.

- Вот именно. А я не учитель. Я шахтёр.

Андрей помолчал. Потом сказал:

- Если что начнётся... ты знаешь, на чьей стороне правда.

- Знаю, батя.

- Ну, держись тогда. Матери не звони пока, она расстроенная. Катя ей вчера такого наговорила...

- Что?

- Неважно. Держись, сынок.

и ты.

Алексей убрал телефон. Посмотрел на террикон, на серое небо, на улицы Донецка, по которым спешили люди. Город жил. Пока жил.

Он бросил окурки в урну и пошёл домой. Нужно было выспаться. Завтра снова в забой.

А в голове стучало: «Если что начнётся... ты знаешь, на чьей стороне правда». Он знал, но это знание не приносило покоя.

Часть 4. Гимназия

Катерина Андреевна Бондаренко, для одноклассников - Катя, для учителей - Екатерина Андреевна, для самой себя - просто Катерина (именно так, по-украински, с ударением на «и»), сидела на подоконнике в коридоре киевской гимназии № 117 и смотрела в телефон.

Лента новостей пестрела заголовками: «Майдан. Хроника противостояния», «Власть расстреляла людей», «Герои не умирают». Фотографии баррикад, дыма, людей в касках и везде - сине-жёлтые флаги. Они развевались над толпой, над горящими крышами, над баррикадами из мешков с песком. Флаг, который Катя ещё год назад воспринимала просто, как государственный символ, теперь казался священным знаменем.

Она училась в выпускном, одиннадцатом классе. До экзаменов оставалось несколько месяцев, но какое теперь дело до экзаменов? Страна горела. История творилась прямо сейчас, за окнами гимназии и каждый должен был выбрать - с народом он или против.

Катя свой выбор сделала.

- Катюх, ты на Майдан сегодня? - спросила Олеся, её лучшая подруга, присаживаясь рядом. Олеся тоже была с сине-жёлтой ленточкой на рюкзаке и с браслетом в цветах флага на запястье.

- Не знаю. Тётка не пускает. Говорит, опасно.

- А мы ненадолго. Там сейчас митинг за единство Украины. Все наши идут.

- Я попробую.

Олеся убежала, а Катя снова уткнулась в телефон.

Она жила в Киеве уже полтора года. Переехала из Севастополя к тётке Оксане - маминной сестре. Оксана работала в Министерстве образования, у неё была просторная квартира на Оболони и никаких детей. Она с радостью приняла племянницу, устроила в хорошую гимназию, окружила заботой, граничащей с гиперопекой.

Поначалу Катя скучала по дому. По морю, по горам, по родительскому голосу, но Киев затягивал. Столица, большая жизнь, новые друзья. А потом начался Майдан и всё изменилось. Катя вдруг почувствовала себя частью чего-то огромного и важного. Она ходила на митинги, носила ленточки, пела гимн и постепенно стала забывать, что она - девочка из русского Севастополя, из семьи морского офицера. Теперь она была украинкой. Настоящей, сознательной, патриотичной.

Телефон завибрировал. Звонила мама.

Катя посмотрела на экран. Фотография мамы - тёплая, улыбающаяся, в летнем саду под Симферополем. Сердце сжалось, но она сбросила звонок.

Не сейчас. Она не готова. После того разговора, когда она накричала на мать и бросила трубку, прошёл уже день, а осадок остался. Катя знала, что была неправа, но признавать это не хотелось. В конце концов, мама сама виновата, она живёт в Крыму и не понимает очевидного.

Украина - едина. Крым это Украина. А Россия - агрессор. Это то, что Катя слышала каждый день в гимназии, по телевизору, в соцсетях и это стало её правдой.

Звонок прозвенел. Литература. Катя нехотя слезла с подоконника и поплелась в класс.

Учительница, пани Наталья, худая женщина в вышиванке и с неизменной брошью-тризубом, уже стояла у доски. Тема урока: «Украинская литература в борьбе за независимость».

- Сьогодні ми поговоримо про те, як українські письменники боролися за нашу державність, говорила пани Наталья. - Про тих, хто віддав життя за Україну. Про Василя Стуса, про Олену Телігу, про...

Катя слушала и верила. Это было правильно, это было героично, это было красиво - умирать за родину, за язык, за флаг. Она представляла себя на месте этих героев. Вот она стоит перед врагом и говорит: «Україна понад усе» и враг отступает.

На перемене все обсуждали новости из Крыма. Говорили, что там «зелёные человечки», что Россия готовит аннексию, что нужно срочно что-то делать.

- Мой отец говорит, надо вводить войска, сказал Роман, высокий парень с нашивкой «Правого сектора» на куртке.

- Чьи войска? - спросила Катя.

- Наши. Украинские. Защищать Крым.

- А если начнётся война?

- Значит, будем воевать. А ты что, боишься?

- Нет, Катя вскинула подбородок. - Я не боюсь.

Но на самом деле ей было страшно. Только она никому бы в этом не призналась. Страшно было от мысли, что где-то там, в далёком Севастополе, живут её родители. Которые теперь - по ту сторону. Которые, если верить телевизору и соцсетям, стали её врагами.

И от этой мысли её тошнило.

После уроков они с Олесей всё-таки пошли на Майдан. Народу было много - несколько тысяч человек. Люди стояли с флагами, скандировали лозунги, пели гимн. На импровизированной сцене выступали какие-то политики, призывали к единству и борьбе.

Катя стояла в толпе и чувствовала себя частью большого организма. Это было опьяняющее чувство., как музыка, которая проникает в каждую клетку и заставляет сердце биться в унисон с тысячами других сердец.

- Слава Украине! - крикнул кто-то со сцены.

- Героям слава! - ответила толпа, и Катя тоже ответила.

А потом домой. Тётка Оксана встретила её в прихожей, всплеснула руками:

- Катя! Я же просила - не ходишь на Майдан! Там стреляют!

- Ну, тётя Оксана, я же ненадолго и там сегодня тихо.

- Тихо... - Оксана покачала головой. - Вчера тоже было тихо. А потом - десятки погибших.

Ты понимаешь, что ты у меня одна? Что я перед матерью отвечаю?

- Моя мать в Крыму, холодно сказала Катя, и она, кажется, не очень-то за меня переживает. Её больше волнует, что там у них с референдумом.

Оксана замолчала. Поджала губы.

- Не смей так говорить о матери, сказала она наконец, что бы ни происходило, она тебя любит.

- Любит? - Катя усмехнулась. - А почему тогда она не здесь? Почему она там, с этими... с «зелёными человечками»?

- Потому что она живёт там. Это её дом.

- Её дом - Украина! А не Россия!

Оксана вздохнула и ничего не ответила.

Катя ушла в свою комнату, хлопнула дверью. Упала на кровать, обхватила подушку. Слезы текли по щекам, но она не позволяла себе плакать в голос. Плачут слабые, а она сильная. Она украинка. Она патриотка. Она не будет жалеть себя.

Но что-то внутри неё всё равно плакало. Тоненько, почти неслышно., как ребёнок, который потерялся в лесу и не знает, куда идти.

Она достала телефон. Посмотрела на фотографию родителей. Мама и папа, Севастополь, набережная. Прошное лето. Они ещё были вместе. Они ещё были семьёй.

Катя нажала кнопку вызова.

Гудки. Длинные, тягучие. Она почти хотела, чтобы мама не взяла трубку, но та взяла.

- Катя? - голос был испуганный, взволнованный. - Катюша, ты?

- Мама...

И тут она не выдержала. Разрыдалась. Прямо в трубку, позабыв про всю свою гордость и принципы.

- Мама, я не понимаю, что происходит... Мама, я боюсь...

- Катюша, девочка моя... - Анна говорила тихо, успокаивающе. - Тихо, тихо. Не плачь. Всё будет хорошо.

- Не будет! - Катя почти кричала. - У нас тут говорят, что Россия нападёт! Что будет война! Что Крым оккупирован!

- Катя, в Крыму нет никакой оккупации, Анна говорила твёрдо. - Здесь люди вышли на референдум. Они хотят вернуться в Россию. Это их выбор.

это не выбор! Это аннексия!

- Катюша, ты не понимаешь...

это ты не понимаешь! - Катя снова перешла на крик. - Ты там, в своём Крыму, думаешь, что это нормально! А я здесь, в Киеве, вижу всё своими глазами! И я знаю, что Россия - враг!

- Катя...

- Не звони мне больше, и она сбросила вызов.

Телефон полетел в стену, ударился об обои, упал на пол. Экран погас.

Катя свернулась калачиком на кровати и затихла.

За стеной гремел телевизор - тётя Оксана смотрела новости. Диктор говорил о «российской агрессии», о «необходимости дать отпор», о «единстве украинской нации». Слова падали в темноту, как камни в колодец.

Катя лежала и думала: как же так вышло? Почему её семья оказалась по разные стороны? Почему она, украинская патриотка, дочь русского офицера и преподавательницы украинской литературы? Почему всё так сложно, так запутанно, так больно?

Ответа не было. Была только февральская ночь за окном, холодная и тёмная, как будущее.

Она закрыла глаза и провалилась в сон, где не было ни войны, ни политики, ни разделённых семей. Где все они были вместе - мама, папа, она и Алёша., как раньше., как в детстве.

Часть 5. Телефон

Вечер опускался на Севастополь медленно, слоисто - сначала сизыми сумерками над бухтой, потом густой синевой, в которой растворялись очертания кораблей, и наконец - крошечной южной темнотой, прорезаемой только редкими огнями на рейде и жёлтыми прямоугольниками окон на Корабельной стороне.

Анна сидела на кухне. Перед ней стояла чашка давно остывшего чая, лежал телефон и раскрытый томик Шевченко. Она не читала - просто смотрела на страницы, не различая букв. Мысли были далеко.

После лекции она вернулась домой, разогрела борщ, накормила Андрея, выслушала его скупой рассказ о работе в мастерской. Сама почти не ела. Муж заметил, но ничего не сказал - он умел чувствовать, когда её лучше не трогать.

А потом она позвонила Кате.

Анна долго не решалась. Ходила по квартире, переставляла вещи, открывала и закрывала холодильник. Андрей ушёл в мастерскую - сказал, нужно закончить бочку. Она осталась одна и тишина стала невыносимой.

Первый гудок. Второй. Третий. Она почти надеялась, что дочь не возьмёт трубку, но та взяла.

- Алло.

Голос был чужой, холодный, с украинским акцентом, которого раньше не было.

- Катя... Катюша, это мама.

- Я знаю, пауза, что ты хотела?

Анна почувствовала, как внутри всё сжимается в тугий комок. Она хотела сказать столько всего - спросить про учёбу, про здоровье, про настроение. Рассказать про свою лекцию, про Шевченко, про то, как она скучает, но вместо этого спросила:

- Ты как?

- Нормально, сухо.

- У вас там... в Киеве... я новости смотрела. Там страшно, Катя. Ты не ходишь на этот Майдан?

- Хожу, в голосе дочери появился вызов. - А что? Это моя страна. Я имею право.

- Конечно, имеешь, Анна старалась говорить спокойно. - Я просто волнуюсь. Там стреляют, люди гибнут. Пожалуйста, будь осторожнее.

- Буду, короткий ответ и снова пауза.

Тишина в трубке была хуже всего. Раньше они могли болтать часами - о пустяках, об учёбе, о мальчиках, о книгах. Теперь слова застревали в горле.

- Катя, я хотела спросить... - Анна запнулась. - Ты на нас не обижаешься?

- А ты, как думаешь? - голос дочери дрогнул.

- Я не знаю. Я хочу понять.

- Что понять? - Катя вдруг взорвалась. - Понять, почему мои родители поддерживают оккупацию Крыма? Почему вы не со своей страной? Почему вы... предатели?

Слово ударило хлётко, как пощёчина. Анна зажмурилась.

- Катя, мы не предатели. Мы живём здесь. Это наш дом.

- Ваш дом - Украина! А вы...

- А мы - люди, которые хотят мира. Мы не хотим, чтобы здесь была война. Мы не хотим, чтобы русских людей выгоняли из их домов. Ты понимаешь?

- Русских? - Катя усмехнулась. - При чём тут русские? Все нормальные украинцы хотят в Европу! Хотят нормальной жизни, без этой вечной оглядки на Москву! А вы... вы, как будто в прошлом веке застряли.

- Может быть, тихо сказала Анна. - Может быть, мы застряли, но мы не враги тебе. Мы твои родители. Мы тебя любим.

- Любите? - голос Кати сорвался. - Если бы вы меня любили, вы бы не...

Она не договорила. В трубке послышались всхлипы.

- Катя? Катюша?

- Не звони мне пока, мам. - голос стал глухим, усталым. - Мне нужно подумать.

- Катя, подожди...

- Я перезвоню. Когда смогу.

И гудки.

Анна долго сидела, прижимая телефон к уху, хотя там уже давно не было ни звука. Потом медленно положила его на стол. Взяла чашку с остывшим чаем. Сделала глоток. Чай был горьким, как полынь.

Она не заплакала. Слёзы придут потом, ночью, когда она будет лежать без сна и слушать ровное дыхание Андрея. А сейчас была только пустота. Огромная, холодная, как февральское море.

Она открыла Шевченко на заложенной странице.

*«Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами!
Нащо стали на папері
Сумними рядами?..»*

В молодости ей казалось, что она понимает эти строки. Что знает, что такое одиночество и тоска. Теперь она поняла: ничего она не знала. Настоящее одиночество это когда твой ребёнок называет тебя предателем.

Хлопнула входная дверь. Андрей. Она услышала его шаги в коридоре, потом на кухне. Он вошёл, посмотрел на неё, на телефон, на раскрытую книгу. Всё понял без слов.

- Звонила?

- Да.

- Что?

Анна покачала головой. Андрей вздохнул, сел напротив. Достал из кармана пачку сигарет, повертел в пальцах, убрал обратно. Бросил.

, она молодая, сказал он наконец. - Горячая. Пройдёт.

- Ты не слышал её голос, ответила Анна. это не горячность. Это вера. Она верит в то, что говорит. Она нас ненавидит.

- Не ненавидит. Она запуталась. Ей промыли мозги.

- Может, и нам промыли? - Анна подняла на него глаза. - Может, мы тоже во что-то верим, что не совсем правда?

Андрей помолчал. Потом сказал:

- Я верю в то, что видел своими глазами., как разваливали флот., как офицеры стрелялись, потому что им не платили зарплату., как украинские политики продавали всё, что можно. Я верю в то, что Крым - русская земля и в то, что мы имеем право жить так, как хотим.

- Катя считает иначе.

- Катя - ребёнок. Она вырастет и поймёт.

- А если не поймёт? Если она вырастет и останется... там?

Андрей ничего не ответил. Просто протянул руку и накрыл её ладонь своей. Большой, шершавой, в мозолях от молотка и стамески.

Они сидели так долго. Ветер за окном стихал. Где-то внизу, на причале, переключались вахтенные.

А потом зазвонил телефон.

Анна вздрогнула, схватила трубку, но это была не Катя. Это был Алексей.

- Мам, привет.

- Алёша... - голос Анны потеплел, как ты, сынок?

- Нормально. Смена прошла., как вы?

- Держимся. Отец вот рядом. Тебя слышит.

- Привет, батя.

- Здорово, сынок, Андрей придвинулся ближе к телефону.

- Я тут новости смотрел, Алексей говорил негромко, но твёрдо. - В Донецке неспокойно.

Люди выходят на митинги. Говорят, о референдуме.

это хорошо, сказал Андрей.

или плохо, добавила Анна. - Смотря чем закончится.

- Чем бы ни закончилось, Алексей помолчал. - Я, наверное, пойду в ополчение. Если что. Анна закрыла глаза. Этого она и боялась. Сын собирался на войну.

- Алёша, начала она, но Андрей перебил:

- Правильно, сынок. Если каждый будет сидеть дома - кто защитит?

- Андрей! - Анна повысила голос. - Ты понимаешь, что говоришь? Ты хочешь, чтобы твой сын воевал?

- Я хочу, чтобы мой сын был мужчиной. Чтобы он не прятался за чужие спины. Чтобы он защищал свой дом.

- Свой дом это здесь! В Севастополе!

- Его дом - Донбасс. Он там родился, он там живёт и если туда придут - он будет защищать.

- Вы оба сошли с ума, Анна встала, отошла к окну. - Один ребёнок называет меня предателем, второй собирается на фронт. Что дальше? Что дальше, я вас спрашиваю?

В трубке было тихо. Потом Алексей сказал:

- Мам, я тебя люблю и Катюшу люблю, хоть она и дурная, но я должен. Понимаешь? Должен.

Анна молчала, глядя в тёмное окно. За стеклом мигали далёкие огни на рейде. Красные, зелёные, белые. Сигнальные.

- Понимаю, сказала она наконец. - Хоть и не хочу.

Они поговорили ещё немного - о погоде, о здоровье, о пустяках. Алексей обещал звонить чаще. Анна обещала не волноваться. Оба знали, что эти обещания - просто слова.

Когда разговор закончился, Андрей подошёл к ней, обнял сзади, прижал к себе. Она стояла, чувствуя его тепло, и думала о том, что семья это не то, что даётся раз и навсегда. Семью нужно собирать каждый день, как ту самую бочку в его мастерской. Клёпка к клёпке, обруч к обручу и если одна клёпка выпадет - всё может рассыпаться.

- Ничего, сказал Андрей тихо. - Выстоим. Мы же Бондаренко. Мы всегда выстаивали.

Она кивнула, хотя не была в этом уверена.

Потому что ночь за окном была тёмной и холодной. Потому что где-то в Киеве их дочь лежала в постели и плакала от ненависти. Потому что где-то в Донецке их сын смотрел в чёрное небо и думал о войне.

И потому что февраль 2014 года только начинался.

Самое страшное было ещё впереди.

Часть 6. Сестра

Киев, Оболонь, квартира на седьмом этаже. Оксана Игоревна стояла у окна и смотрела, как внизу, по проспекту, течёт людская река. Сотни, тысячи людей с флагами, с факелами, с песнями. Вечерняя смена Майдана выходила на марш.

Оксане было сорок пять. Она была младшей сестрой Анны - разница в пять лет, но всю жизнь казалось, что это Анна младшая. Оксана всегда была решительнее, резче, громче. Анна - мягче, спокойнее, тише. В детстве Оксана командовала. Анна подчинялась. Так было и потом, во взрослой жизни. Анна выбрала литературу, тихий Симферополь, семью. Оксана - политику, Киев, карьеру.

Теперь Оксана работала в Министерстве образования - начальник отдела, не последний человек. У неё были связи, влияние, уважение и она искренне верила в то, что делала. В реформы, в евроинтеграцию, в новую Украину без оглядки на Москву.

Майдан стал для неё откровением. Она ходила туда с первых дней - сначала из любопытства, потом из солидарности, потом из убеждения. Она стояла на сцене, читала резолюции, скандировала лозунги. Она чувствовала себя частью истории и это чувство пьянило сильнее любого вина.

- Тётя Оксана, я дома! - хлопнула входная дверь.

Катя вошла, раскрасневшаяся с мороза, с блестящими глазами.

- Была на Майдане?

- Да. Там столько людей! И все такие... такие настоящие!

Оксана улыбнулась. Она любила племянницу - может быть, даже сильнее, чем любила бы собственную дочь, если бы таковая была. Катя напоминала ей саму себя в молодости: горячая, искренняя, готовая перевернуть мир.

- Есть хочешь?

- Очень!

Они сидели на кухне, ели гречку с котлетами, пили чай с малиновым вареньем. Катя захлёб рассказывала о последних новостях с Майдана: кто выступал, что говорили, какие были лозунги.

- Представляешь, дядя Степан из Минобразования речь толкал! Так классно говорил - про европейское будущее, про то, что Украина - не Россия, и никогда ею не будет.

Оксана слушала и кивала. Степана она знала - хороший мужик, грамотный, но её мысли были далеко. Она думала о сестре.

Анна звонила вчера. Голос был встревоженный, даже испуганный. Спрашивала про Катю, про Киев, про обстановку. Оксана отвечала бодро, даже весело: «Всё отлично, сестричка! Украина воспрянет, вот увидишь!» Анна молчала. А потом спросила тихо: «Оксана, ты понимаешь, что происходит в Крыму? Ты понимаешь, что мы здесь чувствуем?»

И Оксана не нашлась, что ответить. Потому что - нет, не понимала. Она видела только картинку по телевизору: «зелёные человечки», пророссийские митинги, флаги РФ. Она искренне считала, что Крым это Украина. Что люди, которые хотят в Россию, предатели. Что её сестра, которая живёт в Севастополе и молчит о политике, тоже почти предательница.

Но это была её сестра. Её Аня. С которой они в детстве делили одну комнату на двоих, одни игрушки, одни мечты. Которая читала ей перед сном «Кобзаря» и это было волшебство. Которая плакала вместе с ней на похоронах родителей.

Как теперь смотреть ей в глаза?

- Тётя Оксана, а вы с мамой давно разговаривали? - спросила Катя, словно читая её мысли.

- Вчера.

и что?

- Ничего. Обычный разговор.

, она за меня спрашивала?

- Конечно.

Катя опустила глаза, поковыряла вилкой котлету.

- Я ей нагрубила, сказала она тихо. - Назвала предательницей.

- Катя! - Оксана всплеснула руками. - Зачем?!

- Потому что она не понимает! Она живёт там, в этом Крыму, и думает, что Россия это хорошо! А я ей говорю: Россия - агрессор! А она мне: «Ты не понимаешь». А я понимаю! Я здесь живу, я вижу, что происходит!

Оксана вздохнула. Она сама разрывалась между любовью к сестре и верой в правоту украинского дела.

- Катя, твоя мама - хороший человек. Она просто... запуталась. Они все там запутались. Им московская пропаганда мозги задурила.

- Ну так пусть разберутся! - Катя вскочила из-за стола. - Почему я должна их жалеть? Почему я должна молчать? Они предают Украину!

- Катя, Оксана взяла её за руку, усадила обратно. - Послушай меня. Политика это одно. А семья - совсем другое. Твоя мама тебя любит. Твой папа тебя любит. Они вырастили тебя, они дали тебе всё. Нельзя их ненавидеть. Даже если они ошибаются.

- А если они не ошибаются? - тихо спросила Катя.

- Что?

- А если это мы ошибаемся? - Катя подняла на тётку глаза, полные слёз. - Я иногда ночью лежу и думаю: а вдруг всё не так? Вдруг Россия правда защищает своих? Вдруг Крым и правда хочет в Россию? Вдруг мы тут все..., как в секте?

Оксана замерла. Такого она от племянницы не ожидала.

- Катя, ты что такое говоришь? Ты же сама на Майдан ходишь. Ты же сама...

- Я знаю! - Катя почти кричала. - Я хожу, я кричу, я верю!, но иногда... иногда мне кажется, что я просто боюсь признаться себе, что мама может быть права. Потому что если она права - тогда всё, во что я верю, ложь.

На кухне повисла тишина. Только холодильник гудел, да за окном шумел далёкий Майдан.

Оксана смотрела на племянницу и не узнавала её. Куда делась та горячая, уверенная девочка, которая ещё полчаса назад рассказывала о митинге? Перед ней сидел испуганный, запутавшийся подросток, который разрывался между любовью к родителям и любовью к новой родине.

- Катюша, Оксана присела рядом, обняла её за плечи. - Я не знаю, кто прав. Честно тебе говорю - не знаю. Я верю в Украину. Я хочу, чтобы она была сильной, свободной, европейской, но твоя мама - моя сестра и я не могу сказать, что она плохой человек. Она просто... другая.

- А если Украина и Россия - враги? - спросила Катя. - Тогда моя семья - враги Украины и я должна их ненавидеть.

- Нет, твёрдо сказала Оксана. - Ты никому ничего не должна. Ты имеешь право любить своих родителей. Даже если они выбрали другую сторону.

Но как? Как можно любить врага?

- А ты попробуй. Попробуй не ненавидеть. Попробуй понять.

Катя покачала головой.

- Не могу. Я пробовала - не получается. Я вижу по телевизору эти кадры из Крыма и хочется кричать. А потом думаю: там моя мама и мне хочется плакать.

Она всё-таки заплакала. Молча, без всхлипов. Слёзы текли по щекам и капали на стол.

Оксана обнимала её и думала: что же мы наделали? Во что мы превратили наших детей? В солдат необъявленной войны, которые должны выбирать между страной и семьёй и какой бы выбор они ни сделали - они проиграют.

За окном гремело: «Слава Украине! Героям слава!» Тысячи голосов сливались в один и в этом одном голосе не было места для сомнений, для колебаний, для любви к тем, кто по ту сторону баррикад.

Оксана вдруг остро, до боли в груди, захотела позвонить сестре. Просто услышать её голос. Спросить, как дела. Сказать, что любит её, несмотря ни на что.

Но она не позвонила. Постеснялась. Побоялась. Отложила на завтра.

Завтра, которое никогда не наступит.

Потому что через неделю Крым уйдёт в Россию. Потому что через месяц Донбасс запыхает. Потому что через год они с сестрой перестанут разговаривать совсем и это завтра это точка невозврата.

Но пока ещё - февраль. Пока ещё - оттепель. Пока ещё можно позвонить.

Оксана взяла телефон. Посмотрела на номер сестры. Палец завис над кнопкой вызова.

И не нажал.

Завтра. Я позвоню завтра.

Часть 7. Ночной разговор

Ночь опустилась на Севастополь незаметно - просто ветер стих, и тишина стала глубже, плотнее, словно город накрыли ватным одеялом. В порту перемигивались сигнальные огни, где-то далеко лаяла собака, да изредка проезжала одинокая машина, шурша шинами по мокрому асфальту.

Анна не спала. Она лежала на спине, глядя в потолок, где плясали тени от уличного фонаря. Андрей тоже не спал, она слышала по его дыханию. За тридцать лет она научилась различать все оттенки его дыхания: ровное и глубокое - спит; прерывистое - видит тревожный сон; а вот такое, чуть учащённое, с короткими паузами, не спит, думает.

- Андрей, позвала она тихо.

- М-м?

- Ты тоже не спишь.

- Не сплю, он повернулся на бок, и она почувствовала его взгляд в темноте. - Думаю.

- О чём?

- О сыне. О дочери. О том, что будет дальше.

Анна помолчала, собирая слова. Слова были трудные, тяжёлые, как камни, но она должна была их сказать.

- Андрей, я боюсь, наконец произнесла она. - Я очень боюсь. Не за себя - за них. За Катю, за Алёшу. Мне кажется, мы теряем их. Обоих.

- Не теряем, он говорил медленно, как всегда, когда обдумывал каждое слово. - Они просто далеко. Катя в Киеве, Алёша в Донецке, но они наши дети.

- Катя назвала меня предательницей. Ты понимаешь? Дочь назвала мать предательницей., как после этого жить?

Андрей протянул руку, нашёл в темноте её ладонь, сжал.

, она не то имела в виду. Она просто повторяет то, что ей говорят. Ей шестнадцать, Аня. В этом возрасте все максималисты. Я сам в шестнадцать с отцом ругался так, что стены дрожали. А потом остыл.

- Твой отец не был для тебя «врагом народа». А я для неё - враг. Потому что я здесь. Потому что я не кричу «Слава Украине». Потому что я просто живу и хочу мира.

- Вот именно, Андрей приподнялся на локте. - Ты хочешь мира. А им там, в Киеве, уже в голову вбили, что мира не будет, что нужно воевать, что Россия - враг, но это пройдёт. Война кончится, и Катя поймёт.

- А если не кончится? - Анна села в постели, обхватила колени руками. - Если это только начало? Ты сам говорил - надвигается шторм. Ты чувствовал и я чувствую. Андрей, я филолог, я читаю тексты. Я вижу, как меняется риторика. Ещё год назад никто не говорил о «русской агрессии». А теперь это везде: в газетах, в телевизоре, в школах. Это накачивание ненависти и оно не прекратится. Оно будет только нарастать.

Андрей сел рядом, обнял её за плечи.

- Пусть нарастает. Мы будем держаться. Мы - Бондаренко. Мы выстояли в девяностые, когда зарплату не платили по полгода, когда флот резали на металлолом, когда офицеры стрелялись от безысходности. Неужели теперь не выстоим?

- Тогда мы были молодые. У нас были силы. А сейчас...

- А сейчас у нас есть опыт и правда на нашей стороне.

- Правда? - Анна горько усмехнулась. - У каждого своя правда, Андрей. У Кати - одна, у Алёши - другая, у нас - третья и все считают, что их правда - единственная., как выбрать?

- Никак. Правду не выбирают. Правда это то, что ты чувствуешь вот здесь, он приложил руку к груди. - Здесь, в сердце. Если сердце говорит: «Ты дома» - значит, ты дома. А мы дома. Севастополь Наш дом. Крым Наш дом и мы его не отдадим. Никому.

Они замолчали. Тишина была такой глубокой, что слышно было, как тикают старые часы в коридоре - те самые, ещё отцовские, с кукушкой, которая давно не куковала, но ходики ещё работали.

Потом Анна сказала:

- Знаешь, что мне сегодня сказала одна студентка? После лекции. Подошла и спросила: «Анна Игоревна, а вы на чьей стороне?» Я говорю: «На стороне литературы». А она: «Литература это тоже политика» и ушла.

- Глупая девчонка.

- Нет, Андрей. Она не глупая. Она просто молодая и она уже выбрала., как Катя., как Алёша. Они все выбрали и их выбор - воевать. Кто за Россию, кто за Украину. А мой выбор какой? Сидеть и ждать?

- Твой выбор - учить, Андрей повернулся к ней. - Ты же преподаватель. Учи их думать. Учи их видеть сложность. Не чёрное и белое, а оттенки.

- Они не хотят оттенков. Им нужна определённость. «Ты за наших или за ваших?» Третьего не дано.

Андрей вздохнул. Он понимал, что она права. Он сам это видел - в мастерской, на улице, в очередях. Люди делились на «наших» и «ваших» быстрее, чем таял февральский снег.

- Я тебе вот что скажу, он взял её за руку, заглянул в глаза. - Помнишь, мы с тобой в девяносто первом голосовали за независимость Украины?

- Помню, тихо ответила Анна.

- Мы тогда верили, что Украина будет нормальной страной. Что она будет уважать и русских, и украинцев, и всех остальных. Что она будет другом России. Мы двадцать лет в это верили. А потом случился Майдан - первый, оранжевый. Потом второй этот и с каждым годом становилось всё хуже. Русский язык вытесняли, наших героев называли оккупантами, нашу историю переписывали и мы терпели. До какого-то момента. А теперь момент настал. Хватит терпеть. Мы возвращаемся домой.

- Домой, повторила Анна. - А Катя считает, что мы уходим из дома.

- Катя вернётся. Рано или поздно. Она наша дочь. Кровь - не вода.

- Кровь - не вода, эхом отозвалась Анна.

Они легли. Андрей скоро задышал ровнее - усталость взяла своё. А Анна ещё долго лежала без сна, глядя в потолок.

Она думала о том, что завтра снова на лекцию. Снова смотреть в глаза студентам, которые уже выбрали сторону. Снова отвечать на вопросы, на которые нет однозначного ответа. Снова делать вид, что всё нормально, что литература это просто литература, а не поле боя.

Но она знала: литература это поле боя. Всегда была. Шевченко воевал словом, Франко воевал, словом, Леся Украинка воевала словом и она, Анна Бондаренко, тоже теперь в этой войне. Хочет она того или нет.

Только у неё оружие - не стихи, а знания и она будет сражаться. Не за Россию, не за Украину. За правду. За то, чтобы её студенты научились думать, а не повторять лозунги. За то, чтобы её дочь когда-нибудь поняла: мать - не предатель. Мать - просто человек, который хочет мира.

За окном забрезжил рассвет. Серый, пасмурный, февральский, но всё-таки - рассвет.

Анна закрыла глаза и наконец уснула.

Ей приснился Харьков. Детство. Отец читает Шевченко, мама печёт пирожки и они с Оксаной, маленькие, сидят на ковре и слушают и всё хорошо и нет никакой войны.

Но война уже стояла на пороге.

Часть 8. Историческая справка

(Из лекции профессора кафедры истории Таврического национального университета, март 2014 года. Восстановлено по аудиозаписи.)

..Итак, коллеги, студенты. Прежде чем мы перейдём к основной теме сегодняшней лекции - а тема эта, как вы понимаете, более чем актуальна - позвольте мне сделать небольшое историческое отступление. Без него мы не поймём ни сути происходящего, ни глубины вопроса.

Крым. Таврида. Таврика. Полуостров, который античные греки называли «землёй тавров» - по имени воинственного племени, населявшего здешние горы. Здесь, по преданию, жрица Ифигения приносила в жертву чужеземцев, пока её не спас Орест. Здесь, в Херсонесе, принял крещение князь Владимир - тот самый, который потом крестил Русь. Здесь, на берегах Чёрного моря, скрестились судьбы десятков народов: скифов и сарматов, греков и римлян, готов и гуннов, хазар и печенегов, гунуэзцев и венецианцев...

Но нас с вами интересует другое. Нас интересует, почему Крым стал русским и почему он остаётся русским - несмотря ни на что.

Давайте пройдем по основным вехам. Быстро, пунктиром.

1783 год. Императрица Екатерина Вторая подписывает манифест о присоединении Крыма, Тамани и Кубани к Российской империи. Это не завоевание в привычном смысле это добровольное вхождение под защиту русского оружия после отречения последнего крымского хана Шагин-Гирея. Крым становится частью России и остаётся ею двести лет.

1783–1917. Крым - жемчужина Российской империи. Здесь строятся города - Севастополь, Симферополь, Ялта. Здесь базируется Черноморский флот - гордость и сила России. Здесь происходит Крымская война 1853–1856 годов - одна из самых трагических и героических страниц русской истории. Адмирал Нахимов, адмирал Корнилов, матрос Кошка, Даша Севастопольская - эти имена знает каждый. Оборона Севастополя длилась 349 дней. Город был разрушен до основания, но не сдался.

1921 год. Большевики создают Крымскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР. Запомните это: в составе РСФСР. Крым - российская земля.

1941–1944. Вторая героическая оборона Севастополя - 250 дней. Город снова разрушен, снова не сдаётся духом. После освобождения Крыма от фашистов - трагическая страница: депортация крымских татар, армян, болгар, греков. Страшная несправедливость, о которой мы обязаны помнить и которую обязаны признавать.

1945 год. Крымская АССР преобразована в Крымскую область в составе РСФСР. Всё по-прежнему. Крым - Россия.

1954 год. Февраль. Никита Хрущёв, Первый секретарь ЦК КПСС, принимает решение о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР. Решение принято в честь 300-летия Переяславской Рады - того самого события, которое воссоединило Украину с Россией. Ирония судьбы, не правда ли? В честь воссоединения - разделили.

Решение это было принято с многочисленными нарушениями. Референдум не проводился. Мнение населения не учитывалось. Это было волюнтаристское решение одного человека - Хрущёва. Юридически оно было оформлено, как «подарок», но можно ли дарить то, что тебе не принадлежит? Можно ли распоряжаться судьбами миллионов людей, как фигурами на шахматной доске?

1991 год. Развал СССР. Крым остаётся в составе Украины, но уже через год, в 1992-м, Крым принимает собственную конституцию, в которой провозглашается суверенной республикой в составе Украины. Вводится должность президента Крыма. Идёт борьба за полномочия, за язык, за флот. Киев последовательно урезает права автономии, отменяет конституцию, упраздняет президентство.

1997 год. Подписан «Большой договор» между Россией и Украиной. Россия признаёт Крым частью Украины. Черноморский флот разделён, Россия арендует базу в Севастополе. Казалось бы - точка поставлена.

Но точка не поставлена. Потому что нельзя поставить точку в вопросе, который касается сердца.

Крым всегда был русским не только по административной принадлежности. Он был русским по духу, по крови, по культуре. Здесь жили и живут русские люди - миллионы русских людей. Здесь говорят по-русски. Здесь чтят русских героев. Здесь помнят русскую историю.

И когда в Киеве случился государственный переворот - а то, что произошло в феврале 2014 года, иначе, как переворотом назвать нельзя, крымчане поняли: пришло время выбирать. Либо мы остаёмся с теми, кто кричит «москалей на ножи», кто отменяет закон о языках, кто марширует с портретами Бандеры, либо мы возвращаемся домой.

Выбор был очевиден.

Я понимаю, что среди вас есть те, кто не согласен. Есть те, кто считает иначе. Я уважаю ваше мнение, хотя и не разделяю его. История это не набор догм. Это повод для размышления. Думайте. Спорьте. Анализируйте.

Но помните: Крым стал российским не в 2014 году. Он был российским всегда. Просто на какое-то время он оказался оторван от России - в силу политических обстоятельств, в силу чьих-то ошибок и чьих-то амбиций.

А теперь он возвращается.

И это не аннексия, как говорят некоторые. Это - восстановление исторической справедливости.

Лекция окончена. Вопросы?

Примечание автора. Эта лекция читалась в Таврическом национальном университете 11 марта 2014 года. Профессор, читавший её, Виктор Степанович Горовой, доктор исторических наук, специалист по истории Крыма и русско-турецких войн. После марта 2014 года он продолжил преподавать в том же университете, но уже в российском Крыму. Студенты, задававшие ему вопросы после лекции, разделились примерно поровну: одни аплодировали, другие выходили молча. Третьих не было.

Это было время, когда трещина прошла не только по карте, но и по каждой аудитории, по каждой семье, по каждому сердцу и эта трещина ещё долго будет заживать.

Часть 9. Симферопольский дневник

Анна вернулась из университета поздно - задержалась на кафедре, разбирала бумаги, пила чай с Ларисой Петровной и старалась не думать о завтрашнем дне. Завтра должно было состояться экстренное заседание учёного совета, и обе женщины знали, о чём там пойдёт речь. О референдуме. О позиции университета. О том, кто с кем и кто против кого.

Лариса Петровна, заведующая кафедрой, держалась спокойно, но Анна видела: у неё дрожали руки, когда она наливала чай. Старая преподавательница, всю жизнь проработавшая в украинской системе образования, теперь должна была выбирать - оставаться в Крыму и принимать новые правила или уезжать на Украину и начинать всё заново.

- Я никуда не поеду, сказала она, не дожидаясь вопроса. - Мне шестьдесят семь. Здесь мои внуки. Здесь могила мужа. Здесь моя библиотека. Куда я поеду?

- Вас могут уволить, осторожно заметила Анна.

- Пусть. Я уже на пенсии. А вы, Анна Игоревна, думайте о себе. Вы ещё молодая. У вас сын в Донецке, дочь в Киеве. Вы можете выбирать.

- Я уже выбрала, ответила Анна. - Мой дом здесь.

Лариса Петровна долго смотрела на неё поверх очков, потом кивнула.

Дома Анна достала старую тетрадь в кожаном переплёте - подарок Андрея на какую-то давнюю годовщину. Она давно не вела дневник, но сегодня почувствовала: надо. События

накапливались с такой скоростью, что память не справлялась. Нужно было зафиксировать, оставить свидетельство. Для себя. Для детей. Для истории.

Она села за кухонный стол, зажгла настольную лампу и открыла первую страницу.

«20 февраля 2014 года. Симферополь.»

Сегодня был трудный день. Лекция о Шевченко превратилась в политический спор. Студенты разделились: одни кричат о единстве Украины, другие - о защите русского языка. Я пыталась говорить о литературе, но литература теперь - не предмет, а оружие. Шевченко цитируют все: и те, кто хочет в Европу, и те, кто хочет в Россию. Бедный Тарас Григорьевич. Он мечтал о свободе, а стал разменной монетой.

Вечером позвонила Катя. Наш разговор был ужасным. Она назвала меня предательницей. Моя дочь. Моя Катюша. Я не могу описать, что я почувствовала. Это, как если бы сердце остановилось на секунду, а потом забилося снова, но уже по-другому - тяжелее, больнее.

Андрей говорит: «Пройдёт». Я хочу ему верить, но я вижу, что происходит в Киеве, вижу, как работает пропаганда. Им вбивают в голову ненависть - методично, профессионально, каждый день. Катя ещё ребёнок, она не может этому сопротивляться. Она верит. А вера это самое сильное и самое страшное.

Алёша звонил. Говорит, в Донецке неспокойно. Сказал, что пойдёт в ополчение, если начнётся. Андрей его поддержал. Я не знаю, как к этому относиться. Мой сын - взрослый мужчина. Мой муж - офицер. Для них защита своего дома это естественно, но я мать и я не хочу, чтобы мой сын воевал. Не хочу.»

Она отложила ручку, перечитала написанное. Почерк был неровный, буквы скакали. Она вздохнула и продолжила.

«Оксана не звонит. Я сама не решаюсь. Мы с сестрой, как будто по разные стороны стекла: видим друг друга, но не слышим. Она в Киеве, на Майдане, она верит в Украину. Я здесь, в Крыму, и я хочу в Россию. Когда мы стали чужими? Наверное, не в один день. Это накапливалось годами. Просто сейчас трещина стала видимой.

Андрей работает над бочкой. Говорит, ещё пара дней, и она будет, как новая. Он всегда так: в минуты тревоги берётся за работу. Руки заняты - голова свободна. Я не умею так. Я всё пропускаю через сердце, и сердце не справляется.

Завтра учёный совет. Будут решать, что делать университету. Наши декан, Олег Степанович, уже ходит с жёлто-голубой ленточкой. Он, наверное, уедет. Многие уедут. А мы останемся. Здесь наш дом. Здесь могилы родителей Андрея. Здесь море, которое мы любим. Здесь всё наше.

Господи, сделай так, чтобы всё это кончилось миром. Чтобы не было крови. Чтобы мои дети не стали врагами. Чтобы семья выстояла.

Я не очень верю в Бога, но сейчас - молюсь. Больше никому.»

Анна закрыла дневник, завязала тесёмки. За окном было темно и тихо. Только ветер гудел в проводах, да где-то далеко лаяла собака.

Она подумала о том, что этот дневник когда-нибудь прочитают её внуки. Или правнуки. Что они подумают о ней? Поймут ли? Осудят ли?

Она не знала, но она знала другое: нужно писать. Нужно свидетельствовать. Потому что история это не только даты и документы. Это ещё и чувства. Страхи. Надежды. То, что никогда не попадает в учебники.

Андрей зашёл на кухню, увидел её за тетрадь, хмыкнул.

- Пишешь?

- Пищу.

это хорошо. Пусть останется.

Он налил себе чаю, сел напротив. Они пили чай молча, каждый думал о своём и в этом молчании было больше любви, чем в любых словах.

Часть 10. Экран

Телевизор в квартире на Оболони работал почти круглосуточно. Оксана включала его утром, собираясь на работу, и выключала поздно ночью, когда уже не было сил смотреть. Катя привыкла к этому фону - дикторские голоса, крики с Майдана, звуки гимна, выступления политиков. Всё это сливалось в один непрерывный шум, который стал привычным, как дыхание.

Но сегодня вечером она сидела перед экраном одна и смотрела внимательно. Очень внимательно. Потому что показывали Крым.

На экране - площадь Нахимова в Севастополе. Тысячи людей. Российские флаги, георгиевские ленты, плакаты: «Мы - Россия», «Севастополь - русский город», «Референдум - наша воля». Люди пели, обнимались, плакали. Корреспондент украинского канала комментировал происходящее сдавленным голосом:

«...Ситуация в Крыму остаётся напряжённой. Пророссийские активисты продолжают блокировать административные здания. На улицах Симферополя и Севастополя - многотысячные митинги. Люди требуют проведения референдума о присоединении к Российской Федерации...»

Катя смотрела на экран и пыталась найти в толпе знакомые лица. Она знала эту площадь. Она гуляла здесь с отцом, когда приезжала на каникулы. Вот памятник Нахимову, вот Графская пристань, вот спуск к морю. Всё знакомое, родное и всё - чужое теперь. Потому что эти люди с российскими флагами - они кто? Её земляки? Её соотечественники? Или враги?

Диктор продолжал:

«...Российские военные без опознавательных знаков контролируют ключевые объекты полуострова. Украинские части заблокированы. Киевские власти называют происходящее актом агрессии...»

Катя вспомнила отца. Он тоже носил форму. Он тоже стоял на этой площади. Может быть, он там и сейчас - среди этих людей? Может быть, он тоже кричит «Россия» и держит флаг?

От этой мысли ей стало дурно. Она представила отца - его лицо, его руки, его голос и не могла совместить этот образ с образом врага, но телевизор говорил: враг. Газеты писали: оккупант. Одноклассники говорили: предатель.

- Катя, ты чего? - Олеся, зашедшая в гости, села рядом. - О, Крым показывают. Слушай, ну это же ужас, да? Открытая аннексия.

- Да, машинально ответила Катя.

- Твои же там, в Севастополе? - Олеся говорила без задней мысли, просто уточняла. - Они как? Не хотят уезжать?

- Не хотят, Катя сглотнула ком в горле. - Они за Россию.

Олеся замолчала. Потом осторожно спросила:

и ты с ними теперь... как?

- Не знаю, честно ответила Катя. - Я не знаю, Олеся. Я люблю их. Это мои родители, но я не могу их понять., как они могут поддерживать это? Как они могут быть против Украины?

- Может, им просто страшно? - предположила Олеся. - Ну, перемены, нестабильность. Может, они думают, что с Россией будет спокойнее.

- А ты, как думаешь? Будет спокойнее?

- Нет, Олеся покачала головой. - Не будет. Россия никогда не остановится. Сегодня Крым, завтра Донбасс, послезавтра Киев.

- Откуда ты знаешь?

- Все так говорят. По телевизору, в газетах. Да ты сама слышала.

Катя слышала. Она слышала это каждый день. Россия - агрессор, Россия - враг, Россия не остановится, но что-то внутри неё сопротивлялось этой простой схеме. Что-то внутри пом-

нило: папа - не агрессор. Папа читал ей сказки на ночь. Папа учил её плавать. Папа носил её на плечах, когда она уставала ходить., как этот человек мог стать врагом?

- Я не знаю, повторила она. - Я правда не знаю.

По телевизору начался другой сюжет - про мобилизацию, про подготовку украинской армии. Катя выключила звук. Они с Олесей сидели в тишине, глядя на мелькающие картинки.

- Знаешь, что мне тётя Оксана сказала? - Катя заговорила тихо, она сказала: «Ты имеешь право любить своих родителей, даже если они выбрали другую сторону».

это правильно, кивнула Олеся.

Но как? Как можно любить врага?

- А они тебе враги? Сама-то, как думаешь? Не то, что по телевизору говорят, а ты сама?

Катя долго молчала. Потом сказала:

- Они мне не враги. Они - моя семья, но это не значит, что я с ними согласна. Понимаешь? Я не согласна. Я считаю, что они ошибаются, но я не хочу их ненавидеть.

- Тогда не ненавидь, просто сказала Олеся. - Кто тебя заставляет?

- Все, Катя обвела рукой комнату. - Телевизор, школа, Майдан. Все говорят: кто не с нами - тот против нас. А я не могу «против». Понимаешь? Не могу.

Олеся ничего не ответила. Она просто обняла подругу, и они сидели так, две шестнадцатилетние девочки, в самом центре исторического урагана, который разрывал на части их страну, их семьи, их души.

За окном по-прежнему шумел Киев. Где-то далеко гремели лозунги, били барабаны, пели гимн. А здесь, в маленькой комнате на Оболони, было тихо. Две девочки обнимались и молчали. Потому что слов больше не было.

Часть 11. Площадь Нахимова

Андрей Петрович Бондаренко стоял на площади Нахимова и смотрел, как над старым Севастополем поднимается зимнее солнце - бледное, неяркое, но всё-таки солнце. Февраль в Крыму - месяц коварный: то ветер с дождём, то мороз, то вдруг оттепель и запах весны. Сегодня пахло весной и ещё - тревогой.

Площадь гудела. Люди собирались с раннего утра - приходили семьями, с детьми, с флагами. Российские триколоры, андреевские стяги, красные знамёна Победы. Кто-то принёс плакат, наспех нарисованный на куске обоев: «Севастополь - Россия!». Кто-то надел георгиевскую ленту на грудь. Старухи в платках, молодые парни в камуфляже, моряки в бушлатах, казаки в папахах, интеллигенция в очках, рабочие в спецовках. Весь город вышел.

Андрей стоял чуть поодаль, у памятника адмиралу Нахимову, и молча смотрел. Он не любил митинги. За тридцать лет службы он привык к порядку, к дисциплине, к тому, что слова должны быть подкреплены делом. А здесь было море слов - горячих, страстных, порой бестолковых, но сегодня даже он чувствовал: эти слова нужны. Они, как пар, который выходит из котла. Если не выпустить - разорвёт.

- Петрович, здорово! - к нему протиснулся сосед, отставной мичман Гаврилов, тот самый, что круглый год держал на балконе андреевский флаг. - Ну что, дождались?

- Дождались, кивнул Андрей.

- Я уж думал, не доживу, Гаврилов вытер слезящиеся от ветра глаза. - В девяносто первом, когда Союз развалили, я неделю пил. Думал - всё, конец. Флот режут, страну продают. А теперь... теперь душа поёт.

- Рано петь, охладил его Андрей. - Ещё ничего не решено.

-, как не решено? Референдум через месяц! Воссоединение!

- А ты думаешь, Украина нас так просто отпустит? Ты новости смотрел? В Киеве нас уже оккупантами назвали.

- А пусть называют! - Гаврилов махнул рукой. - Нам главное - своё слово сказать. А там будь что будет.

Толпа загудела громче - на трибуну поднялся кто-то из городских лидеров. Андрей не расслышал фамилии, но слова долетали отчётливо, усиленные динамиками:

«...Севастопольцы! Мы с вами стоим на пороге исторического выбора! Двадцать три года мы ждали этого дня! Двадцать три года мы верили, надеялись, боролись! И вот час настал! Мы возвращаемся домой! В Россию!»

Толпа взревела. Тысячи голосов слились в один: «Россия! Россия! Россия!». Андрей тоже кричал, хотя сам от себя не ожидал. Что-то внутри лопнуло, какая-то пружина, сжатая за долгие годы унижений, безденежья, неопределённости. Он кричал и чувствовал, как по щекам текут слёзы. Хорошо, что ветер - можно списать на ветер.

Рядом плакал Гаврилов, уже не скрываясь. Плакали старухи. Плакали молодые парни. Плакали все.

А потом грянул гимн. Не украинский - российский. Старый, советский, а теперь снова российский гимн на музыку Александрова и площадь замерла. Люди стояли навтыжку, многие приложили руку к сердцу. Андрей стоял по стойке «смирно», как учили тридцать лет назад в училище и пел. Знал каждое слово - он их никогда не забывал.

*«Россия - священная наша держава,
Россия - любимая наша страна...»*

Когда гимн закончился, на площадь опустилась тишина. Такая глубокая, что слышно было, как ветер шелестит флагами и в этой тишине кто-то крикнул:

- Мы вернулись!

И площадь снова взорвалась.

Андрей стоял и думал о том, что этот день войдёт в историю. О нём будут писать в учебниках, его будут показывать по телевизору. А он, капитан второго ранга в отставке, бондарь и просто севастиоплец, он здесь. Он часть этого. Он дожил.

Потом он вспомнил о Кате. О дочери, которая сейчас в Киеве. Которая смотрит на всё это по телевизору, но с другой стороны. Которая, наверное, сейчас плачет от злости и обиды и радость тут же смешалась с горечью.

Что ж, сказал он себе. Не всё сразу. Сначала - Крым. Потом - семья. Бочка собирается клёпка за клёпкой.

- Петрович, ты чего скис? - Гаврилов хлопнул его по плечу. - Праздник же!

- Праздник, согласился Андрей. - Только у меня дочь в Киеве. Она всего этого не понимает.

- Поймёт, уверенно сказал Гаврилов. - Куда денется. Кровь - не вода. Она же твоя дочь. Бондаренко. А Бондаренко всегда возвращаются.

Андрей кивнул. Ему хотелось в это верить.

Митинг закончился ближе к полудню. Люди расходились, возбуждённые, счастливые, с флагами наперевес. Кто-то затянул песню - «Севастопольский вальс». Подхватили и вот уже вся улица пела, и песня летела над бухтой, над кораблями, над старыми бастионами.

Андрей шёл домой и думал: «Господи, неужели правда? Неужели мы возвращаемся?». Он смотрел на старые улочки Корабельной стороны, на облупленные фасады, на выцветшие вывески и вдруг увидел всё это другими глазами. Это был уже не украинский город. Это был российский город. Русский. Его.

Дома его ждала Анна.

- Ну что? - спросила она с порога.

- Всё, сказал он, снимая бушлат. - Возвращаемся.

Она обняла его, прижалась к груди. Он почувствовал, что она плачет.

- Ты чего?

- Не знаю, прошептала Анна. - Радуюсь и боюсь. Всё вместе.

- Я тоже, признался Андрей, но это хороший день. Запомни его.

- Запомню, пообещала она. - Уже записала в дневник.

Они стояли в прихожей, обнявшись, и молчали. А за окном шумел Севастополь - древний русский город, который наконец-то возвращался домой.

Часть 12. Донецк. Первый рубеж

Алексей вышел из проходной шахты в шестом часу вечера. Зимнее солнце уже садилось за многоэтажки Калининского района, окрашивая небо в грязно-розовый цвет. Пахло углём, гарью и тревогой.

На площади перед Домом культуры собирались люди. Сначала Алексей не придал этому значения - мало ли митингов в Донецке за последние дни, но что-то в этой толпе было иначе. Люди стояли плотнее, говорили тише, и лица у всех были серьёзные, почти торжественные. Над головами - российские флаги, флаги ДНР, ещё какие-то - красно-сине-чёрные. Алексей таких раньше не видел.

- Что там? - спросил он у знакомого проходчика, дяди Коли.

- Областную администрацию захватили, ответил тот негромко. - Народ власть берёт. Говорят, референдум будет, как в Крыму.

- Какой референдум?

- О независимости. Или о присоединении к России. Пока неясно, но дело пошло, Лёха. Кажется, началось.

Алексей стоял на краю площади и смотрел, как над старым советским зданием областной администрации медленно поднимается российский триколор. Небольшой, явно принесённый кем-то из дома, он трепетал на ветру, и толпа взревела.

В этот момент у Алексея внутри что-то перевернулось. Он вдруг ясно, до дрожи, понял: всё. Обратного пути нет. Он больше не просто шахтёр Алексей Бондаренко. Он - часть чего-то огромного и страшного и ему придётся выбирать.

Он и выбрал. Ещё тогда, в разговоре с отцом. «Если начнётся - ты знаешь, на чьей стороне правда».

Он протиснулся сквозь толпу к группе мужчин в камуфляже - явно бывших военных. Один из них, высокий, седой, с лицом, изрезанным морщинами, командовал.

- Мужики, кто с оружием обращаться умеет - подходи. Формируем отряды самообороны. Защищать город надо. Киев своих националистов скоро пришлёт. Встречать будем.

Алексей подошёл.

- Я с армии не служил, но стрелять умею. В шахте всякое бывало. Возьмёте?

Седой оглядел его с ног до головы, усмехнулся.

- Шахтёр?

- Шахтёр.

- Берём. Фамилия?

- Бондаренко.

- Позывной придумай и подходи вон к тому автобусу. Будем распределять.

Алексей отошёл, достал телефон, написал отцу короткое сообщение: «Батя, я в ополчении. Не волнуйтесь. Так надо».

Через минуту пришёл ответ: «Я знал. Держись, сынок. Мы с тобой».

Часть 13. Четыре окна

Четыре окна горели в четырёх разных городах, и в каждом окне стоял человек, который думал об одном и том же. О семье. О доме. О том, что будет завтра и о том, что прошлое уже не вернуть, а будущее ещё не наступило. Есть только эта ночь - тревожная, бессонная, полная теней и предчувствий.

Севастополь. Корабельная сторона.

Андрей Петрович Бондаренко курил на балконе, глядя в темноту бухты. Внизу, у причалов, спали корабли - чёрные громады с редкими сигнальными огнями. Он знал здесь каждое

судно: вот «Москва», флагман, вот сторожевики, вот десантные катера. Когда-то он сам стоял на мостике подводной лодки и смотрел на эти же огни. Тридцать лет службы, тридцать лет жизни под водой и над водой и всё ради чего? Ради того, чтобы в конце концов увидеть, как над Графской пристанью снова поднимается российский флаг?

Он затаился, выпустил дым. Дым растворился в тумане, наползающем с моря.

Мысли возвращались к детям. Алёша в Донецке. Катя в Киеве. Двое детей и оба теперь на разных берегах. Не просто географически идеологически. Один - с оружием в руках. Другая - с верой в чужую правду., как так вышло? Разве он плохо их воспитал? Разве они с Анной что-то упустили?

Нет, сказал он себе. Не в воспитании дело. Дело во времени. В эпохе, которая ломает даже самые крепкие семьи. В тектоническом сдвиге, который разрывает материки и сердца.

Он вспомнил деда Захара, бондаря. Тот говорил: «Держава, как бочка. Клёпки должны быть плотно пригнаны. Если одна выпадет - вся бочка рассыхнется». Дед знал толк в ремёслах и в жизни, но даже он не мог предвидеть, что держава рассыплется так стремительно и так кроваво.

Андрей докурил, бросил окурочок в жестяную банку. Посмотрел на часы - начало первого. Завтра нужно быть в мастерской, доделывать заказ. Жизнь продолжается, несмотря ни на что. Бочка не соберёт себя сама.

Он вернулся в спальню. Анна спала или делала вид, что спит. Он лёг рядом, закрыл глаза и перед тем, как провалиться в сон, произнёс про себя, как молитву: «Ничего. Выстоим. Бондаренко всегда выстаивали».

Симферополь. Спальный район.

Анна не спала. Она сидела на кухне в старом халате, при свете настольной лампы, и держала на коленях дневник. Тот самый, в кожаном переплёте, подаренный Андреем на пятнадцатую годовщину свадьбы.

Она перечитала последнюю запись - ту, что сделала вчера. «Господи, сделай так, чтобы всё это кончилось миром...», прошло чуть больше суток, а мир стал ещё более хрупким. Катя не звонила. Алёша ушёл в ополчение. Муж весь день провёл на митинге, а вечером молчал, глядя в одну точку.

Анна открыла чистую страницу и начала писать.

«23 февраля 2014 года. Ночь.

Сегодня был митинг. Андрей пришёл счастливый и опустошённый одновременно. Он сказал: «Возвращаемся». Я обняла его и заплакала. Сама не знаю почему. Наверное, от облегчения. Наверное, от страха. Мы так долго этого ждали, что теперь, когда это случилось, страшно поверить до конца.

Я думаю о Кате. Моя девочка в Киеве, среди чужих людей, среди чужих идей. Я пыталась до неё достучаться - не получилось. Может быть, я не те слова говорила? Может быть, надо было не спорить, а просто слушать?

Я филолог. Я знаю, как работают слова, но когда дело касается собственной дочери - все мои знания бессильны. Любовь сильнее филологии и страх сильнее любви.

Алёша в Донецке. Позвонил, сказал: «Я в ополчении, так надо». У меня сердце оборвалось, но я ничего не сказала. Что я могу сказать? Он взрослый мужчина. Его выбор. Его война.

Господи, какое страшное слово - «война». Я не хотела, чтобы оно вошло в мою жизнь, но оно уже здесь. Оно стоит на пороге, как незваный гость, которого не выгонишь.

Я буду молиться. Хотя не очень умею и буду учить. Завтра снова на лекцию. Завтра снова смотреть в глаза студентам и говорить о литературе. Хотя всё, о чём я могу думать, это мои дети. Мои бедные, запутавшиеся, разбросанные по разным городам дети.

Пусть с ними всё будет хорошо. Пожалуйста. Большие мне ничего не надо».

Она закрыла дневник. Выключила лампу. Прошла в спальню, легла рядом с Андреем. Он дышал ровно, спокойно. Она позавидовала этому спокойствию и удивилась ему., как он может спать, когда мир рушится? А потом поняла: он не спит. Он просто лежит с закрытыми глазами, как она и думает о том же.

Она взяла его за руку. Он сжал её пальцы в ответ. Ни слова не было сказано, но всё было понятно.

Донецк. Больница имени Калинина.

Алексей сидел на подоконнике в больничном коридоре и смотрел, как за окном падает снег. Мокрый, февральский, он таял, едва коснувшись асфальта. Город спал, но сон этот был тревожным - то и дело где-то далеко гремело, не то гром, не то выстрелы. Война ещё не началась по-настоящему, но её дыхание уже чувствовалось.

Рядом, на больничной койке, спала Лена. Девушка с позывным «Ласточка». Он познакомился с ней сегодня утром, она пришла в ополчение в числе первых. Медик. Тоненькая, светловолосая, с упрямым подбородком и спокойными серыми глазами. Когда началась стрельба у здания СБУ, она не спряталась, а пошла перевязывать раненого. Алексей тогда подумал: «Смелая». А потом: «Красивая» и тут же одёрнул себя: не время. Война на пороге, а он о девушках думает.

Но сейчас, глядя на неё спящую, он думал именно о ней. О том, что у неё тоже есть родители, которые, наверное, сходят с ума от беспокойства. О том, что она тоже чья-то дочь, чья-то сестра. О том, что на этой войне нет чужих людей. Все свои. Все - одна большая, разорванная на части семья.

Его телефон завибрировал. Сообщение от отца: «Я знал. Держись, сынок. Мы с тобой».

Алексей перечитал эти слова трижды. Потом набрал ответ: «Спасибо, батя. Береги маму».

И отключил телефон. Завтра будет новый день. Завтра - формирование отрядов, распределение оружия, инструктаж. Завтра начнётся настоящая война. А пока - тишина. Пока - снег за окном. Пока - девушка, которая спит, доверчиво подложив ладонь под щеку.

«Надо жить», сказал себе Алексей и повторил, как заклинание: «Надо жить. Надо выстоять. Надо вернуться».

Киев. Оболонь.

Катя лежала в постели без сна. За окном шумел ночной Киев - где-то далеко ещё слышны были отголоски митингов, песни, крики. Майдан не спал. Майдан жил своей отдельной, лихорадочной жизнью.

Она смотрела в потолок и думала. Думала о том, что сегодня видела по телевизору. Площадь Нахимова, толпы людей, российские флаги и среди них - может быть, её отец. Может быть, он стоял там и кричал «Россия!» вместе со всеми. Может быть, плакал от счастья.

Она пыталась представить его лицо в этот момент и не могла. Перед глазами вставал другой отец - тот, что качал её на качелях в севастопольском парке. Тот, что учил её плавать, придерживая под живот. Тот, что читал ей на ночь «Остров сокровищ», меняя голоса., как этот человек мог стать врагом?

И мама. Мама, которая всю жизнь преподавала украинскую литературу. Которая читала ей перед сном Шевченко и Лесю Украинку. Которая говорила: «Язык это душа народа, Катюша. Береги его»., как она могла стать предательницей?

Что-то не сходилось. Что-то в этой картине мира, которую рисовали телевизор и школа, было неправильно, но Катя не могла понять, что именно. Не хватало опыта, знаний, мудрости. Была только интуиция - смутное, неоформленное чувство, что правда сложнее, чем лозунги.

Она взяла телефон, открыла фотографию. Семейное фото: Севастополь, набережная, лето 2013 года. Папа в белой рубашке, мама в летнем платье, Алёша - весёлый, в шахтёрской каске (дурачился), и она сама - с мороженым в руке, смеётся. Все счастливы. Все вместе.

Она помнила этот день. Они гуляли, ели чебуреки, катались на катере. Папа рассказывал про подвиг брига «Меркурий». Мама читала стихи. Алёша дурачился. Всё было просто и правильно.

Куда всё это ушло? В какую трещину провалилось?

Катя прижала телефон к груди и закрыла глаза. Она не знала, что будет завтра. Она не знала, сможет ли когда-нибудь снова обнять родителей. Она не знала, придётся ли ей выбирать между семьёй и страной.

Но она знала одно: она их любит. Несмотря ни на что. Несмотря на Крым, на референдум, на флаги и лозунги. Они - её семья. А семья это навсегда.

«Надо помнить, прошептала она в темноту. - Помнить, кто мы есть. Даже если мы больше не вместе».

И с этой мыслью она уснула.

Четыре окна.

Четыре окна погасли почти одновременно. Над Севастополем, над Симферополем, над Донецком, над Киевом - над всей этой расколотой, израненной, но всё ещё живой землёй - стояла ночь.

Где-то в порту перекликались вахтенные. Где-то в степи выл ветер. Где-то на Майдане били барабаны. Где-то в больничной палате тихо дышала спящая девушка.

И четыре человека, сами того не зная, думали об одном и том же. О доме. О любви. О том, что завтра будет новый день, и в нём нужно будет жить. Дышать. Бороться. Надеяться.

Потому что любовь не делится на «наших» и «ваших». Она либо есть, либо её нет. У Бондаренко она была.

Завтра наступит новый день и новая глава. А пока - спи, семья Бондаренко. Спи, Севастополь. Спи, Донбасс. Спи, Киев.

Вам понадобятся силы.

Потому что весна 2014 года только начинается.

И она будет долгой. Очень долгой.

Глава 2. Камни Майдана

Часть 1. Киев. Институтская

Улица Институтская утром 20 февраля 2014 года не была похожа на улицу. Она была похожа на рану - дымящуюся, кровоточащую, незаживающую. Брусчатка разворочена, деревья обломаны, остовы сгоревших автобусов чернели на фоне серого неба. Пахло гарью, сыростью и чем-то сладковато-тошнотворным - запахом, который Катя никогда раньше не чувствовала и который, как она позже узнает, называется запахом смерти.

Она стояла на углу Крещатика и Институтской, прижимая к груди блокнот, и не могла сделать ни шагу. Вокруг неё двигались люди: бежали, падали, кричали, стреляли. Над головой с визгом пролетали пули. Где-то впереди, за баррикадами из мешков с песком и автомобильных покрышек, гремели взрывы. Небо было чёрным от дыма горящих шин.

- Катя! Катя, сюда! - кто-то дёрнул её за рукав.

Она обернулась. Олеся. Лицо белое, как мел, глаза расширены от ужаса.

- Ты зачем сюда пришла?! - кричала Олеся, перекрикивая грохот. - Там же стреляют! Там людей убивают!

- Я... я не знаю... - Катя сама не понимала, как здесь оказалась.

Утром она собиралась в гимназию. Потом позвонила Оксана и сказала: «Сиди дома, на Майдане бойня». А потом по телевизору показали первые кадры и Катя, сама не своя, накинула куртку и побежала в центр. Не из героизма. Не из любопытства. Из какого-то странного, необъяснимого чувства, что она должна это видеть. Своими глазами. Чтобы потом, когда всё кончится, знать правду.

Но правда оказалась страшнее любых телерепортажей.

- Ложись! - крикнул кто-то, и толпа рухнула на асфальт. Катя упала вместе со всеми, больно ударившись коленом о брусчатку. Над головой просвистели пули - одна, вторая, третья. Кто-то рядом застонал. Катя повернула голову и увидела мужчину, который лежал в двух метрах от неё. Из-под него растекалась тёмная лужа. Он хрипел, пытался вдохнуть и не мог.

- Помогите... - прошептал он. - Помо...

И замолчал.

Катя смотрела на него и не могла отвести взгляд. Она впервые в жизни видела, как умирает человек. Не в кино, не в новостях - вот так, на расстоянии вытянутой руки. Ещё минуту назад он бежал, дышал, кричал. А теперь - пустота. Тело, из которого ушла жизнь.

Её начало трясти. Мелкой, противной дрожью. Зубы застучали. Она обхватила себя руками, пытаясь унять тряску, но ничего не выходило.

- Катя! Катя, уходим! - Олеся тянула её за руку. - Вставай! Быстро!

Они побежали - пригнувшись, петляя, прячась за остовами автобусов и баррикадами. Мимо проносились люди с носилками, с оружием, с камерами. Кто-то кричал в мегафон: «Медики! Нужны медики!» Кто-то плакал. Кто-то молился.

У входа в метро «Крещатик» их остановил кордон. Люди в касках и с дубинками.

- Куда?! Нельзя! Там снайпер!

- Мы студентки! - закричала Олеся. - Мы просто уйти хотим!

- Бегом в метро! Живо!

Они скатились по ступенькам вниз, в душный, переполненный вестибюль. Здесь было темно - электричество отключили. Люди сидели на полу, на ступеньках, прижимались к стенам. Плакали дети. Старуха в платке перебирала чётки и шептала молитву. Мужчина с окровавленной повязкой на голове сидел, прислонившись к колонне, и смотрел в одну точку.

Катя опустила на пол, обхватила колени руками. Её всё ещё трясло. Перед глазами стояло лицо того мужчины, как он хрипел, как затих. Она зажмурилась, но картинка не исчезала. Она врезалась в память, как осколок стекла.

- Ты как? - Олеся села рядом, обняла её.

- Я не знаю... - голос Кати дрожал. - Я не думала, что это так... так страшно.

- А ты, как думала? Что война это красиво? Что это романтика? Баррикады, флаги, песни?

- Я не думала... - повторила Катя. - Я вообще, кажется, не думала.

Она вдруг вспомнила отца. Он редко говорил о службе, но иногда, выпив рюмку-другую, рассказывал истории. Про подводные лодки, про тревоги, про холодную войну. Он говорил: «Война это не геройство, дочка. Война это грязь, кровь и страх и самое страшное - привыкнуть. Когда привыкаешь к смерти - перестаёшь быть человеком».

Тогда она не понимала. Теперь - начала понимать.

- Олеся, тихо сказала она. - А за что они умирают? За что мы тут?

Олеся пожала плечами.

- За Украину. За свободу. За Европу.

- А этот мужчина... он тоже за это умер?

- Наверное.

- А у него семья есть? Дети?

- Я не знаю, Катя. Откуда я знаю?

Они замолчали. Где-то наверху продолжали стрелять. Где-то внизу, под землёй, плакали дети и эти два звука - грохот боя и детский плач - сплетались в один, невыносимый, разрывающий душу аккорд.

Катя достала телефон. Посмотрела на экран. Связи не было - сеть легла. Она не могла позвонить ни маме, ни отцу, ни даже тётке Оксане. Она была отрезана от мира, одна в тёмном, переполненном людьми подземелье, в центре города, который горел.

И впервые за долгое время ей по-настоящему захотелось домой. Не в квартиру на Оболони, не в гимназию. Домой - в Севастополь. К маме. К папе. К морю. Туда, где не стреляют, где не умирают на брусчатке, где можно сидеть на балконе и смотреть на закат, и ни о чём не думать.

Но Севастополь теперь - Россия. А она - украинка и между ней и домом пролегла пропасть, которую не перешагнуть.

- Знаешь, что я думаю? - сказала Олеся вдруг.

- Что?

- Я думаю, что мы дуры. Обе. Полезли в самое пекло, а зачем? Что мы можем изменить? Мы же школьницы.

- Мы хотели быть частью истории, сказала Катя. - Мы думали, это важно.

- Важно, согласилась Олеся. - Только история это не только флаги и лозунги. Это ещё и вот это, она обвела рукой вестибюль метро. - Кровь, страх, смерть. Это тоже история и мы теперь - её часть. Хотим мы того или нет.

Катя закрыла глаза. Она представила себе будущее - то, о котором говорили на Майдане. Европа, свобода, демократия. Красивые слова, но почему-то теперь они казались пустыми. Потому что по дороге к этому будущему уже лежали трупы и сколько ещё ляжет - никто не знал.

Она подумала о родителях. Интересно, они сейчас волнуются? Знают ли, где она? Мама, наверное, с ума сходит. Папа, наверное, молча курит на балконе и смотрит в море. Алёша... где он вообще? В Донецке? В ополчении? Жив ли?

Семья Бондаренко разлетелась, как бочка, из которой выбили обруч. Клёпки рассыпались в разные стороны, и никто не знал, соберутся ли они снова.

Грохот наверху начал стихать. Люди в метро зашевелились, заговорили громче. Кто-то сказал: «Вроде затихает». Кто-то ответил: «Это ненадолго».

Катя поднялась, размяла затёкшие ноги.

- Пойдём, сказала она Олеся. - Надо выбираться.

- Куда?

- Домой. В Оболонь. Тётка, наверное, уже полицию на уши поставила.

Они поднялись по ступенькам. Наверху, на Крещатике, ещё висел дым, но стрельба действительно стихла. Люди выходили из укрытий испуганные, оглушённые, с серыми от пыли лицами. Кто-то плакал. Кто-то обнимался. Кто-то нёс раненых.

Катя шла и смотрела на всё это - на разбитые витрины, на обгоревшие остовы машин, на лужи крови на брусчатке. Это был её город. Её Киев. Город, который она полюбила, который стал ей родным и он горел.

Она не знала, что будет дальше. Она не знала, вернётся ли когда-нибудь мир на эти улицы. Она не знала, сможет ли она когда-нибудь забыть лицо того мужчины, который умирал на асфальте.

Но она знала одно: этот день изменил её навсегда.

Дома её ждала заплаканная Оксана.

- Живая!, она бросилась к племяннице, обняла, затискала. - Я чуть с ума не сошла! По телевизору такое показывают - я думала, всё, конец!

- Я в порядке, сказала Катя. - Я просто... была там.

- Где?!

- На Институтской.

Оксана побледнела.

- Ты с ума сошла? Зачем?

- Не знаю, честно ответила Катя. - Хотела увидеть правду. и как? Увидела?

Катя помолчала. Потом сказала:

- Увидела. Только это не та правда, которую я ожидала.

Она прошла в свою комнату, закрыла дверь. Села на кровать, достала телефон. Связь появилась - сеть снова работала. Три пропущенных от мамы. Два - от отца. Один - от Алёши.

Она смотрела на экран и не знала, перезванивать ли. Что она им скажет? «Я была на Майдане, там убивают людей, я чуть не погибла»? Этого они не вынесут. «Я вас люблю, простите меня»? Этого она сама пока не могла сказать.

Она набрала короткое сообщение маме: «Я жива. Всё нормально. Не волнуйтесь».

И отключила телефон.

За окном темнело. День подходил к концу. Самый страшный день в её жизни и она знала: это только начало.

Часть 2. Ночной дозор

Севастополь не спал. Город, обычно затихавший к полуночи, теперь гудел, как растревоженный улей. На улицах - люди с фонарями, на блокпостах - костры в железных бочках, у административных зданий - отряды самообороны. Андрей Петрович Бондаренко стоял на углу улицы Ленина и Большой Морской, засунув руки в карманы старой флотской бушлатной куртки, и смотрел, как мимо проезжает колонна грузовиков с людьми в камуфляже. На бортах - белые круги, внутри которых ничего не написано. Ни опознавательных знаков, ни эмблем, ни фамилий. «Вежливые люди», как их позже назовут журналисты, но пока этого названия никто не знал. Пока это были просто российские военные, которые появились в городе словно из ниоткуда и взяли под контроль ключевые объекты.

- Петрович, закурить есть? - к Андрею подошёл сосед, тот самый отставной мичман Гаврилов. Лицо у него было серое от усталости, но глаза горели. Гаврилов уже третьи сутки патрулировал улицы в составе народной дружины, и, судя по красным прожилкам в глазах, спать ему не приходилось.

- Держи, Андрей протянул пачку.

Они закурили, пряча огоньки сигарет в ладонях. Не из конспирации - просто флотская привычка: на мостике не курят открыто, чтобы не демаскировать корабль. В городе, который готовился к обороне, эта привычка пришлась, кстати.

- Ты глянь, Гаврилов кивнул в сторону порта. - Там, на рейде. Видишь?

Андрей прищурился. В темноте, на фоне чуть более светлого неба над морем, угадывались силуэты кораблей, но не тех, что стояли в бухте всегда. Эти были крупнее.

- Десантные, определил он. - Большие десантные корабли. Наверное, с Кавказа перебросили.

- То-то и оно, Гаврилов сплюнул. - Значит, не шутят. Значит, всё серьёзно.

- А ты думал, шутят? - Андрей усмехнулся. - Ты двадцать лет ждал шутки?

- Я двадцать лет ждал чего угодно, но когда дождался - всё равно не верю.

Они помолчали. Ветер с моря доносил запах соли и водорослей. Где-то вдалеке лаяла собака, и ей отвечала другая. Обычные ночные звуки мирного города. Только город больше не был мирным и не был обычным. Он стал прифронтовым - впервые с 1944 года.

- У меня сын в Донецке, сказал вдруг Андрей. - В ополчение записался. Сегодня эсэмэску прислал.

- Ну и правильно, кивнул Гаврилов. - А что ему ещё делать? Сидеть и ждать, пока бандеровцы придут?

- Угу. Мать, правда, переживает.

- Все матери переживают. Моя, царствие ей небесное, всю войну меня ждала. Сначала с Афгана, потом с Чечни. Все глаза выплакала.

- Дождалась?

- Дождалась, Гаврилов помрачнел. - До девяносто первого. А в девяносто первом сказала: «За что вы служили, сынок? За то, чтобы флот распилили?» И через месяц умерла. Сердце.

Андрей ничего не ответил. Он помнил мать Гаврилова - маленькую сухонькую старушку, которая каждое утро ходила в булочную за свежим хлебом и всегда угощала соседских детей конфетами. Он не знал, что она так ушла. Впрочем, в девяностые многие уходили так - не выдерживало сердце.

- Ладно, Гаврилов бросил окурок в урну. - Пора на пост. Моя смена до утра. Ты как, домой?

- Домой, кивнул Андрей. - Жена волнуется.

- Передавай привет Анне Игоревне. Она у тебя женщина хорошая. Только глаза грустные.

- Время такое, сказал Андрей. - У всех глаза грустные.

Они попрощались. Гаврилов зашагал в сторону порта, где у проходной стояла группа дружинников, а Андрей свернул на Корабельный спуск и медленно пошёл домой.

По пути он думал о том, как изменился город за последние дни. Ещё неделю назад всё было обычно: люди ходили на работу, в магазины, в кино. А теперь каждый второй - с повязкой «Народная дружина» на рукаве. Каждый третий - с оружием и все - с тревогой в глазах.

Он вспомнил, как вчера хоронили первого погибшего - дружинника, которого застрелили при попытке захвата оружейного склада. Парню было двадцать три года. Он служил в украинской армии, но, когда началось - перешёл на сторону Крыма. Андрей смотрел на его лицо в гробу - молодое, почти мальчишеское и думал: «Господи, неужели опять? Опять хоронить молодых? Опять война?»

Но выбора не было. Или - они, или их и Андрей знал, что он на правильной стороне.

Дома его ждала Анна. Она не спала - сидела на кухне с неизменной чашкой остывшего чая.

- Ты долго, сказала она, не оборачиваясь.

- Дежурили, Андрей снял бушлат, повесил на крючок. - Проверяли посты. Всё тихо.

- Тихо, повторила Анна. - А по телевизору говорят, в Киеве сегодня десятки погибших.

Катя не звонила.

Андрей сел рядом, взял её за руку.

- Позвонит. Она же знает, что ты волнуешься.

, она мне сообщение прислала. Короткое: «Я жива. Всё нормально. Не волнуйтесь».

- Ну вот видишь. Жива.

- «Не волнуйтесь», Анна горько усмехнулась, как я могу не волноваться? Там снайперы, там стрельба, там люди гибнут. А она: «Не волнуйтесь». Ребёнок.

, она уже не ребёнок, тихо сказал Андрей. - Ей шестнадцать. В этом возрасте многие уже работают, воюют, семьи заводят. Она взрослая.

- Для меня она всегда будет ребёнком и для тебя тоже.

и для меня, согласился Андрей, но мы должны доверять ей. Она умная. Она выкрутится.

Они сидели на кухне, держась за руки, и молчали. Часы тикали. Ветер шумел за окном и где-то далеко, в Киеве, их дочь, возможно, тоже не спала.

Часть 3. Расколота кафедра

Симферополь, Таврический национальный университет имени Вернадского. Утро 21 февраля 2014 года. Анна Игоревна Бондаренко шла по длинному коридору филологического факультета, и каждый шаг давался ей с трудом. Она знала, что её ждёт. Знала с того самого момента, как вчера вечером Лариса Петровна позвонила и сказала: «Завтра в десять. Сбор кафедры. Явка обязательна».

Коридор был пуст - занятия отменили, студенты разъехались кто куда. Только на стенах висели плакаты, которых ещё неделю назад не было. Один - сине-жёлтый, с трезубцем и над-

писью «Україна понад усе». Второй - российский триколор, с георгиевской лентой, приклеенный явно впопыхах. Они висели друг напротив друга, как два бойца перед схваткой. Анна прошла между ними, чувствуя, как напряжение повисает в воздухе.

В преподавательской собрались почти все. Лариса Петровна, заведующая, сидела во главе стола, прямая и бледная. Рядом с ней - Олег Степанович Гнатюк, декан, в неизменной вышиванке и с сине-жёлтой ленточкой в петлице. Ещё несколько преподавателей - кто-то молчал, кто-то перешёптывался. Атмосфера была такой, какой Анна не ощущала никогда раньше. Не просто напряжённой - враждебной. Словно воздух пропитался невидимым ядом.

- Коллеги, начала Лариса Петровна, когда все расселись. Голос у неё был сухой, официальный, но Анна слышала, как он дрожит. - Мы собрались, чтобы обсудить текущую ситуацию. Я думаю, все понимают, о чём речь.

- Понимаем, резко сказал Олег Степанович, не давая ей договорить, и я хочу сразу заявить свою позицию. Университет имени Вернадского - украинский университет. Крым - украинская земля и то, что сейчас происходит, это аннексия. Российская агрессия. Мы должны заявить об этом чётко и недвусмысленно.

- Олег Степанович, Лариса Петровна подняла руку, давайте по порядку. У нас есть разные мнения, и мы должны выслушать всех.

- Какие разные мнения? - Гнатюк повысил голос. - Есть факты. Есть Уголовный кодекс Украины, где сказано: посягательство на территориальную целостность - преступление. Всё остальное - от лукавого.

Анна сидела, сжав руки под столом. Она знала, что Гнатюк будет выступать первым - он всегда так делал. Знала, что он будет давить, но она не думала, что это будет настолько агрессивно.

- Я хочу спросить, тихо сказала она, а что мы будем делать с теми студентами, которые... которые придерживаются другой точки зрения?

- Какой другой? - Гнатюк резко повернулся к ней. - Пророссийской? Сепаратистской?

- Российской, спокойно поправила Анна. - Они считают, что Крым должен вернуться в Россию. Они имеют на это право.

- Они не имеют права нарушать закон! - Гнатюк почти кричал, и вы, Анна Игоревна, как преподаватель, должны им это объяснять. А не потакать!

- Я преподаватель литературы, Анна старалась говорить ровно. - Я учу их читать и думать. Я не учу их политике.

- Литература это и есть политика! - отрезал Гнатюк, и если вы этого не понимаете, то вы не на своём месте.

- Олег Степанович! - Лариса Петровна стукнула ладонью по столу. - Прекратите! Мы здесь не для того, чтобы оскорблять друг друга!

- А для чего мы здесь? - спросил молодой преподаватель с кафедры русского языка, Виктор Сергеевич, который до сих пор молчал, чтобы выслушивать ультиматумы? Мне кажется, Олег Степанович уже всё за нас решил.

- Я ничего не решал! - огрызнулся Гнатюк. - Я просто говорю то, что думает каждый настоящий украинец.

- А русские, значит, ненастоящие? - Виктор Сергеевич встал. - Я русский. Моя семья живёт в Симферополе три поколения. Я что, по-вашему, здесь чужой?

Спор разгорался, и Анна чувствовала, как внутри всё сжимается. Она смотрела на лица коллег - людей, с которыми проработала бок о бок много лет и видела, как они меняются на глазах. Вот Олег Степанович, с которым она когда-то вместе писала учебник, обсуждала научные статьи, ходила на концерты. Теперь он смотрит на неё, как на врага. Вот Лариса Петровна, которая пытается сохранить нейтралитет, но и ей это даётся всё труднее. Вот Виктор Сергее-

вич - ещё вчера тихий, незаметный, а сегодня - взвинченный, готовый драться за свою идентичность.

- Коллеги! - Лариса Петровна снова повысила голос. - Я предлагаю прекратить этот балаган. У каждого из нас есть своя позиция, и мы имеем на неё право, но мы - кафедра. Мы должны продолжать работать. Учить студентов. Давать им знания, а не лозунги.

- А если завтра сюда придёт российская армия? - спросил Гнатюк, что мы будем делать? Читать лекции под дулами автоматов?

- Если сюда придёт российская армия, медленно сказала Анна, я всё равно буду читать лекции. Потому что литература не принадлежит ни Украине, ни России. Она принадлежит людям и Шевченко, и Пушкин, и Леся Украинка, и Достоевский - они все наши и мы должны их беречь. А не рвать на части.

В преподавательской стало тихо. Гнатюк смотрел на Анну с таким выражением, словно она его предала. Лариса Петровна сняла очки и устало потёрла переносицу.

- Анна Игоревна, сказала она наконец, я понимаю, что вы хотите сказать, но время сейчас такое... что компромиссы почти невозможны. Каждый должен будет выбрать.

- Я уже выбрала, ответила Анна. - Я выбрала остаться здесь. Со своими студентами. Со своими книгами. Со своей семьёй. Это мой выбор и я его не изменю.

Гнатюк резко встал.

- Что ж, сказал он. - Тогда мне здесь больше нечего делать. Я подаю заявление об уходе. Не могу работать в учреждении, которое... которое мирится с оккупацией.

Он вышел, хлопнув дверью. За ним, после короткого колебания, поднялись ещё двое преподавателей. Остальные сидели молча, глядя в стол.

Лариса Петровна вздохнула.

- Ну вот, сказала она. - Кафедра расколота., как и вся страна.

это не мы её раскололи, тихо сказал Виктор Сергеевич. - Её раскололи те, кто на Майдане.

- Не важно кто, ответила Лариса Петровна. - Важно, что теперь мы все - по разные стороны и неизвестно, сможем ли когда-нибудь снова быть вместе.

Анна ничего не сказала. Она смотрела на пустые стулья, где ещё десять минут назад сидели её коллеги, и думала о том, что точно так же - с хлопанием дверьми, с резкими словами, с молчаливым уходом - распадаются сейчас сотни, тысячи семей по всему Крыму, по всей Украине и её собственная семья - в том числе.

После заседания она вышла в коридор. Плакаты всё ещё висели друг напротив друга. Российский и украинский. Два флага, два мира, две правды.

Она прошла между ними и вышла на улицу. Ветер дул с моря, холодный и резкий. Она подняла воротник и пошла к автобусной остановке. Нужно было домой. В Севастополь. К мужу. К тишине, где можно хотя бы на время забыть о том, что мир рушится.

Но она знала: забыть не получится. Потому что мир рушится и там, дома. Просто там он рушится в другую сторону.

Часть 4. Донецк. Сцена у военкомата

Донецк, 22 февраля 2014 года. У здания областного военкомата на улице Артёма с раннего утра собиралась толпа. Сначала - человек пятьдесят. Потом - сто, двести, триста. Люди стояли плотной стеной, и воздух звенел от напряжения.

Алексей Бондаренко пришёл сюда вместе с группой ополченцев. Их отряд, сформированный всего три дня назад, ещё не имел ни чёткой структуры, ни единой формы. Кто в камуфляже, кто в гражданском. У кого-то - автомат, у кого-то - охотничье ружьё, а кто-то и вовсе без оружия, но объединяло их одно: все они решили, что Донбасс не будет подчиняться Киеву. Что хватит. Что пора.

- Смотри, негромко сказал Алексей стоявшему рядом мужчине лет пятидесяти с позывным «Дед». Это был тот самый седой афганец, который командовал формированием отря-

дов. Настоящего имени его Алексей пока не знал - здесь вообще мало кто называл настоящие имена. Война ещё не началась, но конспирация уже вошла в привычку.

- Вижу, ответил Дед. это военкомовские и менты. Будут уговаривать не бузить. Ты слушай, но не очень.

У крыльца военкомата стояли несколько человек в форме - представители киевских властей. Один из них, высокий полковник с усталым лицом, держал в руках мегафон.

- Товарищи! - его голос, усиленный динамиком, разносился над площадью. - Я призываю вас сохранять спокойствие! Никакого референдума не будет! Донецк это Украина, и он останется Украиной! Не поддавайтесь на провокации!

Толпа загудела. Кто-то свистнул. Кто-то крикнул: «Долой!» Кто-то затянул: «Вставай, страна огромная!», но его тут же одёрнули: «Рано. Успеем».

- Я понимаю ваши чувства! - продолжал полковник, но мы должны сохранить целостность страны! Мы должны...

Договорить ему не дали. Из толпы вышел мужчина в рабочей спецовке - видимо, шахтёр, как и большинство здесь. Он подошёл к крыльцу, встал перед полковником и сказал громко, так, что слышали все:

- А страна нас сохранила? Когда зарплаты не платили по полгода - страна нас сохранила? Когда шахты закрывали - страна нас сохранила? Когда русский язык запрещали - страна нас сохранила? Нет? Тогда чего ты от нас хочешь?

Толпа взревела. Полковник попытался что-то ответить, но его уже не слушали. К крыльцу двинулись люди - не агрессивно, но решительно. Военкомовские переглянулись. Один из них потянулся к кобуре, но Дед, стоявший в первом ряду, покачал головой:

- Не надо, сынок. Не дури. Нас больше.

И это была правда. Толпа росла с каждой минутой. Подходили новые люди - шахтёры после смены, студенты, пенсионеры, женщины с детьми. У многих в руках были российские флаги, флаги ДНР, георгиевские ленточки и лица - не злые, не агрессивные, а какие-то торжественные. Словно люди пришли на праздник. Только праздник этот был с привкусом тревоги.

Алексей стоял в толпе и чувствовал, как внутри него что-то меняется. Ещё неделю назад он был просто шахтёром. Работа, дом, редкие звонки родителям. Обычная жизнь. А теперь он - часть чего-то огромного и страшного. Часть истории.

Он вспомнил разговор с отцом. «Если начнётся - ты знаешь, на чьей стороне правда». Да, знаю. Вот она, эта правда. Стоит перед ним в рабочей спецовке и говорит полковнику: «Ты нас не сохранил».

- Лёха! - кто-то тронул его за плечо.

Он обернулся. Витька, молодой парень из его бригады. Тот самый, что пришёл на шахту после ПТУ.

- Ты тоже здесь? - удивился Алексей.

- А где мне быть? - Витька улыбнулся, но глаза у него были серьёзные, взрослые. - У меня бабка в Горловке живёт. Она говорит: «Внучек, не отдавай меня бандеровцам». А я что, могу не послушать?

- Не можешь, согласился Алексей.

Они стояли плечом к плечу - шахтёр с двенадцатилетним стажем и вчерашний школьник. Между ними - пропасть в возрасте и опыте, но сейчас это не имело значения. Сейчас они были просто двое мужчин, которые решили защищать свой дом.

Тем временем к военкомату подъехал автобус. Из него вышли люди - человек двадцать, в основном молодые, с жёлто-голубыми повязками на руках. «Правый сектор», прошелестело в толпе.

На площади мгновенно стало тихо. Та тишина, которая бывает перед дракой - звонкая, напряжённая, как натянутая струна.

- А ну, расходитесь! - крикнул один из приехавших, старший. - Сейчас милиция будет! Всех запишем!

- Кого ты пугаешь, петушок? - раздался чей-то голос. - Здесь тебе не Киев.

Толпа загудела, задвигалась. Алексей почувствовал, как внутри поднимается волна - не страх, а что-то другое. Азарт? Злость? Он сам не мог определить, но он знал: если сейчас начнётся - он не отступит.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Полковник, стоявший на крыльце, вдруг снял фуражку и сказал - без мегафона, просто громко, так, что услышали ближайšie ряды:

- Мужики. Я двадцать пять лет в армии. Я присягал Украине, но я не буду стрелять в своих. У меня жена русская. У меня сын в Донецке живёт. Я... я не могу. Делайте что хотите. Я умываю руки.

Он повернулся и ушёл в здание военкомата. За ним, после короткого замешательства, последовали и остальные офицеры.

Толпа взревела. На этот раз - радостно. Кто-то закричал «Ура!», кто-то запел гимн. А Витька повернулся к Алексею и сказал:

- Вот видишь. Даже они понимают.

Алексей кивнул, но на душе у него было тревожно. Он смотрел на уходящих офицеров и думал: «Сегодня они ушли. А завтра? Что будет завтра? Пришлют других? Тех, кто будет стрелять?»

Он не знал ответа, но он знал, что завтра снова встанет в этот строй. Потому что отступить некуда. Позади - Донбасс. Позади - дом.

Часть 5. Переяславская параллель

(Из лекции профессора кафедры истории Таврического национального университета Виктора Степановича Горового, 22 февраля 2014 года. Восстановлено по аудиозаписи и студенческим конспектам.)

...Итак, коллеги, прежде чем мы продолжим разговор о текущих событиях, позвольте мне вернуться на триста шестьдесят лет назад. В январе 1654 года в городе Переяславе произошло событие, которое определило судьбу Восточной Европы на столетия вперёд. Переяславская Рада. Воссоединение Украины с Россией.

Прошу заметить: я говорю: «Украины», а не «Малороссии», хотя исторически употреблялись оба термина, но суть не в названии. Суть - в выборе.

Что предшествовало этому выбору? Восстание Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой. Война, которая длилась шесть лет и унесла десятки тысяч жизней. Погромы, резня, разруха. Православное население Малой Руси, как её тогда называли, подвергалось жесточайшему национальному и религиозному гнёту. Польская шляхта не признавала русских равными себе. Православная церковь была загнана в подполье. Язык и культура подавлялись.

И вот, в разгар этой войны, перед Хмельницкой и казацкой старшиной встал вопрос: с кем быть? Вариантов было несколько. Можно было попытаться договориться с поляками, но они требовали полной капитуляции. Можно было искать покровительства у турецкого султана, но это означало бы разрыв с христианским миром. Можно было ориентироваться на Швецию, но та была далеко и не слишком заинтересована и наконец, можно было обратиться к Москве - к единоверному русскому царю.

Выбор был сделан в пользу Москвы и вот тут важно понять мотивы.

Часто говорят: Хмельницкий «продался Москве». Или: казаки «предали независимую Украину», но позвольте спросить: о какой независимости речь? О независимости от кого? От Речи Посполитой, которая угнетала православных? Так эта независимость была достигнута именно благодаря союзу с Москвой.

На Переяславской Раде казаки присягнули царю Алексею Михайловичу, но это была не клятва рабов. Это был договор. Казачество сохраняло свои вольности, своё самоуправление,

своё войско. Украина входила в состав России на правах автономии. Это был компромисс - сложный, противоречивый, но в тех исторических условиях, возможно, единственно возможный.

Кстати, интересный факт. Мало кто знает, что на Раде были и противники союза с Москвой. Например, один из ближайших соратников Хмельницкого, полковник Иван Богун, отказался присягать русскому царю. Он считал, что Украина должна быть полностью независимой. Его позиция понятна и по-своему благородна, но история пошла другим путём и мы должны понимать, почему.

Потому что народ в массе своей хотел быть с Россией. Потому что Россия была «своей» - по вере, по языку, по крови. Потому что альтернативой была либо полонизация и окатоличивание, либо турецкое иго. Выбор в пользу Москвы был выбором в пользу выживания. В пользу сохранения идентичности.

Теперь давайте перенесёмся в день сегодняшний.

В Киеве говорят: «Украина это Европа». Красивый лозунг, но давайте спросим себя честно: какой ценой? Ценой отказа от собственной истории? Ценой разрыва с Россией - страной, с которой Украина связана тремя веками общей судьбы? Ценой запрета русского языка, на котором говорит половина населения? Ценой маршей с портретами Бандеры, чьи сторонники воевали на стороне Гитлера?

Вы знаете, я историк. Я привык работать с фактами и факты говорят о том, что всякий раз, когда Украина делала выбор в пользу Запада против России, это заканчивалось для неё катастрофой. Мазепа, Петлюра, теперь вот Майдан... Простите, коллеги, я не могу быть объективным в этом вопросе. Потому что на кону - судьба моего народа.

Крымчане сделали свой выбор. Свой выбор делают сейчас в Донецке и Луганске. Это не «сепаратизм». Это - возвращение к корням. Возвращение к Переяславу. К тому выбору, который когда-то сделал Богдан Хмельницкий. «Волим под царя московского, православного». Волим быть с Россией.

Я знаю, что многие из вас не согласны. Я знаю, что после этой лекции кто-то, возможно, покинет аудиторию и больше не вернётся. Что ж. История это не церковь, где все молятся одному богу. История это поле спора, но спор должен быть честным. Без замалчиваний. Без передёргиваний. Без пропаганды.

Поэтому я говорю вам то, что думаю. А вы думайте сами. Это ваше право и ваша ответственность.

Лекция окончена. Вопросы?

Примечание автора. После этой лекции профессор Горовой был вызван в ректорат для «беседы». Декан исторического факультета, придерживавшийся проукраинских взглядов, потребовал от него прекратить «политическую агитацию». Горовой отказался. Через три недели, уже после референдума и воссоединения Крыма с Россией, он был назначен заведующим кафедрой истории вместо уволившегося по собственному желанию прежнего заведующего. Студенты, покинувшие аудиторию во время лекции, больше на его занятиях не появлялись. Те, кто остался, запомнили эту лекцию на всю жизнь.

Часть 6. Материнское сердце

Анна сидела на кухне и смотрела на телефон. Прошло уже три дня с тех пор, как Катя прислала то короткое сообщение: «Я жива. Всё нормально. Не волнуйтесь». Три дня Анна перечитывала эти шесть слов и пыталась найти в них скрытый смысл. «Я жива» - значит, могла и не выжить. «Всё нормально» - значит, ничего нормального. «Не волнуйтесь» - значит, волнуйтесь, мама, потому что я не могу сказать тебе правду.

За окном шумел ветер. Андрей ушёл в мастерскую - он теперь проводил там почти всё время, возвращаясь только к ночи. Анна оставалась одна со своими мыслями, и мысли эти были горькими.

Она снова и снова вспоминала последний разговор с дочерью. Тот самый, когда Катя кричала в трубку: «Ты мне не мать, если поддерживаешь это!». Анна тогда не заплакала - сдержалась, но сейчас, сидя в пустой квартире, она позволила слезам течь. Они катились по щекам, капали на стол, и она не вытирала их. Какое это теперь имело значение?

Она думала о том, как всё было раньше. Катя - маленькая, в розовом платье, с бантами, которые вечно сползали набок. Катя - первоклассница, с огромным букетом гладиолусов. Катя - подросток, которая спорила с матерью о музыке и моде, но всегда приходила мириться первой. Куда всё это ушло? В какой момент её дочь стала чужой?

Телефон завибрировал. Анна вздрогнула, схватила трубку. Нет, не Катя. Оксана.

- Алло, голос Анны был хриплым от слёз.

- Аня, это я. - Оксана говорила быстро, взволнованно. - Я не могу долго, у нас тут такое... Ты знаешь, что Катя была на Майдане? В самый разгар?

- Знаю, тихо ответила Анна, она мне сообщение прислала. Короткое.

- Я чуть с ума не сошла, Оксана всхлипнула, она пришла домой вся серая, глаза пустые. Я её спрашиваю: «Где ты была?» А она: «На Институтской». Аня, там же людей убивали! Ты понимаешь? Твоя дочь была там, где стреляли!

- Я понимаю, Анна сжала телефон так, что побелели костяшки пальцев. - Я всё понимаю, но что я могу сделать? Она меня не слушает. Она меня ненавидит.

, она не ненавидит тебя, Оксана помолчала, она запуталась. Ей шестнадцать, Аня. Её мозги промывают в школе, в телевизоре, везде. Она не виновата.

- А кто виноват? Я?

- Никто не виноват. Время такое. - Оксана вздохнула. - Слушай, я чего звоню. Катя после того дня сама не своя. Ходит, молчит. Я пыталась с ней поговорить - не получается. Может, ты?..

- Что я? - горько усмехнулась Анна. - Позвонить? Чтобы она снова назвала меня предательницей?

- Аня, она твоя дочь. Она тебя любит. Просто сейчас она не может этого показать, но пройдёт время, и она поймёт. Обязательно поймёт.

- Когда? - спросила Анна. - Когда это время наступит? Через год? Через пять лет? Через десять? Сколько мне ждать, Оксана?

Оксана ничего не ответила. Да и что тут можно ответить?

- Ладно, сказала она наконец. - Я побежала. У нас тут комендантский час вводят, надо продукты купить. Ты держись, сестричка. Я тебе позвоню.

и ты держись, ответила Анна.

Разговор прервался. Анна положила телефон на стол и долго смотрела на него. Потом взяла дневник и начала писать.

«22 февраля 2014 года.

Звонила Оксана. Катя была на Майдане, в самом пекле. Она видела смерть. Моя девочка видела, как умирают люди. Я не могу представить, что она сейчас чувствует и не могу ей помочь. Я здесь, она там, и между нами - стена.

Говорят, материнское сердце всё чувствует. Это правда. Моё сердце сейчас разрывается на части. Одна часть - здесь, в Севастополе, с Андреем. Другая - в Донецке, с Алёшей. Третья - в Киеве, с Катей и каждая часть болит по-своему.

Я никогда не думала, что буду жить в такое время. Что мои дети окажутся по разные стороны фронта. Что моя собственная сестра будет смотреть на меня, как на врага. Что всё, во что я верила - мир, дружба, семья, окажется таким хрупким.

Но я живу и я буду жить дальше. Ради них. Ради Андрея. Ради Алёши. Ради Кати. Даже если она меня ненавидит - я всё равно буду её ждать. Материнское сердце не умеет иначе.

Господи, храни моих детей. Всех троих. Пожалуйста».

Она закрыла дневник и долго сидела неподвижно, глядя в одну точку. Потом встала, умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало. Оттуда на неё смотрела немолодая женщина с красными глазами и усталым лицом, но в этом лице было что-то такое, чего не было раньше. Какая-то новая, незнакомая решимость.

- Ничего, сказала она своему отражению. - Выстоим. Мы же Бондаренко.

И пошла на кухню - варить борщ. Потому что жизнь продолжалась и нужно было кормить мужа.

Часть 7. Пост в соцсетях

Катя сидела на кровати, скрестив ноги, и держала в руках телефон. Экран светился, высвечивая строки, которые она написала десять минут назад и всё никак не решалась опубликовать. Палец завис над кнопкой «отправить».

Она перечитала текст в пятый раз:

«Я родилась в Севастополе. Мои родители живут там до сих пор и я хочу сказать всем: не смейте называть их предателями. Они хорошие люди. Они просто запутались. Они не понимают, что Крым это Украина, но они не враги. Они мои мама и папа и я их люблю. Даже если они ошибаются».

Катя перечитала и поморщилась. Слишком наивно. Слишком по-детски и в то же время - слишком смело. За такой пост её могли затравить в школе. Могли назвать «сепаратисткой» и «защитницей оккупантов». Могли перестать здороваться. Могли... да всё что угодно могли.

Она уже видела, как травили других. На прошлой неделе одноклассника, который сказал, что «не всё так однозначно с Крымом», закидали гневными сообщениями в общем чате. Он пришёл в школу бледный, молчал весь день, а на следующий и вовсе не явился. Потом говорили, что его семья срочно уехала в Россию. Катя не знала, правда ли это, но проверять не хотелось.

А теперь она сама собиралась сделать то же самое. Зачем? Ради чего? Кому от этого станет легче?

Она подумала о маме. Мама, наверное, сейчас сидит на кухне, пьёт свой вечный чай и смотрит в одну точку. Или пишет в дневник. Или плачет. Катя вспомнила её лицо - усталое, с красными пятнами на скулах, каким оно было, когда они виделись в последний раз. Это было на Новый год, больше полутора месяцев назад. Целая вечность.

- Катя, ты чего? - в дверь заглянула Олеся. Она осталась ночевать - после Майдана родители Олеся уехали к родственникам во Львов, а квартиру залили соседи сверху, так что Олеся временно жила у Кати. Оксана не возражала - вдвоём веселее.

- Пост пишу, Катя показала экран.

Олеся пробежала глазами текст. Присвистнула.

- Ничего себе. Ты это серьёзно?

- Серьёзно.

- Тебя же сожрут. Ты понимаешь? Сожрут и не подавятся.

- Понимаю, Катя вздохнула, но я не могу молчать. Понимаешь? Я сижу тут и чувствую себя... предателем. С одной стороны - родители. С другой - Украина. Я люблю Украину, правда люблю, но я не могу ненавидеть своих. Не могу и всё.

Олеся села на край кровати, забрала у Кати телефон, ещё раз перечитала.

- Знаешь, что, сказала она наконец. - Если хочешь - публикуй, но тогда будь готова к последствиям. Тебя вызовут к директору. Одноклассники отвернутся. В соцсетях начнётся травля. Ты готова к этому?

- Не знаю, честно ответила Катя, но если я промолчу - я себя не прощу. Мама там одна, в Крыму. Она думает, что я её ненавижу. А я не ненавижу. Я злюсь, да. Я не согласна, но я люблю её и она должна это знать.

- Тогда публикуй, Олеся вернула телефон. - Только допиши в конце что-нибудь... ну, чтоб смягчить. Что-то про единство Украины там.

Катя кивнула. Дописала:

«Я верю в Украину. Я хочу, чтобы Крым вернулся, но это не значит, что нужно ненавидеть людей, которые там живут. Они наши люди. Наши братья и сёстры. Наши родители. Давайте не терять человечность. Иначе чем мы лучше тех, кого осуждаем?»

Перечитала. Теперь лучше. Теперь это выглядит не, как оправдание «сепаратистов», а, как призыв к примирению. Хотя, если честно, Катя сама не знала, возможно ли это примирение. Возможно ли вообще оставаться человеком, когда вокруг война.

Она нажала «отправить».

Пост улетел в сеть. Несколько секунд ничего не происходило. Потом - первый лайк. От Олеси. Потом - первый комментарий: «Ты что, сепарка???» Потом ещё один: «Предательница. Вали в свой Крым». Потом ещё и ещё.

Катя смотрела на экран, и сердце колотилось где-то в горле. Комментарии множились, как снежный ком. Кто-то писал: «Умница, правильные слова». Кто-то: «Тебя надо в СБУ проверить». Кто-то просто ставил смайлики - злые, насмешливые.

- Ну вот, сказала Олеся, заглядывая ей через плечо. - Началось.

и пусть, Катя выключила телефон и отбросила его в сторону. - Я сказала то, что думала. Если они хотят меня ненавидеть - пусть.

Но внутри у неё всё дрожало. Она знала: завтра в школе будет ад и она не была уверена, что готова пройти через это.

- Знаешь, тихо сказала Олеся, я тебе завидую.

- Чему?

- Ты смелая. Я бы так не смогла.

это не смелость, Катя покачала головой. это отчаяние. Я просто больше не могу врать.

Они сидели в тишине. За окном шумел ночной Киев - уже не такой тревожный, как в дни расстрелов, но всё ещё напряжённый. Где-то далеко выла сирена «скорой». Где-то лаяли собаки. Где-то люди всё ещё стояли на Майдане, жгли костры и пели гимн.

Катя думала о том, прочитает ли мама этот пост. У мамы не было аккаунта в этой соцсети, но кто-нибудь мог показать. Или скопировать и прислать и тогда мама узнает, что дочь не считает её врагом. Это было важно. Ради этого стоило вытерпеть всё.

Она взяла телефон, включила. Уведомлений было уже больше полусотни, но среди них она заметила одно - личное сообщение. От одноклассника, с которым они почти не общались. Дима, кажется. Или Денис.

«Катя, я прочитал твой пост. У меня тоже родственники в Керчи и я тоже не знаю, как к этому относиться. Спасибо, что написала. Я думал, я один такой».

Катя улыбнулась. Значит, не зря. Значит, она не одна.

Она ответила коротко: «Мы не одни. Держись».

И впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на облегчение.

Часть 8. Вежливые люди

Севастополь, 23 февраля 2014 года. Раннее утро.

Андрей Петрович Бондаренко не спал уже вторые сутки. Он стоял у входа в Севастопольский морской порт, засунув руки в карманы старого флотского бушлата, и смотрел, как из серого предрассветного тумана, наползающего с моря, вырастают силуэты военных грузовиков. Они двигались медленно, почти бесшумно, с погашенными фарами. Только ритмичный, утробный гул дизелей нарушал тишину спящего города - звук, который Андрей узнал бы из тысячи. Так гудели двигатели больших десантных кораблей, когда они подходили к причалу.

Колонна остановилась у КПП. Из головной машины вышел человек в камуфляже без знаков различия. Ни шевронов, ни эмблем, ни фамилии на клапане. Только на рукаве - белая

повязка, точно такая же, какие носили севастопольские дружинники. Человек был не молод - лет тридцать пять, может, чуть больше, но двигался он с той особой, тренированной пластикой, которая выдаёт профессионального военного сразу и безошибочно. Андрей, сам тридцать лет отслуживший на флоте, распознал эту выправку мгновенно. Так ходят люди, которые привыкли к оружию, к дисциплине, к тому, что каждый их шаг может иметь последствия.

- Здорово, отец, сказал человек, подходя ближе. Голос у него был спокойный, даже усталый, но без тени напряжения. Так говорят люди, которые знают, что делают, и не нуждаются в лишних словах.

- Здорово, ответил Андрей, разглядывая его.

Вблизи военный оказался старше, чем показалось сначала. У глаз - сетка морщин, на скулах - следы обветривания, на руках - вьезшаяся солярка. Такие руки бывают у механиков-водителей или у тех, кто много работает с техникой. Лицо спокойное, даже добродушное, но глаза цепкие, внимательные - они сканировали пространство, фиксируя каждую деталь: открытые окна домов, припаркованные машины, редких прохожих.

- Служил? - спросил военный.

- Служу, коротко усмехнулся Андрей. - В отставке. Подводник. Капитан второго ранга.

- Подводник? - военный посмотрел на него с интересом, и что-то в его взгляде изменилось - появилось то особое уважение, которое испытывают друг к другу люди, знающие цену военной службе. Это хорошо. Подводники - народ надёжный. Я сам с десантных войск. Сейчас вот... командировка.

- Вижу, какая командировка, Андрей кивнул на колонну. - Помощь нужна? Может, провести кого? Я город знаю, как свои пять пальцев. Тридцать лет здесь.

- Спасибо, отец. Справляемся пока, военный помолчал, потом добавил: - Вы, гражданские, главное - не паникуйте и если, где провокации заметите - сигнализируйте. Нам тут лишние проблемы не нужны.

- Не будет провокаций, твёрдо сказал Андрей. - Город наш. Люди за нас. Вы бы видели, что на площади Нахимова творилось.

- Видел, неожиданно ответил военный. - По телевизору показывали и не только по телевизору.

Они помолчали. В этом молчании было больше понимания, чем в иных долгих разговорах. Два военных человека, два разных поколения, две разные службы, но одна страна, одна армия, одна присяга. Даже если присягу они давали в разное время и разным государствам.

Андрей вспомнил вдруг 1991 год. Декабрь. Он стоял на плацу в Североморске, и перед строем зачитывали указ о расформировании Советского Союза. Офицеры плакали, не скрываясь. Кто-то срывал погоны. Кто-то молча уходил в казарму и напивался до беспамятства. А молодой капитан-лейтенант Бондаренко стоял и думал: «Как же так? Мы же присягали одной стране. А теперь нас делят, как имущество. Корабли - Украине, базы - России, людей - по паспортам». Это было самое страшное - не потеря флота, не потеря жалованья, а потеря смысла. Потеря того, ради чего он жил.

И вот теперь, двадцать три года спустя, он стоял на причале в Севастополе и смотрел, как российские военные входят в город и чувствовал, как внутри что-то отпускает. Какая-то пружина, сжатая до предела все эти годы.

- А вы надолго? - спросил он.

- Пока не знаю, честно ответил военный, как обстановка сложится. Приказ есть приказ, но думаю, управимся быстро. Местные помогают.

это точно, подтвердил Андрей. - У нас тут каждый второй - либо бывший военный, либо действующий. Люди ждали этого.

Военный кивнул. Потом вдруг спросил:

- А ты сам, отец, если что - готов?

- К чему?

- Ну, мало ли. Если украинские части попробуют прорваться. Или если из Киева десант пришлют. Всякое может быть.

Андрей усмехнулся.

- У меня боевой опыт - Северный флот, Атлантика, Средиземное море. Я тридцать лет под водой провёл. Думаешь, я на суше испугаюсь?

- Не думаю, военный впервые улыбнулся. - Поэтому и спрашиваю. Нам люди нужны. Не воевать - помогать. Координировать. Объяснять местным, что к чему. Ты офицер, тебе верят.

- Если нужно - я готов, просто сказал Андрей. - Только у меня жена, сын в Донецке, дочь в Киеве. Если что со мной случится...

- Не случится, перебил военный. - Мы сюда не умирать пришли. Мы сюда возвращать пришли. Понимаешь разницу?

Андрей кивнул.

- У меня сын в Донецке, повторил он. - В ополчении. Если что - вы туда не пойдёте?

Военный посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом.

- У меня приказа такого нет, ответил он наконец, и голос его прозвучал твёрдо, но без враждебности. - А будет приказ - пойду, но думаю, до этого не дойдёт. Донбасс сам разберётся. Там такие же люди, как здесь. Им только помочь надо.

- Дай Бог, сказал Андрей.

Они ещё немного постояли молча. Ветер с моря доносил запах соли и водорослей. На востоке, над горами, начинало светлеть небо. Город просыпался - где-то хлопнула дверь, залаяла собака, проехала первая машина. Обычное утро. Почти обычное.

- Ладно, отец, военный козырнул - коротко, по-свойски, как отдают честь равному. - Будь на связи. Если что - подходи. Вон туда, к штабной машине. Спросишь майора Кузнецова. Это я.

- Бондаренко, представился Андрей. - Андрей Петрович. Можно просто Петрович.

- Договорились, Петрович. Бывай.

Майор Кузнецов вернулся к головной машине, что-то коротко скомандовал, и колонна двинулась дальше - вглубь города, к военным объектам, к штабу флота, к аэродрому в Бельбеке. Андрей остался на обочине, провожая их взглядом.

Грузовики шли ровно, уверенно, не нарушая правил дорожного движения. На перекрёстке они притормозили, пропуская ранний троллейбус. Это было настолько буднично, настолько обыденно, что на секунду Андрею показалось: ничего особенного не происходит. Просто военная колонна идёт по городу. Просто учения. Просто плановая передислокация.

Но он знал: это не учения. Это история.

Он достал сигарету, закурил. Руки дрожали - то ли от холода, то ли от нервного напряжения последних дней, которое наконец начало отпускать. Он, офицер, подводник, человек, который провёл под водой суммарно несколько лет своей жизни, который сидел на глубине в триста метров и слышал, как над головой проходят вражеские корабли, он волновался. Потому что одно дело - воевать с вероятным противником где-то в океане, на глубине, в замкнутом пространстве отсека и совсем другое - видеть, как история вершится прямо здесь, на твоих глазах, на твоей земле.

Он думал о том, что скажет Анне. Она ведь ждёт, волнуется и она должна знать: Россия пришла. Не на словах - на деле. То, о чём они говорили все эти дни, все эти годы - свершилось. Крым возвращается.

Он думал об Алексее., как он там, в Донецке? Что делает прямо сейчас? Спит? Стоит на посту? Или тоже смотрит на колонну военных - только с другой стороны, с той, где ещё нет российских флагов, но где они скоро будут?

Он думал о Кате. Она в Киеве, среди чужих, среди тех, кто называет его оккупантом. Его, капитана второго ранга, защитника Отечества. Что она чувствует? Что она думает? Поймёт ли когда-нибудь?

- Ничего, сказал он себе негромко, но твёрдо. - Поймёт. Время пройдёт - поймёт.

Он бросил окурок в урну и зашагал вверх по Корабельному спуску. Мимо проплывали знакомые дома, знакомые вывески, знакомые лица, но всё это теперь виделось по-другому., как будто город за ночь изменился. Стал другим. Стал своим.

У дома его ждала Анна. Она стояла на балконе, кутаясь в старый плед, и смотрела на бухту. Когда Андрей вошёл, она обернулась.

- Ты видел?

- Видел.

это они? Российские?

- Да.

Она закрыла глаза, и по её щекам потекли слёзы, но это были не слёзы страха. Это были слёзы облегчения.

- Господи, прошептала она. - Неужели правда.

- Правда, Андрей обнял её, прижал к себе. - Дождались.

Так они стояли - двое молодых людей, прошедших через холодную войну, развал страны, безденежье, унижение. Они дождались. Их город, их Крым, их Родина возвращались домой.

А внизу, у причалов, «вежливые люди» занимали позиции. Молча. Быстро. Профессионально. Без единого выстрела.

Часть 9. Очередь

Симферополь, 24 февраля 2014 года. Супермаркет «Фуршет» на проспекте Кирова. Анна стояла в очереди уже сорок минут и за это время успела передумать обо всём на свете.

Очередь была длинной, нервной, какой-то военной - так, наверное, стояли в сорок первом за хлебом. Люди прижимали к груди корзины, набитые крупами, консервами, бутылками с водой, туалетной бумагой. Полки пустели на глазах. Масла уже не было. Сахар разобрали. Вода оставалась только газированная.

- Вы слышали? - сказала женщина впереди, полная блондинка с тремя пакетами гречки. - Говорят, украинские части в Перевальном окапываются. Может стрельба начаться.

- Не начнётся, ответил пожилой мужчина сзади. - Там уже наши стоят. Вежливые люди.

- Какие ещё вежливые? - не поняла блондинка.

- Ну эти, без опознавательных знаков. Говорят, российский спецназ.

- А чего ж они без знаков?

- А чтоб не дразнить. Формально-то мы ещё Украина.

Анна слушала этот разговор и думала: как странно. Ещё неделю назад эти же люди, наверное, ходили на митинги за «единую Украину» или, наоборот, боялись высказываться. А теперь обсуждают российский спецназ так, словно речь идёт о приезде дальней родни.

Очередь продвинулась на полшага. Анна машинально взяла с полки ещё одну пачку макарон и положила в корзину. Андрей просил не паниковать, но она всё равно закупалась впрок. Женское сердце требовало определённости: полные полки - спокойная душа.

- Анна Игоревна! - окликнули её.

Она обернулась. У соседней кассы стояла Лариса Петровна, заведующая кафедрой. Они не виделись с того самого заседания, когда Гнатюк хлопнул дверью и ушёл.

- Здравствуйте, Лариса Петровна, Анна подошла, оставив корзину в очереди.

- Здравствуйте, голубушка. - Лариса Петровна выглядела бледной и уставшей, как вы? Держитесь?

- Держусь. А вы?

и я держусь. Только вот.., она замялась, оглянулась по сторонам и понизила голос. - Вы слышали? Гнатюк уволился. Заявление написал и уехал во Львов. Говорят, будет там преподавать в украинском университете.

- Я слышала, кивнула Анна. - Жаль. Хороший был преподаватель.

- Был, Лариса Петровна поджала губы. - А теперь - враг. Вы понимаете, Анна Игоревна? Мы с ним двадцать лет проработали. Учебники вместе писали. На его дочкиной свадьбе гуляли. А теперь он мне даже руки не подал. Уходя, сказал: «Вы остаётесь с оккупантами, а я уезжаю на свободную Украину».

- Мне он тоже ничего не сказал, тихо ответила Анна. - Просто вышел и дверью хлопнул.

- Вот так и живём, Лариса Петровна вздохнула. - Двадцать лет и всё псу под хвост. Коллеги, друзья, семьи - всё трещит по швам.

Они помолчали. Очередь снова двинулась.

- А вы сами-то как? - спросила Лариса Петровна. - С мужем, с детьми?

- Муж - за Россию, Анна усмехнулась. - Сын - в ополчении в Донецке. Дочь - в Киеве, на Майдане.

- Господи, Лариса Петровна всплеснула руками, как же вы это выдерживаете?

- Не знаю, честно сказала Анна. - Просто живу. Каждый день. Утром встаю, иду на работу, читаю лекции. А по ночам... по ночам бывает трудно.

- Представляю. У меня тоже дочь в Киеве. С мужем и детьми. Звонят каждый день, уговаривают уехать. А я не могу. Здесь - всё. Здесь могила мужа. Здесь внуки, которые в Севастополе. Здесь моя кафедра. Куда я поеду?

- Я тоже не поеду, сказала Анна. - Мой дом здесь.

Лариса Петровна посмотрела на неё долгим взглядом.

- Знаете, Анна Игоревна, сказала она наконец, я никогда не думала, что доживу до такого. До войны с собственными коллегами. До того, что мои студенты будут смотреть на меня, как на врага. До того, что дочь перестанет со мной разговаривать, но вот - дожила.

- Все дожили, Анна взяла её за руку, и все справляются. Мы справимся, Лариса Петровна. Вы же сильная женщина.

- Сильная, Лариса Петровна усмехнулась. - Только силы уже не те. Раньше я думала: старость это когда болят колени. А теперь знаю: старость это когда ты не можешь понять, в какой стране живёшь.

Очередь подошла к кассе. Женщины попрощались, условившись встретиться на следующем заседании кафедры - если оно вообще будет.

Анна расплатилась за покупки, вышла на улицу. Ветер дул холодный, пронизывающий, но небо над Симферополем было ясным, почти весенним. Она постояла немного, глядя, как облака бегут над городом, и вдруг поймала себя на странной мысли: «А ведь я счастлива».

Нет, не счастлива в обычном смысле. Слишком много тревоги, слишком много страха за детей, но где-то глубоко, под всем этим, жило чувство правильности происходящего. Она была на своей земле. Среди своих людей и её не надо было никуда уезжать.

- Ничего, прошептала она, повторяя слова Андрея. - Прорвёмся.

И пошла на автобусную остановку.

Часть 10. Первый бой

Донецк, 26 февраля 2014 года. Окраина города, район бывшего аэропорта. Алексей Бондаренко лежал за бетонным блоком и пытался унять дрожь в руках. Дрожь была не от страха - от холода. Февраль в Донецке выдался сырым и ветреным, а они сидели здесь уже четвёртый час, ожидая, когда из-за поворота покажутся грузовики с украинскими десантниками.

- Бондарь, не дрейфь, негромко сказал Дед, устраиваясь рядом. Он был спокоен, как всегда. Казалось, этот человек вообще не умеет волноваться. - Первый бой - он всегда такой. Главное - не суетись. Делай что говорят и береги голову.

- Я не дрейфлю, ответил Алексей. - Просто холодно.

- Холодно всем, Дед усмехнулся. - Ничего, скоро жарко станет.

Их отряд, человек тридцать, занял позиции вдоль дороги, ведущей к аэропорту. По данным разведки, колонна украинской армии должна была пройти здесь, чтобы взять под контроль взлётную полосу. Ополченцы должны были их остановить., как - никто толком не знал. Оружия у них было - два автомата, три охотничьих ружья, несколько гранат и бутылки с зажигательной смесью, которые вчера мастерили в подвале Дома культуры.

Алексей сжимал в руках старую «Сайгу» - полуавтоматическое ружьё, которое ему выдал Дед. Ружьё было не новое, с потёртым прикладом, но ухоженное. «Держи, шахтёр. Оно не подведёт, если руки не подведут», сказал тогда Дед. Алексей проверил патроны - пять в магазине, ещё пятнадцать в кармане. Негусто.

- Едут, сказал кто-то в цепочке.

Алексей приподнялся, выглянул из-за блока. Вдали, на серой ленте шоссе, показались три грузовика. Они двигались медленно, осторожно, словно прощупывая дорогу. На бортах - жёлто-голубые флаги.

- Без команды не стрелять, разнёсся по цепочке голос Деда. - Ждём.

Грузовики приближались. Алексей видел уже лица солдат - молодые, напряжённые. Они тоже боялись. Они тоже не знали, что будет через минуту.

- Мужики! - крикнул Дед, поднимаясь во весь рост. Он вышел на дорогу, поднял руку. - Остановитесь! Не стреляйте! Мы такие же, как вы! У нас нет к вам вражды! Остановитесь, поговорим!

Головной грузовик затормозил. Из кабины выглянул офицер - молодой, с погонами старшего лейтенанта.

- Вы кто такие? - крикнул он. - Немедленно освободите дорогу!

- Мы - народное ополчение Донбасса! - ответил Дед. - Мы не хотим крови. Мы хотим, чтобы вы ушли. Донбасс - не Украина. Донбасс сам решит свою судьбу.

- Вы нарушаете закон! - офицер явно нервничал. - Приказываю разойтись! Иначе будем применять оружие!

- Не надо оружия, сынок, Дед говорил спокойно, но твёрдо. - У тебя солдаты, у меня - шахтёры. Мы все - русские люди. Зачем нам убивать друг друга?

Алексей смотрел на эту сцену, и сердце колотилось в груди. Он видел, как солдаты в кузове переглядываются, как офицер колеблется, как напряжены лица ополченцев. Секунды тянулись, как часы.

И вдруг где-то сзади, со стороны ополченцев, раздался выстрел. Кто-то не выдержал, нажал на спуск. Пуля ударила в борт грузовика.

И началось.

Загрохотали автоматные очереди. Солдаты посыпались из кузова, занимая позиции. Ополченцы открыли ответный огонь. Алексей прижался к бетонному блоку и стрелял - не целясь, просто в сторону грузовиков. Рядом кто-то вскрикнул. Кто-то упал. Дед что-то кричал, но слов было не разобрать.

Алексей вдруг увидел, как один из ополченцев - Витька, молодой парень, с которым они только вчера делили пайку, выронил ружьё и схватился за плечо. По пальцам текла кровь.

- Витька! - Алексей бросился к нему. - Ты как?

- Нормально... - Витька пытался улыбнуться, но губы его дрожали. - Царапина, кажется...

- Лежи, не вставай!

Алексей перевязал его кое-как, разорвав свою рубашку. Потом снова взялся за ружьё.

Бой длился минут пятнадцать. Потом вдруг стихло. Грузовики развернулись и ушли обратно - видимо, офицер решил не рисковать людьми. На дороге остались стреляные гильзы,

пятна крови и один убитый - украинский солдат, совсем молодой, лет двадцати. Он лежал на боку, раскинув руки, и смотрел в небо мёртвыми глазами.

Алексей подошёл к нему. Постоял. Он впервые видел убитого так близко. Собственно, он впервые видел того, кого, возможно, убил он сам.

- Не смотри, сказал Дед, подходя. - Тяжело, но привыкай. Это война.

- Я знаю, глухо ответил Алексей.

- Ты молодец сегодня. Держался.

- Я стрелял. И, кажется, убил.

- Все стреляли и все, возможно, убили. Это наша работа теперь.

Алексей кивнул. Он посмотрел на свои руки - они всё ещё дрожали. Только теперь не от холода.

Часть 11. Письмо

Вечером после боя Алексей сидел в подвале Дома культуры, который ополченцы оборудовали под казарму, и пытался написать письмо. На коленях у него лежал лист бумаги, вырванный из школьной тетради в клетку, в руке - ручка, которую он одолжил у Деда. Света почти не было - только тусклая лампочка под потолком да огонёк свечи на ящике из-под снарядов, но он писал. Потому что нужно было. Потому что внутри скопилось столько всего, что, если не выплеснуть - разорвёт.

«Мама, папа!

Не знаю, когда вы получите это письмо и получите ли вообще. Связи нет, интернет глушат, телефон почти не ловит. Решил написать по старинке - может, с оказией передам.

Я жив. Это главное. Сегодня был мой первый бой. Мама, не пугайся - всё обошлось. Мы остановили колонну украинских войск, они ушли. У нас один раненый - Витька, молодой парень, я о нём рассказывал. Ему зацепило плечо, но жить будет. У них... у них один убитый. Совсем мальчишка, лет двадцати. Я стоял над ним и думал: у него ведь тоже есть мать. Которая сейчас, может, смотрит в окно и ждёт., как ты ждёшь меня.

Папа, ты был прав. Я знаю, на чьей стороне правда, но правда эта тяжёлая. Когда стреляешь в человека, даже во врага, что-то внутри ломается. Не знаю, смогу ли я это склеить обратно, но знаю, что по-другому нельзя. Если не мы - они и тогда всё, за что мы боролись, пойдёт прахом.

Мама, не плачь, читая это. Я знаю, ты всё равно заплачешь - ты всегда плачешь, когда волнуешься. Помнишь, как ты плакала, когда я в первый класс пошёл? А когда в шахту спустился в первый раз? А теперь - на войну. Прости меня, мама. Я не хотел тебя расстраивать. Просто так надо.

Слышал, что в Крыму уже всё решилось. Что российские войска взяли под контроль ключевые объекты. Что референдум будет в марте. Вы там держитесь. Мы тут тоже держимся. Донбасс не сдадут. Здесь люди, как кремень. Я ещё в шахте это понял: если человек может под землёй работать, в темноте, в пыли, рискуя жизнью каждый день, он ничего не боится.

Катя... Если сможете, передайте ей, что я её люблю. Я знаю, она сейчас в Киеве и думает иначе, но она моя сестра и я хочу, чтобы она это знала. Может быть, когда-нибудь она поймёт.

Ладно, заканчиваю. Свеча догорает, глаза слипаются. Завтра снова на позиции. Пишите мне. Даже если не доходят письма - всё равно пишите. Буду знать, что вы обо мне думаете.

Обнимаю всех. Особенно тебя, мама.

Ваш сын Алексей.

P.S. Папа, спасибо за всё. За науку. За то, что воспитал мужчиной. Ты был прав. Мы возвращаемся домой».

Он сложил письмо вчетверо, убрал в нагрудный карман. Адреса писать не стал - всё равно конверта нет. Может, удастся передать с кем-нибудь из волонтеров, которые иногда прорываются через блокпосты. А может, так и будет лежать в кармане - до лучших времён.

Рядом зашевелился Дед.

- Не спишь? - спросил он.

- Не сплю. Письмо писал.

- Домой?

- Домой.

это правильно, Дед сел, потянулся за сигаретой. - Домой надо писать. Даже если не дойдёт. Ты пиши, и легче станет. Я сам в Афгане каждый день писал. Жене, матери. Половина не дошла, но я писал.

и что, легче становилось?

- Легче. Слова - они, как молитва. Даже если никто не слышит - Бог слышит. А если в Бога не веришь - сам услышишь. Это тоже важно.

Алексей кивнул. Он не очень понимал, что Дед имеет в виду, но решил запомнить. Может, потом поймёт.

- Спи, Бондарь, сказал Дед, закуривая. - Завтра трудный день.

- А лёгкие когда-нибудь будут?

- Не знаю, Дед выпустил дым в потолок. - Может, никогда, но ты держись. Ты крепкий.

Шахтёры - они вообще крепкие.

это да, Алексей впервые за день улыбнулся. - Под землёй вообще многое понимаешь.

- Например?

- Например, что темнота это не страшно. Страшно - когда не знаешь, есть ли выход.

Дед посмотрел на него долгим взглядом.

- Хорошо сказал. Выход есть. Просто его иногда не видно, но он есть.

Они замолчали. Свеча догорела и погасла, оставив только красный уголёк сигареты Деда.

Где-то наверху, над подвалом, гудел ветер. Где-то далеко гремели разрывы - артиллерия была по окраинам. Война продолжалась.

Алексей закрыл глаза и попытался представить море. Севастопольскую бухту на рассвете., как отец стоит на балконе и курит, глядя на корабли., как мама хлопчет на кухне., как Катя, ещё маленькая, бежит по набережной с воздушным шариком.

Он не знал, увидит ли всё это снова, но он знал, ради чего воюет.

Ради того, чтобы увидеть.

Часть 12. Стекло

Киев, 27 февраля 2014 года. Катя стояла у окна в гимназии и смотрела, как по двору ветер гоняет обрывки газет. Уроки отменили - то ли из-за нестабильной обстановки, то ли потому, что половина учителей разъехалась. Она пришла по привычке, просто чтобы не сидеть дома, не смотреть в телевизор, не слушать бесконечные новости, от которых уже тошнило и теперь стояла в пустом коридоре, прижавшись лбом к холодному стеклу, и думала.

Думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё полгода назад она была обычной киевской школьницей. Училась, влюблялась, ссорилась с подругами, мечтала о будущем. Крым был просто местом, где живут родители. Севастополь - городом, куда она ездит на каникулы. А теперь Крым стал символом. Словом, которое разделило её жизнь на «до» и «после».

Она вспомнила, как прошлым летом они всей семьёй ездили в Балаклаву. Папа был за рулём, мама читала вслух путеводитель, Алёша дурачился на заднем сиденье. Они остановились у генуэзской крепости, и папа рассказывал про древних греков, про римлян, про то, как эта земля веками была перекрёстком цивилизаций. «Здесь всё перемешано, Катюша, говорил он. - Здесь каждый камень помнит и русских, и татар, и греков, и украинцев. Это наша общая земля».

Она тогда не придавала значения этим словам. А теперь они всплыли в памяти и жгли, как пощёчина. «Наша общая земля». Почему же теперь она стала «их» землёй? Почему теперь папа - «оккупант», а мама - «предательница»? Кто это решил? Когда это случилось?

- Катя!

Она вздрогнула. В коридор выбежала Олеся - запыхавшаяся, с мокрыми от слёз глазами. В руке она сжимала телефон.

- Ты видела? Ты уже видела?

- Что? - Катя обернулась, и сердце ёкнуло от нехорошего предчувствия.

- Крым. Ваш Верховный Совет. Они проголосовали. Они назначили референдум. На шестнадцатое марта. О присоединении к России.

Катя медленно опустилась на подоконник. Ноги вдруг стали ватными, чужими. Она смотрела на Олеся, но видела не её - а Севастополь, площадь Нахимова, толпы людей с российскими флагами и среди них - отца.

- Уже? - голос прозвучал глухо, будто из-под воды.

- Уже, Олеся села рядом, взяла её за руку. - По всем каналам передают и знаешь... говорят, что российские войска уже по всему полуострову. Украинские части блокированы. Выхода нет.

Катя закрыла глаза. Она знала, что это случится. Знала с того самого дня, как увидела по телевизору «зелёных человечков» на улицах Севастополя. Знала, когда говорила с матерью и слышала в её голосе эту странную смесь страха и надежды. Знала, когда читала комментарии под своим постом - злые, едкие, полные ненависти, но одно дело - знать, а другое - услышать, что это произошло. Что теперь Крым официально уходит. Что её родители больше не в Украине. Что она сама теперь - неизвестно кто.

- Катя, Олеся заглянула ей в глаза, что с тобой? Ты белая, как мел. Хочешь, я принесу воды?

- Не надо, Катя покачала головой. - Я в порядке. Просто... знаешь, я думала, что у меня ещё есть время.

- Время для чего?

- Не знаю, она пожала плечами, и жест этот вышел беспомощным, детским. - Попрощаться, наверное. Объяснить. Понять. Я всё ждала, что мама позвонит и скажет: «Катюша, мы передумали, мы остаёмся в Украине». Глупо, да?

- Не глупо, тихо сказала Олеся. это по-человечески.

- А теперь - всё, Катя смотрела в одну точку на противоположной стене, где висел плакат с трезубцем и надписью «Україна понад усе». - Теперь они - Россия. А я - Украина. И, между нами, граница. Настоящая. С паспортами, с визами, с колючей проволокой. Понимаешь? Я не могу к ним просто так приехать и они ко мне не могут. Мы теперь - разные страны.

Олеся молчала. Она не знала, что сказать. Все слова, которые приходили в голову - «держись», «всё наладится», «время лечит», казались фальшивыми и пустыми. Поэтому она просто сидела рядом и держала Катю за руку.

- Знаешь, что самое страшное? - Катя повернулась к подруге. - Я ведь хочу к ним. Очень хочу. Вот прямо сейчас - сесть на поезд и поехать. Обнять маму. Увидеть папу. Постоять на нашей набережной, но я не могу. Потому что, если я туда поеду - здесь меня будут считать предательницей. А если останусь здесь - там меня будут считать... я не знаю кем. Отступницей. Врагом.

- Ты не враг, твёрдо сказала Олеся. - Ты - просто Катя. Ты любишь своих родителей. Что в этом плохого?

- В обычной жизни - ничего. А сейчас..., она обвела рукой коридор, плакат на стене, серое небо за окном. - Сейчас всё изменилось. Теперь нужно выбирать. Либо ты с нами, либо против нас. Третьего не дано.

- А мне кажется, третье - самое важное, негромко произнесла Олеся. - Оставаться человеком, когда все вокруг сходит с ума. Не выбирать сторону, а выбирать правду.

- А если правда у каждого своя?

- Тогда выбирать любовь, Олеся посмотрела на Катю серьёзно, по-взрослому. - Любовь это единственное, что не делится на «наших» и «ваших».

Катя долго смотрела на подругу. Потом вдруг обняла её - крепко, отчаянно, как обнимают перед дальней дорогой.

- Спасибо тебе, прошептала она. - Ты даже не представляешь, как это важно - знать, что хоть кто-то тебя понимает.

- Я понимаю, Олеся погладила её по спине. - У меня дядя в Харькове. Он тоже за Россию. Мы с ним разругались в пух и прах. А потом я подумала: он же мой дядя. Он меня на руках носил, когда я маленькая была. Неужели политика важнее этого?

- Не важнее, Катя отстранилась, вытерла слёзы. - Не должна быть важнее, но, как это объяснить всем остальным?

- Никак, честно ответила Олеся. - Можно только самой понять и жить с этим.

Они ещё немного посидели на подоконнике. В коридоре было тихо - только ветер за окном шумел да где-то вдалеке хлопали двери. Школа, ещё недавно полная жизни, теперь казалась брошенным кораблём, который дал течь и медленно шёл ко дну.

Потом Катя встала.

- Пойдём, сказала она. - Надо домой. Тётя Оксана, наверное, с ума сходит.

- Пойдём.

Они вышли из гимназии. На улице было холодно, ветер гнал по асфальту сухие листья и обрывки каких-то листовок. Катя подняла одну - «Крым - це Україна! Захистимо наш дім!». Она прочитала, аккуратно сложила листовку и сунула в карман. Не потому, что была согласна. Просто на память.

Она думала о родителях. Интересно, они сейчас знают о решении Верховного Совета? Наверное, знают. Наверное, радуются. Или тревожатся. Или и то и другое вместе, как это часто бывает в последнее время.

Она достала телефон, нашла мамин номер. Палец завис над кнопкой вызова. Что сказать? «Я вас люблю»? «Простите меня»? «Почему вы так со мной поступили»?

Она не знала. В голове крутились обрывки мыслей, но ни одна не складывалась в слова. В конце концов она просто набрала короткое сообщение - такое же, как мама когда-то прислала ей: «Я жива. Всё нормально. Не волнуйтесь».

Отправила и пошла дальше, не дожидаясь ответа.

За её спиной, в пустом школьном коридоре, осталось стоять окно с видом на серый киевский двор. Стекло, к которому она прижималась лбом, ещё хранило тепло, но завтра оно остынет. Завтра всё будет по-другому.

Часть 13. Сны и пробуждение

Ночь на 28 февраля 2014 года. Четыре города, четыре окна, четыре пары глаз, смотрящих в темноту.

В Севастополе, в маленьком доме на Корабельной стороне, Андрей и Анна лежали без сна. За окном шумел ветер, гремел железом на крыше, раскачивал фонарь, и тени плясали по потолку, как беспокойные духи. Андрей держал жену за руку и думал о том, что завтра начинается новый отсчёт времени. Не просто новый день - новая эпоха. Крым больше никогда не будет украинским. Севастополь больше никогда не будет чужим портом. Его дети, разбросанные по разным городам, теперь - граждане разных государств, но он верил: это временно., как разошедшаяся бочка, которую можно собрать заново, так и семья, и страна, и сама история - всё собирается, если есть умелые руки и терпение.

- Ты спишь? - прошептала Анна.

- Нет.
- Я всё думаю о детях. О Кате. О Алёше., как они там?
- Живы, ответил Андрей. это главное. Остальное приложится.
- Ты всегда так говоришь. «Приложится». А если не приложится?
- Приложится. Мы же Бондаренко.

Анна улыбнулась в темноте. Она слышала эту фразу от мужа столько раз, что уже сбилась со счёта, но сейчас, в эту тревожную февральскую ночь, она почему-то прозвучало не, как привычная поговорка, а, как заклинание., как молитва., как обещание.

В Донецке, в подвале Дома культуры, Алексей сидел у догорающей свечи и перечитывал письмо, которое написал родителям, но так и не отправил. Он добавил ещё несколько строк - для Кати. «Сестрёнка, я знаю, мы сейчас по разные стороны, но я помню, как ты бегала за мной хвостиком., как мы ели чебуреки на набережной., как ты плакала, когда я уезжал в Донецк. Я не знаю, увидимся ли мы снова, но я хочу, чтобы ты знала: что бы ни случилось, ты моя сестра и я тебя люблю». Он сложил письмо, убрал в карман. Рядом спали товарищи - усталые, измотанные, но не сломленные. Завтра снова на позиции. Завтра снова бой.

А в Киеве, на Оболони, Катя смотрела в потолок и думала о том, как странно устроен мир. Ещё вчера у неё была семья. Пусть далеко, но - семья. А сегодня она словно стоит на перроне и смотрит вслед уходящему поезду и никто не знает, когда будет следующий и будет ли вообще. Она вспомнила слова Олеси - «любовь не делится на наших и ваших» и впервые за долгое время почувствовала не боль, а тихую, спокойную решимость. Она не будет выбирать. Она останется собой. Катериной Бондаренко. Дочерью своих родителей. Сестрой своего брата. Украинкой, которая любит русский Крым. Русской, которая живёт в украинском Киеве. Мостом между двумя берегами.

Где-то глубоко под землёй, в симферопольской квартире, спала Лариса Петровна, и ей снился университет - старый, довоенный, с высокими сводчатыми потолками и запахом книжной пыли. Во сне она шла по коридору, а навстречу ей - коллеги, с которыми она проработала двадцать лет. Они улыбались, кивали, и никто не хлопал дверьми, никто не называл её врагом. Хороший сон. Почти забытое чувство единства.

Где-то на блокпосту под Симферополем майор Кузнецов пил чай из термоса и смотрел на звёзды. Он думал о том, что эта операция войдёт в учебники. Что когда-нибудь его внуки спросят: «Дед, а ты правда был там? В Крыму, в четырнадцатом?» И он ответит: «Был» и это будет самая короткая и самая честная история его жизни.

Где-то в поезде, уходящем из Киева во Львов, Олег Степанович Гнатюк смотрел в тёмное окно и видел там своё отражение - усталое, осунувшееся, но полное праведного гнева. Он ехал на запад, подальше от «русской оккупации», и думал, что поступает правильно, но где-то глубоко внутри, в том месте, которое не подчиняется идеологии, жила память о симферопольской кафедре, о совместных учебниках, о чаепитиях в преподавательской и эта память молчала, но не умирала.

Четыре окна погасли. Четыре города уснули. А над ними, над всем этим расколотым, израненным, но всё ещё живым миром, раскинулось одно на всех небо - чёрное, бездонное, усыпанное звёздами.

И где-то там, в вышине, ветер нёс облака с востока на запад, не разбирая границ.

Потому что у неба нет границ и у любви - тоже.

Завтра наступит новый день и новая глава.

Глава 3. Референдум

Часть 1. Подготовка

Севастополь, 1 марта 2014 года. Андрей Петрович Бондаренко стоял во дворе своего дома на Корабельной стороне и разговаривал с соседями. Разговор был не праздный - решали,

кто пойдёт агитировать по квартирам, кто будет дежурить на избирательном участке, кто возьмёт на себя подвоз пожилых людей. До референдума оставалось две недели, и работы было невпроворот.

- Петрович, ты как, сможешь зайти к Петровым из пятой квартиры? - спрашивал Гаврилов, сверяясь с мятым списком, который он держал в руках. - Они вроде колеблются. Надо поговорить.

- Смогу, кивнул Андрей. - А что с Ниной Степановной из третьего подъезда? Ей восемьдесят два, она сама не дойдёт.

- За ней я заеду, отозвался молодой парень из дружины. - У меня машина. Посажу, довезу, обратно привезу.

- Добро.

Двор гудел, как улей. Люди выходили из подъездов, собирались в группы, обсуждали последние новости. Кто-то разворачивал российский флаг, чтобы повесить на балконе. Кто-то нёс коробки с листовками. Пахло весной, морем и типографской краской.

Андрей смотрел на всё это и чувствовал странное, почти забытое чувство. Воодушевление. То самое, которое он последний раз испытывал, наверное, в молодости, когда служил на Северном флоте и верил в свою страну. Тогда эта вера была растоптана, разбита, развеяна по ветру девяностыми. А теперь - возвращалась. Медленно, осторожно, как возвращается чувство в онемевшую руку. Покалывает, но уже чувствуется.

- Андрей, к нему подошла Анна. Она была в пальто и с сумкой через плечо - собиралась в Симферополь, в университет. - Я уезжаю. Сегодня заседание кафедры. Будут решать, как работать дальше.

- Понял, он поцеловал её в щёку. - Ты там осторожнее. Мало ли.

- Постараюсь, она улыбнулась, но улыбка вышла тревожной. - Ты тоже... не лезь на рожон.

- Я - никогда, Андрей усмехнулся. - Я только по делу.

Анна покачала головой и пошла к остановке. Андрей проводил её взглядом и вернулся к соседям.

Через час он уже стучал в дверь пятой квартиры. Открыл Пётр Иванович Петров - сухонький старик лет семидесяти, бывший учитель истории, человек начитанный и осторожный.

- Здравствуйте, Пётр Иванович, Андрей поздоровался уважительно. - Я к вам по поручению инициативной группы.

- Проходите, старик посторонился, пропуская его в прихожую. - Знаю, знаю, зачем вы. О референдуме.

В комнате пахло книгами и старыми обоями. На стенах - полки с томами, на столе - раскрытая газета «Крымская правда». Пётр Иванович сел в кресло, предложил Андрею стул.

- Вы, Андрей Петрович, извините старика, но я вам прямо скажу, начал он. - Я в сомнениях.

- В каких? - спросил Андрей спокойно.

- Понимаете, я историк. Я всю жизнь изучал факты и факты говорят: Крым был передан Украине в пятьдесят четвёртом году. Это было решение Верховного Совета СССР. Юридически - законно. А теперь мы хотим это решение отменить, но на каком основании? На основании того, что нам так хочется?

- Не только, Андрей покачал головой. - На основании того, что Украина, которой мы доверились, изменила нам. Она стала другой страной. Враждебной.

- Враждебной? - Пётр Иванович прищурился. - А вы не допускаете, что это мы стали другими?

- Допускаю, но посмотрите на Киев. Майдан. Переворот. Люди, которые пришли к власти, первым делом отменили закон о языках. Вы понимаете, что это значит? Что русских здесь больше не уважают. Что нам указывают на дверь.

Пётр Иванович молчал. Потом вздохнул.

- Вы знаете, я ведь в оккупации был. Мальчишкой. Помню, как немцы стояли в Севастополе и помню, как наши их выбили. Так вот, я тогда думал: «Родина это Россия» и когда в девяносто первом Союз распался, я плакал. А теперь... теперь я боюсь.

- Чего?

- Войны. Если мы уйдём в Россию - Украина этого так не оставит. Будет война. Я старый человек, я не хочу слышать взрывы.

Андрей наклонился вперёд, посмотрел старику в глаза.

- Пётр Иванович, война уже идёт. В Киеве стреляют. В Донецке - бои. А мы здесь пока в тишине, но надолго ли? Если мы останемся в Украине - нас заставят воевать против своих. Против России. Вы этого хотите?

- Нет, тихо сказал старик.

- Тогда референдум это наш шанс уйти от войны. Вернуться домой и закрыть дверь.

Пётр Иванович долго молчал. Потом кивнул.

- Приходите шестнадцатого, сказал Андрей, вставая. - Я за вами заеду. Лично.

Когда он вышел на лестничную клетку, то увидел Гаврилова, который курил у окна.

- Ну как?

- Будет голосовать, сказал Андрей. - Кажется.

- А ты умеешь убеждать, Гаврилов хмыкнул. - Может, тебе в политику?

- Не дай Бог, Андрей даже перекрестился. - Я бондарь. Моё дело - бочки.

- Ну-ну, Гаврилов засмеялся. - Бочки так бочки.

Они спустились во двор, где уже собиралась новая группа добровольцев. Работа кипела. До референдума оставалось пятнадцать дней.

Часть 2. Выбор Анны

Симферополь, 3 марта 2014 года. Анна сидела в полупустой аудитории и смотрела на стопку зачётных ведомостей, которые ей предстояло заполнить. Занятия в университете формально ещё шли, но студентов с каждым днём становилось всё меньше. Одни уехали с родителями на Украину. Другие, наоборот, перевелись в российские вузы - кто в Краснодар, кто в Ростов, кто в Москву. Третьи просто не ходили, ждали, чем всё закончится.

Она отложила ручку и потёрла уставшие глаза. Вчерашнее заседание кафедры прошло тяжело. После ухода Гнатюка и ещё двух преподавателей оставшиеся пытались понять, как работать дальше. Будут ли новые программы? Какие учебники использовать? Кто будет финансировать университет - Киев или Москва? Ответов не было. Лариса Петровна держалась, но было видно, что силы на исходе. «Мы, как корабль в тумане, сказала она под конец, идём вперёд, но не знаем, какие там скалы».

Анна думала о своём. В сумке у неё лежали два документа, которые она получила сегодня утром в паспортном столе. Анкета на получение российского паспорта и её украинский паспорт - синий, с трезубцем, с отметками о рождении детей, с визами и штампами. Она положила их рядом на стол и долго смотрела, не решаясь сделать выбор.

Украинский паспорт был для неё не просто документом. Он был частью её жизни. Она помнила, как получала его в девяносто первом, после развала Союза. Тогда это казалось началом новой эры - Украина, независимая, свободная, европейская. Она верила в эту страну. Преподавала её язык, изучала её литературу, растила детей гражданами Украины и вот теперь эта страна стала для неё чужой. Или она стала чужой для этой страны.

Она взяла в руки украинский паспорт, раскрыла. Фотография - молодая, улыбающаяся женщина. Совсем не похожа на ту усталую, осунувшуюся Анну, которая сидит сейчас в пустой аудитории. Дети вписаны: Алексей Андреевич Бондаренко, Екатерина Андреевна Бондаренко. Тогда они были просто детьми, без политики, без идеологии. Просто её сын и дочь.

А теперь? Алексей - ополченец в Донецке. Катя - активистка Майдана в Киеве и она сама - между ними., как мост, по которому никто не идёт.

Она вспомнила, как неделю назад звонила мать из Полтавы. Старая учительница украинского языка, она всегда была для Анны моральным авторитетом. «Доню, сказала она тогда, и голос её дрожал по телефону, я не знаю, что вам посоветовать. Я прожила жизнь при Советском Союзе и при Украине и везде были хорошие люди и плохие люди. Не дай им сделать тебя плохой. Оставайся собой».

«Оставайся собой». Легко сказать, но кто она теперь? Украинка, которая голосует за Россию? Русская, которая любит украинскую литературу? Преподаватель, чьи студенты разбегаются? Мать, чьи дети стали врагами?

Она взяла анкету. Прочитала пункты: фамилия, имя, отчество, место рождения, гражданство. Гражданство: Российская Федерация. Она взяла ручку и аккуратно, каллиграфическим почерком, которым когда-то выводила буквы на доске, вписала свои данные. Потом отложила анкету и взяла украинский паспорт. Провела по нему рукой, словно прощаясь и убрала в сумку. Не выбросила - убрала. Пусть лежит., как память о стране, которая могла быть её домом, но не стала.

- Анна Игоревна! - в аудиторию заглянула молоденькая лаборантка. - Там к вам студентка. Можно?

- Пусть заходит.

Вошла девушка - одна из тех, кто ходил на её лекции. Анна помнила её: тихая, серьёзная, всегда сидела на первой парте. Кажется, зовут Марина.

- Анна Игоревна, я хотела спросить... - девушка мялась, явно не решаясь.

- Спрашивай.

- Вы остаётесь? Ну, в Крыму? Или уезжаете?

- Остаюсь, сказала Анна спокойно. - А ты?

- Я тоже, девушка выдохнула с облегчением. - А то я боялась, что все преподаватели уедут, и университет закроют.

- Не закроют, Анна улыбнулась, хотя улыбка вышла усталой. - Будем работать. Программы, наверное, поменяются, но литература останется. Шевченко останется.

«и Пушкин?» - спросила девушка.

и Пушкин и Мицкевич и Гёте. Литература не знает границ, Марина. Это я тебе, как филолог говорю.

Девушка кивнула и вышла. Анна осталась одна. Она посмотрела на заполненную анкету, на сумку, где лежал старый паспорт, и вдруг почувствовала, как внутри что-то отпускает. Словно она перешла невидимый рубеж. Сделала выбор и этот выбор был - остаться собой. Анной Бондаренко. Женой. Матерью. Филологом. Человеком, который любит своих детей, даже если они её не понимают.

Она собрала вещи и вышла из аудитории. В коридоре было пусто. Ветер с моря бил в окна. Она спустилась по лестнице, вышла на улицу и пошла к автобусной остановке. Домой. В Севастополь. К Андрею.

Там, дома, она достанет дневник и запишет: «3 марта. Подала анкету на российский паспорт. Украинский оставила. На память. Пусть лежат рядом - две части моей жизни. Я не могу отречься ни от одной из них. Я - мост и буду им, пока жива».

Часть 3. Донецк. Накануне

Донецк, 5 марта 2014 года. Алексей сидел на лавке в сквере возле здания бывшей областной администрации - теперь штаба ополчения и смотрел, как мимо него течёт людская река. Митинг только что закончился, но люди не расходились. Они стояли группами, обсуждали новости, грелись у костров в железных бочках, пели песни. Над площадью развевались флаги

- российские триколоры, знамёна ДНР, чёрно-сине-красные стяги. В воздухе пахло дымом, соляркой и той особой, тревожной весной, которая в Донбассе всегда пахнет углём.

- Бондарь! - окликнул его знакомый голос.

Алексей обернулся. К нему шёл Дед - в своём неизменном камуфляже, с автоматом за спиной и неизменной сигаретой в зубах.

- Чего расселся? - Дед присел рядом. - Отдыхаешь?

- Думаю, ответил Алексей.

- О чём?

- О референдуме. В Крыму шестнадцатого. А у нас когда?

Дед затянулся, выпустил дым.

- У нас? - он усмехнулся. - У нас, Бондарь, всё сложнее. Крым это особый случай. Там большинство русских, там флот, там всё понятно. А у нас... - он обвёл рукой площадь. - У нас половина за Россию, половина за Украину, а третья половина вообще за то, чтобы их оставили в покое.

- Третьей половины не бывает, машинально поправил Алексей.

- Бывает, Дед посмотрел на него серьёзно. - На войне всё бывает. Ты ещё молодой, не понимаешь. Люди хотят просто жить. Работать, растить детей, пить пиво по пятницам. А политика... она для них, как снег в мае. Нежданная и неприятная.

Но ведь есть же принципы, Алексей сжал кулаки. - Нельзя вечно сидеть и ждать, пока за тебя всё решат.

- Принципы есть, согласился Дед. - Только у каждого свои. Вон, видишь мужика с сине-жёлтым флагом?

Алексей посмотрел. У края площади стоял невысокий человек лет сорока, в гражданской одежде, с украинским флагом в руках. Он не выкрикивал лозунгов, не спорил - просто стоял и держал флаг. Вокруг него образовалось пустое пространство - люди обходили стороной, но не трогали.

- Вижу.

- Он тоже за принципы. За Украину. За единство. Только его правда - другая и таких здесь много. Ты думаешь, они уедут, если Донбасс войдёт в Россию? Нет. Они здесь родились, здесь их дом.

- Значит, война, тихо сказал Алексей.

- Значит, война, подтвердил Дед. - Поэтому я и говорю: у нас всё сложнее. Крым уйдёт тихо. А Донбасс будет воевать. Долго.

Они помолчали. Мимо прошла группа ополченцев - молодые парни с оружием, возбуждённые, громкие. Один из них, совсем мальчишка, лет семнадцати на вид, тащил на плече старый автомат ППШ, неизвестно где раздобытый.

- Смотри, кивнул на него Дед. - Пацаны идут. Им бы ещё в школе учиться, а они уже с оружием и это только начало. Через месяц здесь будут тысячи таких.

- Я их понимаю, сказал Алексей. - Я сам такой.

- Я знаю. Поэтому и говорю с тобой. Ты думающий. А думающие на войне нужны не меньше, чем стреляющие. Может, даже больше.

Алексей хотел ответить, но тут к ним подошёл Витька - тот самый молодой шахтёр, которого ранило в первом бою. Рука у него была на перевязи, но выглядел он бодро.

- Здорово, мужики! - Витька присел рядом. - О чём спорим?

- О референдуме, сказал Алексей.

- А чего о нём спорить? - Витька пожал здоровым плечом. - В Крыму будет, у нас тоже будет. Народ хочет в Россию. Шахтёры - за. Я сам за.

- Все шахтёры? - спросил Дед.

- Ну... почти все, Витька чуть сбавил тон. - Есть, конечно, которые за Украину, но их мало.

- Вот видишь, Дед повернулся к Алексею. - «Мало», но есть и это «мало» будет стрелять в вас. А вы - в них и это будет страшно.

Витька нахмурился.

- Дед, ты чего такой мрачный? Мы же за правое дело!

- За правое, согласился Дед. - Только правое дело не делает войну менее кровавой. Я в Афгане был. Знаю, о чём говорю.

При слове «Афган» все замолчали. Алексей смотрел на Деда и думал: сколько же этот человек пережил? Сколько видел смертей? Скольких потерял?

- Ладно, Дед встал, закинул автомат за спину. - Хватит философии. Завтра в шесть утра построение. Будем позиции укреплять. Говорят, украинская армия подтягивает силы к Славянску.

- Понял, Алексей тоже встал. - Будем.

Дед ушёл, а Витька остался сидеть.

- Слышь, Бондарь, сказал он негромко. - А у тебя родные-то где?

- Родители в Севастополе. Сестра в Киеве.

- В Киеве? - Витька присвистнул, и как? Она за Украину?

- За Украину, коротко ответил Алексей.

- Жёстко и что, не общаетесь?

- Пытаемся. Трудно.

Витька кивнул.

- У меня тоже двоюродный брат в Харькове. За Украину. Раньше каждый месяц созванивались. А теперь, как отрезало. Мать говорит: «Не лезь, пусть остынет». А я думаю: а если не остынет? Если навсегда?

Алексей ничего не ответил. Да и что тут скажешь?

Часть 4. Киев. Разговоры о Крыме

Киев, 6 марта 2014 года. Квартира на Оболони. Оксана Игоревна сидела на кухне, обхватив ладонями чашку с остывшим кофе, и смотрела в одну точку. По телевизору, который работал фоном, передавали новости: «Верховный Совет Крыма принял решение о вхождении в состав Российской Федерации... Назначен референдум на 16 марта... Украинское правительство заявляет решительный протест...» Диктор говорил что-то ещё, но Оксана уже не слушала. Она просто сидела и думала.

За эти две недели она постарела лет на десять. Морщины у глаз стали глубже, в волосах прибавилось седины. Она смотрела на экран, где показывали карту Крыма, уже обведённую красной линией, и пыталась совместить эту картинку с образом сестры. Анна. Её Аня. С которой они в детстве делили одну комнату, одни игрушки, одни мечты. Которая теперь - по ту сторону красной линии.

- Тётя Оксана! - в кухню заглянула Катя. - Ты чего?

- Ничего, Катюша. Просто новости смотрю.

Катя подошла, встала за спиной у тётки, посмотрела на экран. Там, как раз показывали Севастополь - площадь Нахимова, толпы с российскими флагами, счастливые лица.

- Они правда радуются, тихо сказала Катя. - Посмотри на них. Они счастливы.

это пропаганда, машинально ответила Оксана, но голос прозвучал неуверенно.

- Тётя Оксана, Катя села напротив. - Я же видела это своими глазами. Не по телевизору - вживую. Прошлым летом, когда к родителям ездила. Там люди говорили о России. Не все, но многие и они не были проплаченными или обманутыми. Они искренне этого хотели.

Оксана подняла глаза на племянницу.

и ты тоже? Тоже хочешь в Россию?

- Нет, Катя покачала головой. - Я не хочу в Россию. Я хочу в Украину, но я не могу ненавидеть тех, кто хочет иначе. Понимаешь? Не могу и всё.

- Понимаю, Оксана вздохнула. - Я тоже не могу ненавидеть твою маму. Хотя, наверное, должна бы.

- Почему должна?

- Потому что она... - Оксана запнулась, подбирая слова. - Потому что она теперь гражданка другой страны. Враждебной страны. Так говорят по телевизору. Так пишут в газетах. Так считают мои коллеги.

- А ты сама, как считаешь?

Оксана долго молчала. Потом сказала:

- Я считаю, что политика это грязь и самое страшное - когда эта грязь проникает в семьи.

Она встала, подошла к окну. За стеклом шумел Киев - большой, встревоженный, но всё ещё живущий своей жизнью. Люди спешили по делам, машины гудели в пробках, где-то вдалеке играла музыка.

- Знаешь, что мне вчера сказал мой начальник? - спросила Оксана, не оборачиваясь. - Он сказал: «Оксана Игоревна, вы должны определиться. Сейчас такое время - кто не с нами, тот против нас. Если у вас родственники в Крыму поддерживают аннексию - вы должны публично их осудить. Иначе у нас будут вопросы».

«и что ты ответила?» - тихо спросила Катя.

- Я сказала, что моя сестра - не политик. Она учитель и я не буду её осуждать за то, что она живёт там, где живёт.

- А он?

- А он сказал: «Подумайте» и я думаю. Всю ночь думала.

Оксана повернулась. Глаза у неё были красные - то ли от недосыпа, то ли от слёз.

- Катя, я боюсь. Боюсь потерять работу. Боюсь, что на меня напишут донос. Боюсь, что начнут травить, как травят всех, кто не кричит «Слава Украине» громче всех, но ещё больше я боюсь потерять сестру. Понимаешь? Если я публично её осужу это конец. Она мне этого не простит и я сама себе не прощу.

- Не осуждай, просто сказала Катя. - Я тоже не осуждаю. Хотя мне тоже говорят: «Ты должна ненавидеть». А я не могу.

Оксана подошла, обняла племянницу.

- Ты мудрая не по годам, Катюша. В кого ты такая?

- В маму, наверное, Катя улыбнулась краешком губ, она тоже не умеет ненавидеть. Она мне в последнем письме написала: «Язык это душа народа, но душа не может ненавидеть другую душу. Иначе она перестаёт быть душой».

- Красиво, Оксана покачала головой, и страшно. Потому что сейчас время ненависти и тех, кто не ненавидит, сминают.

- Пусть сминают, сказала Катя. - Мы всё равно не будем. Правда, тётя Оксана?

Оксана посмотрела на неё долгим взглядом. Потом кивнула.

- Правда.

Они ещё постояли немного, обнявшись. А по телевизору продолжали показывать Крым - счастливые лица, российские флаги, море цветов и диктор говорил что-то о «нарушении международного права», но Оксана уже не слушала. Она думала о сестре.

Часть 5. 16 марта

Севастополь, 16 марта 2014 года. День референдума.

Андрей Петрович Бондаренко проснулся в пятом часу утра, ещё затемно. В комнате было холодно - за ночь выстыли стены старого дома. Он лежал под одеялом и смотрел в потолок, где проступали едва заметные в предрассветных сумерках разводы от прошлогодней протечки.

Анна спала рядом - дышала ровно, тихо, подложив ладонь под щеку, как в детстве. Он осторожно, стараясь не скрипеть разохшимися половицами, встал, оделся и вышел на кухню.

За окном занимался рассвет - серый, пасмурный, без дождя. Море в бухте лежало спокойное, как зеркало. На рейде чернели силуэты кораблей - российских, теперь уже без всяких сомнений российских. Андрей постоял у окна, глядя, как медленно светлеет небо над городом. «Хороший день, подумал он. - Правильный день».

Он достал из шкафа чистую рубашку - белую, ту, что Анна берегла для особых случаев: свадеб, юбилеев, похорон. Сегодня был особый случай. Сегодня они голосовали. Не за зарплату, не за тарифы, не за очередного депутата с лживыми обещаниями. Сегодня они голосовали за Родину. За ту страну, которую он когда-то потерял и которую теперь возвращал себе - своими руками, своим сердцем, своим голосом.

Он поставил чайник, заварил чай. Сел у окна, глядя на просыпающийся город. Внизу, по Корабельному спуску, уже шли первые прохожие. Старуха в тёмном платке, придерживаясь за перила. Мужчина с российским флагом, свёрнутым в трубку. Молодая пара с ребёнком - малыш сидел у отца на плечах и вертел головой, разглядывая непривычно многолюдную улицу. Все они двигались в одном направлении - туда, где над школой номер три уже поднимали флаги.

Андрей вспомнил своего деда. Захара Трофимовича, бондаря из-под Полтавы. Тот умер в 1978-м, когда Андрей ещё курсантом был. Дед не застал ни перестройки, ни развала, ни дележа флота, но он говорил: «Россия, она, как дубовый обруч. Её согнуть трудно, сломать - почти невозможно, но если уж сломают - собрать заново сможет только мастер». Андрей тогда не очень понимал, о чём дед. Теперь - понимал. Мастер нашёлся и сейчас этот мастер - сам народ.

- Ты уже не спишь? - голос Анны вывел его из задумчивости.

Она стояла в дверях кухни, закутанная в старый махровый халат, с припухшими со сна глазами.

- Не сплю. Садись, чай горячий.

- Который час?

- Начало седьмого. Нам к восьми.

- Успеем, она села напротив, обхватила чашку ладонями. Помолчала. Потом сказала: - Андрей, мне страшно.

- Чего?

- Не знаю. Всего сразу. Что явки не будет. Что люди побоятся. Что Украина введёт войска. Что кто-нибудь устроит провокацию. Что Запад введёт санкции. Что всё это окажется сном...

- Тише, он взял её лицо в ладони, заглянул в глаза. - Всё будет хорошо. Мы этого ждали двадцать три года. Дождались. А теперь - просто пойдём и поставим галочку. Это не страшно. Это радостно.

- Ты правда так думаешь?

- Я знаю.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом улыбнулась - впервые за много дней.

Через час они вышли из дома. Утро было прохладным, но уже по-весеннему свежим. В воздухе пахло морем, мокрой листвой и чем-то ещё - едва уловимым, но отчётливым. Пахло надеждой. Или, может быть, историей. Андрей не мог подобрать слова, но знал: сегодняшней день запомнится навсегда. О нём будут рассказывать детям и внукам, о нём будут писать в учебниках, его будут показывать в документальных фильмах и он, Андрей Петрович Бондаренко, капитан второго ранга в отставке, бондарь с Корабельной стороны, он здесь. Он часть этого.

Избирательный участок располагался в школе номер три - той самой, где когда-то учился Алёша. К тому моменту, когда Андрей и Анна подошли, очередь перед входом уже растянулась

метров на двести. Сотни людей - старики с палочками, женщины с цветами, мужчины с флагами, молодые семьи с детьми и ни одного хмурого лица. Люди улыбались, переговаривались, поздравляли друг друга, словно с общим днём рождения.

- Петрович! - раздался знакомый голос.

К ним протискивался Гаврилов. Он был при полном параде: отутюженный китель со всеми медалями, георгиевская ленточка на груди, в одной руке - российский флажок, в другой - термос.

- Дождались! Чтоб я помер - дождались!

- Типун тебе на язык, улыбнулась Анна. - Живи ещё сто лет.

- Сто не обещаю, а двадцать - запросто! Лишь бы на Россию посмотреть!

- А ты что, её никогда не видел? - усмехнулся Андрей.

- Видел, но то была не совсем она. То была Россия - пьяная, слабая, в девяностые. А теперь - другая. Которая за своих стоит. Которая не бросает. Такая Россия мне нужна. За такую - голосовать готов.

Очередь двигалась медленно, но никто не жаловался. Какая-то женщина раздавала домашние пирожки - «берите, не стесняйтесь, сегодня праздник!». Старик с аккордеоном наигрывал «Севастопольский вальс», и кто-то уже подпевал. Мальчишки, не понимавшие торжественности момента, играли в догонялки прямо в очереди, и никто их не одёргивал. Над толпой плыли флаги - российские, андреевские, красные знамёна Победы и в воздухе стоял тот особый гул, который бывает только в моменты большого исторического подъёма - гул тысяч голосов, сливающихся в один.

- Смотри, Анна дёрнула Андрея за рукав. это же Пётр Иванович!

Действительно, к участку медленно шёл тот самый старик-историк из пятой квартиры, которого Андрей агитировал две недели назад. Он опирался на палку, но шагал твёрдо. За ним шла его жена, тоже старенькая, в выцветшем, но аккуратном пальто.

- Пётр Иванович! - Андрей подошёл к нему. - Вы всё-таки пришли!

- Пришёл, старик остановился, перевёл дух. - Я, знаете, всю ночь не спал. Думал. А утром встал и понял: не могу не прийти. Я историк, Андрей Петрович. Я должен войти в историю. Хотя бы, как песчинка.

- Не, как песчинка, твёрдо сказал Андрей, как полноправный гражданин.

Пётр Иванович кивнул, и в его выцветших старческих глазах блеснули слёзы.

Вот и вход. Вот стол с бюллетенями. Молодая женщина в белой блузке протянула Андрею листок. Он взял его, посмотрел. Два вопроса. Первый: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» Второй: «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма, как части Украины?»

Он даже не стал читать второй вопрос до конца. Взял ручку - обычную шариковую ручку, привязанную верёвочкой к столу, и аккуратно, твёрдой рукой поставил галочку в первом квадрате. Ручка немного скрипнула. Галочка получилась ровная, уверенная. Он сложил бюллетень пополам и опустил в прозрачную пластиковую урну.

Рядом Анна держала свой бюллетень. Она помедлила - Андрей видел, как дрогнула её рука. Она, преподаватель украинской литературы, гражданка Украины, мать дочери, которая сейчас в Киеве, она делала выбор. Не просто политический - экзистенциальный. Она выбирала не Россию против Украины. Она выбирала себя. Свою семью. Свой дом. Своё право жить на своей земле так, как она считает нужным.

Она поставила галочку. Первый вопрос.

- Всё? - тихо спросил Андрей.

- Всё.

Он взял её за руку, и они вышли из здания школы и тут Андрей услышал звук, который заставил его остановиться. Где-то в толпе кто-то запел. Тихо, неуверенно, но с каждым тактом всё громче:

«Россия - священная наша держава,

Россия - любимая наша страна...»

И вот уже подхватили десятки голосов. Сотни и весь двор перед школой пел гимн - ещё не своей, но уже почти своей страны. Старухи плакали. Мужчины стояли навывтяжку. Гаврилов, прижав руку к сердцу, пел так громко, что срывал голос.

Анна плакала. Андрей держал её за руку и чувствовал, как по его собственным щекам текут слёзы. Он не стеснялся их. Сегодня плакали все.

- Дождались, прошептал он. - Господи, дождались.

Вечером они сидели дома, втроём с Гавриловым. Тот притащил бутылку шампанского - пыльную, с выцветшей этикеткой.

это я ещё в девяносто первом купил, пояснил он, разливая по бокалам. - Тогда, когда Союз развалили. Купил и сказал: «Открою, когда Россия вернётся в Севастополь». Двадцать три года в погребке простояла. Ждала., как и мы.

- Двадцать три года, повторила Анна. - Целая жизнь.

- Целая жизнь, согласился Гаврилов, но мы дождались.

Они выпили. Шампанское было тёплым и немного горьким - всё-таки двадцать три года в погребке не шутка, но Андрею оно показалось самым вкусным в его жизни.

По телевизору передавали первые результаты. Девяносто шесть процентов. Девяносто семь. В Севастополе - девяносто пять с половиной. Победа. Полная, безоговорочная, оглушительная.

- Завтра на могилу к матери поеду, сказал вдруг Гаврилов. - Расскажу. Что дождались. Что флаг подняли. Что Севастополь снова русский.

- Поезжай, кивнул Андрей. - Обязательно поезжай.

Анна сидела молча, глядя в окно. Там, в темноте, перемигивались огни на рейде - красные, зелёные, белые. Андрей знал, о чём она думает. О том же, о чём и он.

- Я Кате звонила, сказала она наконец, она трубку не взяла.

- Позвонит ещё, Андрей обнял её за плечи. - Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через месяц, но позвонит. Она же наша дочь.

- Наша, повторила Анна. - Только теперь она - гражданка Украины. А мы - граждане России., как мы будем жить?

-, как жили, так и будем. Границы это для политиков. А для семей - мосты.

Он не знал тогда, что говорит пророческие слова. Что через несколько лет через Керченский пролив действительно вырастет мост. Что он, Андрей Бондаренко, будет работать на этой стройке своими руками. Что этот мост станет для него не просто работой - спасением. Символом. Доказательством того, что всё было не зря.

Но это будет потом.

А сейчас было 16 марта 2014 года. День, когда Крым вернулся домой.

За окном гремели салюты. Город праздновал. Люди вышли на улицы с флагами, с цветами, с песнями и где-то в этой толпе стоял пожилой учитель истории Пётр Иванович Петров и, возможно, впервые в жизни чувствовал себя не песчинкой, а творцом истории.

И где-то в Симферополе Лариса Петровна, заведующая кафедрой, смотрела в телевизор и плакала - то ли от радости, то ли от горя.

И где-то в Киеве Оксана Игоревна сидела в тёмной кухне, обхватив голову руками.

И где-то в Донецке Алексей Бондаренко, узнав результаты, молча кивнул и сказал: «Значит, и у нас так будет».

И где-то в Киеве, на Оболони, Катя Бондаренко смотрела в телефон и не могла решиться позвонить матери.

Шестнадцатое марта. День, который изменил всё.

Часть 6. Вечер после

Севастополь, 16 марта 2014 года, вечер.

Когда салюты отгремели и толпы на площади Нахимова начали редеть, Андрей и Анна вернулись домой. Гаврилов, изрядно захмелевший от шампанского и счастья, ушёл к себе, пообещав завтра с утра ехать на кладбище к матери. Они остались вдвоём.

Анна сидела на кухне и смотрела на телефон. Весь день она ждала звонка от Кати. Или хотя бы сообщения, но телефон молчал.

- Не жди, сказал Андрей, садясь напротив. - Она, наверное, сейчас сама не своя. Ты же понимаешь, что для неё этот день - не праздник.

- Понимаю, Анна кивнула, но я всё равно жду. Я мать. Я не могу не ждать.

Андрей взял её за руку. Он знал: слова здесь не помогут. Никакие.

- Знаешь, о чём я думаю? - сказала Анна. - О нашей свадьбе. Помнишь? Мы же расписывались здесь, в Севастополе. В восемьдесят третьем. Тогда ещё был Советский Союз. Мы были молодыми, глупыми и счастливыми и нам казалось, что так будет всегда.

- Мне и сейчас так кажется, Андрей улыбнулся.

- Не обманывай. Мы оба знаем, что всё изменилось. Мы теперь - граждане другой страны. Наши дети - граждане разных стран., как мы будем жить дальше?

- День за днём, ответил Андрей, как жили, так и будем. Утром вставать, работать, любить друг друга. Что ещё остаётся?

- Ты прав, Анна вздохнула. - Просто сегодня такой день... Я думала, будет только радость. А оказалось - радость пополам с грустью.

- Так всегда бывает, сказал Андрей. - Большая радость, она, как море. Глубокая. А на глубине всегда есть место и для света, и для тени.

Они помолчали. За окном тихо шумел город - уже не празднично, а буднично. Где-то лаяла собака. Где-то плакал ребёнок. Обычные звуки мирной жизни. Только жизнь эта теперь была другой.

Анна вдруг встала и подошла к книжному шкафу. Достала старый альбом - тот самый, с фотографиями. Раскрыла на середине.

- Смотри, она показала Андрею снимок. это мы в Ялте. Девяносто второй год. Кате три года, Алёше - шесть. Мы только что узнали, что Союз распался, и поехали к морю - забыться. Помнишь?

- Помню, Андрей взял фотографию. - Катя тогда всё время плакала. Боялась медуз.

- А Алёша, наоборот, лез в воду, хотя волны были большие. Ты его еле удержал.

- Он всегда был смелым.

и сейчас смелый. Сидит где-то в окопе под Донецком. А мы тут празднуем.

- Мы не просто празднуем, твёрдо сказал Андрей. - Мы голосуем за то, чтобы он был прав. Чтобы его смелость была не напрасной. Чтобы Донбасс тоже мог вернуться домой.

Анна закрыла альбом. Посмотрела на мужа долгим взглядом.

- Ты веришь, что так будет?

- Верю.

- Откуда в тебе столько веры?

- От деда, Андрей усмехнулся. - Он говорил: «Бочка рассыхается медленно, а собирается быстро. Главное, чтобы мастер был хороший». Вот мы и мастера. Собираем свою страну. Свой дом. Свою семью.

Анна ничего не ответила. Она просто прижалась к мужу и закрыла глаза. Завтра будет новый день. Завтра будут новые заботы: работа, звонки, документы. А сегодня - просто вечер.

Просто тишина. Просто двое немолодых людей, которые прошли через многое и которые верят, что всё ещё будет хорошо.

Где-то вдалеке, на рейде, прогудел корабль и этот гул был, как обещание., как клятва., как слово, которое нельзя нарушить.

Часть 7. Донецк. Эхо Крыма

Донецк, 17 марта 2014 года. Весть о результатах крымского референдума долетела до Донбасса быстро - радио, телевидение, соцсети, сарафанное радио. Девяносто шесть и семь десятых процента за воссоединение с Россией. Почти единогласно. Почти, как в советские времена, только теперь это была не фикция, а реальное волеизъявление.

Алексей узнал об этом рано утром, когда выбирался из подвала на поверхность - размяться, глотнуть свежего воздуха. У входа в Дом культуры уже собралась небольшая толпа. Люди обнимались, кричали «Ура!», кто-то размахивал российским флагом, кто-то палил в воздух из автомата - холостыми, но всё равно страшно.

- Бондарь! - к нему подбежал сияющий Витька. Правая рука у него всё ещё была на перевязи, но левой он энергично размахивал. - Ты слышал? Девяносто шесть процентов! Это же победа!

- Слышал, Алексей кивнул. - Хорошие цифры.

- Хорошие?! Да это же почти сто! Крым наш! Теперь и мы!

- Не спеши, Алексей присел на бетонный блок, заменявший лавку. - Крым это одно. А у нас всё по-другому.

- Почему по-другому? - Витька нахмурился. - Мы тоже русские. Мы тоже хотим в Россию. Почему нам нельзя?

- Потому что Крым это стратегический полуостров с флотом. А Донбасс это промышленный регион с шахтами. Разный вес. Разная логика и потом - в Крыму большинство всегда было за Россию. А у нас... - он вспомнил того мужика с украинским флагом на площади. - У нас по-разному.

- Ну и что? - Витька не унимался. - Большинство-то всё равно за! Мы же можем тоже референдум провести!

- Можем и проведём, наверное. Только чем это закончится? Крым ушёл тихо. А здесь... здесь будет война. Настоящая. С танками, с авиацией, с кровью.

Витька замолчал. Он был молодой, горячий, но не глупый. Он понимал, что Алексей прав.

- Бондарь! - раздался голос Деда. Старый афганец стоял у входа в подвал, шурясь от утреннего солнца. иди-ка сюда. Разговор есть.

Алексей поднялся, подошёл. Дед выглядел уставшим - видимо, тоже не спал всю ночь, следил за новостями.

- Что, Дед?

- Вот что, Дед закурил, выпустил дым в серое небо. - Крым проголосовал. Это хорошо. Это победа, но для нас это значит, что Киев теперь озверевает. Им нужно будет показать, что они ещё что-то могут. Что они не всё потеряли и покажут они это здесь. На нас.

- Думаешь, полезут?

- Уверен. Уже лезут. В Славянске вчера перестрелка была. Под Краматорском - блокпосты украинские ставят. Это только начало. Так что готовься, Бондарь. Скоро здесь будет жарко.

Алексей кивнул. Он и сам это чувствовал. Крымский референдум был не концом, а только началом. Для Крыма - счастливым концом. Для Донбасса - кровавым началом.

Вечером он сидел в подвале и снова писал письмо. На этот раз - отцу.

«Батя, привет.»

У нас тут все обсуждают Крым. Радуются. Я тоже рад. За вас. За Севастополь. За то, что вы дождались. Маме привет передавай. Скажи, что я её люблю и что всё будет хорошо.

У нас тут, похоже, скоро начнётся. Серьёзно начнётся. Украина стягивает войска. Мы укрепляем позиции. Дед говорит - будет война. Я ему верю. Он в Афгане был, он знает.

Ты, наверное, скажешь: «Уезжай, пока не поздно». Не могу, батя. Не имею права. Если я уеду - кто здесь останется? Такие же, как я? А если все уедут - кто Донбасс защитит?

Так что я остаюсь. Не волнуйтесь за меня. Я осторожно и я не один - нас тут много. Прорвёмся.

Твой сын Алексей.

P.S. Кате, если сможешь, передай, что я её люблю. Несмотря ни на что».

Он сложил письмо, убрал в карман. Потом встал и пошёл проверять посты. Завтра будет новый день и кто знает, что он принесёт.

Часть 8. Киев. Зерно сомнения

Киев, 18 марта 2014 года. Катя сидела на подоконнике в своей комнате на Оболони и смотрела в телефон. Новости о крымском референдуме уже перестали быть сенсацией их сменили другие, ещё более тревожные: в Донецке митинги, в Луганске захваты административных зданий, в Харькове столкновения. Украина бурлила, и казалось, что ещё немного и вся страна вспыхнет, как сухой порох.

Но Катя думала не о политике. Она думала о матери.

Она представляла, как мама шла на избирательный участок., как брала бюллетень., как ставила галочку. Наверное, рука у неё дрожала - Катя знала эту мамину привычку: когда она волнуется, у неё чуть заметно дрожат пальцы и всё же она поставила эту галочку. За Россию. Против Украины. Против всего, во что верит Катя.

Или нет? Может быть, мама голосовала не против Украины, а за что-то другое? За стабильность? За будущее? За право говорить на родном языке без оглядки на Киев?

- О чём задумалась? - в комнату заглянула Оксана.

- О маме, честно ответила Катя, как ты думаешь, почему она это сделала?

Оксана подошла, села на край кровати.

- Я много об этом думала, сказала она и знаешь, что поняла? Твоя мама, она не политик. Она не думает категориями «Россия - враг, Украина - друг». Она думает категориями «мои дети, мой дом, моя работа». Она не предавала Украину, Катя. Она просто выбрала то, что для неё важнее.

Но ведь это неправильно! - Катя вскинулась. - Есть же долг перед страной! Есть патриотизм!

- Есть, согласилась Оксана, но есть и долг перед семьёй и когда эти два долга вступают в противоречие - получается трагедия. Не ты её устроила, не я, не твоя мама. Просто так сложилось.

Катя замолчала. Она вспомнила слова Олеси: «Третье - самое важное. Остаться человеком, когда все вокруг сходят с ума». Может быть, мама и пытается остаться человеком? Может быть, она не враг, а просто... другой человек?

- Тётя Оксана, тихо сказала она. - А если я попробую с ней поговорить? Не спорить, а просто поговорить?

- Попробуй, Оксана кивнула. - Только будь готова к тому, что она тебя не поймёт. Или ты её не поймёшь. Такое сейчас время - все друг друга не понимают.

Но ведь надо с чего-то начинать?

- Надо, Оксана вздохнула. - Обязательно надо.

Катя взяла телефон и долго смотрела на мамин номер. Потом набрала сообщение - не длинное, не обвинительное, просто: «Мама, привет., как у тебя дела?»

Ответ пришёл через минуту: «Катюша! У меня всё хорошо. А у тебя?»

«Тоже. Я скучаю».

«Я тоже скучаю. Очень».

И всё. Никакой политики. Никаких споров. Просто два человека, которые любят друг друга и не знают, как об этом сказать.

Катя отложила телефон и заплакала, но это были не злые слёзы. Это были слёзы надежды.

Часть 9. Историческая справка: Екатерина II и Крым

(Из лекции профессора Виктора Степановича Горового, 19 марта 2014 года. Восстановлено по аудиозаписи и студенческим конспектам. Лекция была прочитана в Большой аудитории Таврического национального университета, собравшей рекордное количество слушателей - более двухсот человек, многие стояли в проходах.)

...Итак, коллеги, позвольте мне сегодня, спустя три дня после референдума, вернуться к истокам. Ко дню, который можно считать днём рождения русского Крыма - 19 апреля 1783 года по новому стилю, 8 апреля по-старому. В этот день императрица Екатерина Алексеевна, которую современники называли Великой, а историки назовут позже, подписала высочайший манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу».

Почему я говорю об этом именно сегодня, когда ещё не остыли чернила на бюллетенях и не смолкли споры о легитимности нашего выбора? Потому что спустя двести тридцать один год Крым снова сделал свой выбор и выбор этот исторически закономерен. Более того - предопределён.

Давайте перенесёмся мысленно в конец XVIII века. Что представлял собой Крым в ту эпоху? Крымское ханство - осколок некогда могущественной Золотой Орды, вассал Османской империи, государство, живущее набегами и работорговлей. Источник постоянной, непрекращающейся угрозы для южных рубежей России. Набеги, угон людей в рабство, разорение деревень это была не просто политика, это была экономика ханства. Только за первую половину XVIII столетия, по оценкам историков, крымские татары угнали в неволю до двух миллионов русских, украинских, польских людей. Два миллиона! Вдумайтесь в эту цифру. Это население целого государства.

Главный невольничий рынок находился в Кафе - нынешней Феодосии. Там, где сейчас отдыхают курортники и играют дети, три столетия назад продавали людей. Русских женщин - в гаремы. Русских мужчин - на галеры. Русских детей - в янычары. Это была кровоточащая рана на теле России, и Екатерина, проявив государственную мудрость, твёрдость и политическую волю, решила эту рану закрыть. Навсегда.

Россия не могла терпеть эту угрозу и после двух победоносных русско-турецких войн, после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года, Крым был объявлен независимым от Османской империи, но независимость эта была зыбкой. В ханстве шла междоусобная борьба, турецкое влияние сохранялось, набеги продолжались. Последний крымский хан Шагин-Гирей, человек просвещённый и лояльный России, не мог удержать власть и тогда светлейший князь Григорий Потёмкин-Таврический обратился к Екатерине с историческим письмом, в котором были такие слова:

«Крым положением своим разрывает наши границы... Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, но только покой доставит... Поверьте, что Вы сим приобретением безсмертную славу получите, и такую, какой ни один государь в России ещё не имел. Сия слава проложит дорогу ещё к другой и большей славе: с Крымом достаётся и господство на Чёрном море».

Потёмкин был не только фаворитом императрицы, но и выдающимся государственным деятелем. Он понимал: Крым это не просто земля. Это ключ к Чёрному морю. Это безопасность южных границ. Это господство на целом театре военных и торговых действий.

И вот 8 апреля 1783 года Екатерина подписала манифест. Позвольте мне зачитать фрагмент, ибо это документ, который должен знать каждый крымчанин:

«Возвещая жителям тех мест силою сего Нашего Императорского Манифеста таковую бытия их перемену, обещаем свято и непоколебимо за Себя и Преемников Престола Нашего содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно».

Обратите внимание на эти слова. Вслушайтесь в них. Россия не завоёвывала Крым, она принимала его под свою защиту. Россия не уничтожала местные обычаи и веру, она клятвенно обещала их сохранить. Это был акт не агрессии, а спасения. Спасения земли, которая без России была обречена на бесконечные войны и разорение.

А потом была знаменитая поездка Екатерины в Крым в 1787 году - та самая, которую называли «потёмкинскими деревнями». Этот миф, кстати, придумали завистники. Потёмкин не строил бутафорских деревень - он действительно возводил города, порты, дороги. За три года был создан Черноморский флот. Заложены Севастополь. Построены Херсон и Николаев. Крым стремительно превращался из дикого пограничья в жемчужину империи.

И вот теперь давайте перенесёмся в день сегодняшней. Разве не то же самое мы видим сейчас? Крым, оказавшийся в составе государства, которое всё больше отдаляется от своих корней, которое забывает общую историю, которое пытается переписать прошлое, Крым снова ищет защиты и снова находит её у России.

Нам говорят: «Это аннексия». Нам говорят: «Это нарушение международного права», но позвольте спросить: а когда в 1954 году Хрущёв единоличным решением, без всякого референдума, без опроса населения, передал Крым Украине это не было нарушением? Когда в 1991 году нас просто поставили перед фактом: «Теперь вы - Украина» это было законно? Почему право на самоопределение, признанное ООН, для косоваров - священо, а для крымчан - преступно?

Двойные стандарты, коллеги и мы не должны этого стесняться. Мы должны знать свою историю и гордиться ею.

Дважды в истории - в 1783 и в 2014 годах - Крым делал свой выбор и оба раза этот выбор был в пользу России. Случайность? Не думаю. Закономерность. Историческая, культурная, цивилизационная.

Вы знаете, я часто вспоминаю слова, приписываемые Потёмкину. Говорят, когда Екатерина увидела Севастопольскую бухту и строящийся флот, она произнесла: «Мы приобрели сокровище». А Потёмкин ответил: «Нет, Ваше Величество. Это сокровище всегда было нашим. Мы просто вернули его».

Вот и мы - ничего не приобрели. Мы просто вернули своё.

Лекция окончена. Вопросы?

Примечание автора. Эта лекция, прочитанная через три дня после референдума, вызвала неоднозначную реакцию. Часть студентов аплодировала стоя. Часть покинула аудиторию. Один из студентов, по свидетельству очевидцев, подошёл к профессору после лекции и сказал: «Виктор Степанович, я уезжаю, но спасибо вам за правду. Мне было трудно её услышать, но я услышал». Профессор Горовой продолжил преподавать в университете, который теперь назывался Крымским федеральным университетом имени Вернадского, и в 2015 году был награждён медалью «За возвращение Крыма».

Часть 10. Разговор Андрея и Анны

Севастополь, 20 марта 2014 года. Вечер.

Андрей сидел в своей мастерской, но не работал. Бочка, которую он чинил уже третью неделю, стояла у стены - законченная, покрытая свежим лаком, стянутая новыми обручами. Можно было отдавать заказчику, но он медлил. Эта бочка стала для него чем-то большим, чем

просто работой. Она была символом. Доказательством того, что даже разошедшаяся, разбитое, потерявшее форму можно собрать заново. Если знать как. Если не жалеть рук.

Дверь скрипнула. Вошла Анна.

- Я так и думала, что ты здесь, она присела на старый табурет, поплотнее запахнула плащ. В мастерской было холодно - Андрей не включал обогреватель, экономил электричество. - Чего домой не идёшь?

- Думаю, ответил он.

- О чём?

- Обо всём. О референдуме. О детях. О том, что теперь будет.

Анна кивнула. Она понимала его без слов - за тридцать лет они научились этому искусству.

- Знаешь, что мне сегодня сказала Лариса Петровна? - спросила она, она сказала: «Анна Игоревна, мы теперь, как новорождённые. У нас новая страна, новые законы, новые паспорта. Всё новое. А мы - старые., как мы будем в этом новом жить?»

и что ты ответила?

- Я сказала: «Так же, как жили. Приспособимся. Мы же женщины - мы ко всему приспосабливаемся».

Андрей усмехнулся.

- Женщины - да. А мужчины?

- А мужчины, Анна посмотрела на него с лёгкой улыбкой, мужчины идут в мастерскую и думают. Это у них называется «решать проблемы».

- Не всегда помогает, признался Андрей. - Я вот думаю-думаю, а ответа нет. Что будет с Донбассом? Что будет с Катей? Как нам с ней теперь - через границу?

- Границы это для политиков, повторила Анна его же слова. - А для семей - мосты. Ты сам так сказал.

- Сказал. Только мост пока не построен.

- Построят. Ты же строитель. Ты же бондарь. Ты всю жизнь собираешь то, что рассыпалось.

Андрей посмотрел на готовую бочку. Провёл ладонью по гладкому дереву.

- Эту бочку я собирал месяц. А страну... страну, наверное, всю жизнь собирать придётся.

- Значит, будем собирать, Анна встала, подошла к нему, положила руки на плечи. - Вместе., как всегда.

Он накрыл её ладони своими.

- Ты не жалеешь? - спросил он тихо, что проголосовала?

- Нет, она покачала головой. - Я сделала выбор. Может быть, самый трудный в жизни, но я его сделала и назад не оглядываюсь.

- А Катя?

- Катя... - Анна вздохнула. - Катя это отдельный разговор. Она моя дочь. Я её люблю и буду любить, даже если она никогда меня не поймёт.

- Поймёт, твёрдо сказал Андрей. - Рано или поздно - поймёт.

Они замолчали. В мастерской было тихо. Только ветер посвистывал в щелях, да где-то далеко, на рейде, перекликались корабли.

- Пойдём домой, сказала Анна. - Я борщ сварила.

- С фасолью?

- С фасолью., как ты любишь.

Андрей встал, накинул бушлат. Погасил лампу. У двери оглянулся - бочка стояла у стены, пахла лаком и деревом. Хорошая бочка. Правильная.

- Ничего, сказал он то ли бочке, то ли себе, то ли всей стране за окном. - Прорвёмся.

И они пошли домой - двое немолодых людей, прошедших через холодную войну, развал страны, безденежье, унижение. Они сделали свой выбор и теперь учились жить с этим выбором.

Часть 11. Первый обстрел

Донецк, 21 марта 2014 года. Ночь.

Алексей дежурил на дальнем блокпосту - старом, наспех сооружённом из мешков с песком и бетонных блоков, которые притащили откуда-то с разобранного недостроя. Вокруг простиралась тёмная, бескрайняя донецкая степь, и только редкие огни далёких многоэтажек напоминали, что город рядом. В небе висела луна - большая, мутная, в дымке облаков, и её свет заливал пустырь мертвенным серебром, превращая привычный пейзаж в декорацию к фильму ужасов. Было тихо. Слишком тихо для города, который готовится к войне. Так тихо, что слышно было, как потрескивает фитиль в керосиновой лампе у входа в блиндаж.

Рядом, завернувшись в старую шинель, дремал Витька. Его правая рука всё ещё была на перевязи, но он настоял на дежурстве - сказал, что не будет отлёживаться, пока другие мёрзнут на постах. На соседнем посту, метрах в тридцати, кто-то тихо играл на губной гармошке - «Степь да степь кругом», протяжно, тоскливо, с теми особыми интонациями, которые бывают только у людей, выросших на этой земле. Мелодия плыла над пустырём, мешалась с ветром, и казалось, что сама степь поёт свою извечную песню.

Алексей вслушивался в неё и думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё месяц назад он спускался в забой, добывал уголь, а вечером шёл домой - ужинать, смотреть телевизор, планировать отпуск. Думал, куда поехать летом: может, в Крым, к родителям, а может, на Азовское море - дикарём, с палаткой, как в студенческие годы. Теперь он сидит с автоматом в руках и ждёт, когда из темноты появятся люди, которые хотят его убить и самое страшное - он уже почти привык к этой мысли. Она перестала быть шокирующей. Она стала бытовой, как дождь или, как очередь за хлебом. Война это просто другая форма быта, понял он. Страшная, кровавая, но - быта.

- Витька, не спи, замёрзнешь, сказал он негромко.

- Я не сплю, отозвался тот, не открывая глаз. - Я думаю.

- О чём?

- О крымском референдуме., как там твои родители? Проголосовали небось?

- Проголосовали, Алексей кивнул, хотя Витька не мог этого видеть. - Отец сказал, всё прошло спокойно. Праздник был. Люди плакали от счастья.

- От счастья, повторил Витька задумчиво. - Странно это. Я вот тоже за Россию, но когда думаю, что у нас тут будет... не до счастья как-то. Страшно.

- Всем страшно, сказал Алексей, но отступать некуда.

Где-то далеко, на восточной окраине города, послышался низкий, утробный гул. Такой звук ни с чем не спутаешь - низкий, раскатистый, он словно шёл из-под земли, нарастая с каждой секундой. Алексей напрягся. Этот звук он уже научился распознавать - так гудит тяжёлый артиллерийский снаряд, когда летит к цели. Не «Град» - те свистят по-другому, с подвыванием. Это что-то более серьёзное. Гаубица, может быть.

- Слышишь? - он толкнул товарища.

- А? Что? - Витька вскочил, сбрасывая шинель, протирая глаза, что такое?

И тут грянуло.

Земля вздрогнула - не метафорически, а буквально, как живое существо. Где-то в районе Путиловского моста поднялся столб огня и дыма - чёрный, маслянистый, подсвеченный снизу оранжевым, неестественно ярким. Через секунду донёсся звук взрыва - глухой, тяжёлый, такой силы, что закладывало уши, и этот звук словно проходил сквозь тело, заставляя вибрировать каждую клетку. Потом ещё один взрыв и ещё и ещё. Четыре, пять, шесть - Алексей сбился со счёта.

- Началось, прошептал Витька, хватаясь здоровой рукой за автомат. - Бондарь, началось! По-настоящему!

- Вижу, Алексей уже стоял, вглядываясь в темноту. Это по жилым кварталам бьют. Сво- лочи. По жилым!

Гармошка на соседнем посту замолкла - резко, на полуслове. Вместо неё теперь слышны были только крики, топот ног, лязг оружия. Блокпост ожил, как растревоженный муравейник. Ополченцы занимали позиции, проверяли оружие, перекрикивались. Кто-то матерился. Кто-то молился. Кто-то просто молчал, глядя на зарево над городом.

- Не суетиться! - раздался голос Деда. Он появился откуда-то из темноты - спокойный, собранный, словно не было ни взрывов, ни паники. Это пока не штурм. Это артподготовка. Пробуют на прочность, гады. Будут бить, пока не надоест. Потом, может, пехота пойдёт. А может, и не пойдёт. У них тактика такая: сначала перепахать всё снарядами, а потом уже смотреть, что осталось.

- Откуда бьют? - спросил Алексей, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

- Со стороны Песков. Там у них батарея стоит, мы разведали. Наши уже ответку готовят. Сейчас заговорят.

И действительно - через несколько минут со стороны Донецка ответила своя артиллерия. Тяжёлые орудия ухали размеренно, методично, посылая снаряды в ночное небо. Война входила в свой ритм - страшный, но уже почти привычный.

Обстрел продолжался около часа. Снаряды ложились то ближе, то дальше - видимо, наводчики корректировали огонь. Один раз рвануло совсем рядом, метрах в трёхстах, и Алексея осыпало комьями земли. Он инстинктивно пригнулся, закрыл голову руками, а когда поднял глаза - увидел, что Витька сидит на корточках, обхватив голову, и что-то шепчет.

- Ты что? - крикнул Алексей.

- Молитву, ответил тот, не поднимая глаз. - «Отче наш». Я её с детства не читал, а сейчас вспомнил. Сама вспомнилась.

- Читай, Алексей хлопнул его по плечу. - Может, поможет.

Потом вдруг стихло. Так же внезапно, как и началось. Наступила тишина - звенящая, почти неестественная после грохота. Алексей сидел, привалившись к бетонному блоку, и смотрел на зарево над городом. Там, в районе Путиловки, что-то горело - ярко, сильно, разбрасыва- вая искры в ночное небо. Наверное, попали в склад. Или в жилой дом. Оттуда доносился вой сирен «скорой помощи», крики, рёв моторов.

- Витька, позвал он. - Ты как, цел?

- Цел, отозвался тот, но голос дрожал. - Только страшно. Очень страшно, Бондарь. Я думал, я готов. А оказалось - нет.

- Все так думают, сказал Алексей. - Никто не готов. К такому нельзя быть готовым, но ты держись. Первый обстрел - самый трудный. Дед говорит, потом привыкаешь.

- А я не хочу привыкать, Витька вдруг всхлипнул - не по-мужски, по-детски. - Я не хочу, чтобы это было нормально. Чтобы можно было спать под обстрелом. Чтобы не вздрагивать от взрывов. Чтобы не плакать, когда видишь убитых. Это же неправильно, Бондарь. Это всё неправильно.

- Неправильно, согласился Алексей, но это наша жизнь теперь и мы её не выбирали. Она нас выбрала. Понимаешь? Не мы начали эту войну, но нам её заканчивать. Или она нас или мы её.

Витька ничего не ответил. Он сидел, обхватив колени, и смотрел на горящий город. Лицо у него было мокрое от слёз, но он не стеснялся их. На войне слёзы - не стыдно. Стыдно - предать.

Алексей достал из кармана сложенный вчетверо листок - то самое письмо родителям, которое он написал ещё в феврале, но так и не отправил. Развернул, перечитал. «Мама, папа,

я жив. Это главное...» Он усмехнулся. Тогда ему казалось, что он пишет это для них. Теперь он понял: он писал это для себя. Чтобы помнить, ради чего.

Он достал ручку и внизу, под старыми строчками, приписал: «21 марта. Первый обстрел Донецка. Били по жилым кварталам. Есть жертвы. Я цел. Не волнуйтесь».

Сложил письмо, убрал обратно.

Где-то в темноте снова послышалась губная гармошка - теперь уже другая мелодия, тихая, почти неслышная. «Выходила на берег Катюша». Алексей прислушался и вдруг понял: тот, кто играл, тоже делал это для себя. Чтобы не сойти с ума. Чтобы помнить, что есть другая жизнь. Без войны. Без смерти. Без страха.

И эта мелодия была, как обещание., как молитва., как надежда.

Ночь продолжалась и никто уже не спал.

Часть 12. Семейный ужин

Донецк, 25 марта 2014 года. Вечер.

Андрей и Анна приехали в Донецк на стареньком «жигуленке», который Андрей выменял у соседа ещё осенью, как чувствовал, что пригодится. Дорога была долгой и нервной. Выехали затемно, в пятом часу утра, и весь день пробирались через блокпосты, проверки документов, очереди на границе. Формально границы ещё не было, но она уже чувствовалась - в колючей проволоке, наспех натянутой вдоль трассы, в людях с автоматами, которые проверяли каждый автомобиль, в напряжённых, испуганных лицах водителей. Восемь часов тряски по разбитому асфальту, мимо полей, ещё голых и чёрных после зимы, мимо сёл с заколоченными ставнями, мимо военных колонн, которые то обгоняли их, то шли навстречу.

Анна всю дорогу молчала. Она сидела, прижав к груди сумку с гостинцами - домашним хлебом, салом, банкой огурцов, бутылкой кагора, и смотрела в окно. Андрей тоже молчал. Он знал: когда Анна так молчит, её лучше не трогать. Она переваривает. Она справляется. За тридцать лет он научился это чувствовать.

Алексей встретил их у въезда в город, на том самом блокпосту, где дежурил третьи сутки. Он стоял на обочине - в камуфляже, с автоматом за спиной, осунувшийся, с тёмными кругами под глазами, каких раньше не было. Анна, увидев сына, выскочила из машины, не дожидаясь полной остановки, и бросилась к нему, не обращая внимания ни на грязь под ногами, ни на удивлённые взгляды ополченцев.

- Алёша! Алёшенька! Сынок!

- Мама, тихо, тихо, он обнял её, прижал к себе, и на секунду его лицо, обычно такое сдержанное, по-мужски замкнутое, дрогнуло. - Ну всё, всё. Живой я. Всё хорошо.

- Дай хоть посмотрю на тебя, Анна отстранилась, ощупала его плечи, грудь, руки - тот машинальный материнский жест, которым женщины испокон веков проверяют, цел ли ребёнок. - Похудел. Осунулся. Ты ешь вообще?

- Ем, мам. Когда успеваю.

Андрей подошёл, и они с сыном обменялись рукопожатием - крепким, мужским, без лишних слов, но в глазах Андрея стояли слёзы. Он не стеснялся их - здесь, перед сыном, можно.

- Здорово, сынок.

- Здорово, батя.

Больше они ничего не сказали. Да и что тут скажешь?

Они поехали в квартиру Алексея - маленькую «двушку» на окраине, которую он получил от шахты пять лет назад. Квартира была холостяцкая, запущенная: невымытая посуда в раковине, пыль на подоконниках, сиротливо висящая на спинке стула португепя. Анна, едва войдя, принялась наводить порядок - по привычке, по материнскому инстинкту, который не отключается ни на минуту. Алексей пытался протестовать, но она только отмахнулась: «Сиди. Ты устал. Я сама».

Через час квартира преобразилась. На плите варилась картошка, на столе появилась ска-терть, которую Анна предусмотрительно захватила из дома. Андрей с Алексеем сидели на кухне при свете лампы - электричество в этом районе давали с перебоями.

- Ну, рассказывай, сказал Андрей, сворачивая самокрутку.

- Что рассказывать? - Алексей пожал плечами. - Сами всё знаете. Воюем. Пока держимся, но будет хуже. Украинская армия подтягивает силы. У них и авиация, и тяжёлая артиллерия, и танки. У нас - только стрелковое оружие и миномёты, которые мы сами в подвалах собираем, но люди держатся. Шахтёры - народ крепкий. Под землёй вообще многое понимаешь.

- Например?

- Например, что темнота это не страшно. Страшно - когда не знаешь, есть ли выход.

Андрей кивнул. Он понимал. Сам был таким же - тридцать лет назад, когда служил на флоте и верил, что защищает Родину.

- Ты надолго здесь?

- Пока не знаю. Пока Донбасс не решит свою судьбу. Будет референдум - проголосуем.

А пока - воевать.

Анна, накрывавшая на стол, замерла с тарелкой в руках.

- Алёша, а ты не думал... не думал уехать? Ну, хотя бы на время? Пока всё утихнет?

- Куда, мам? В Крым? К вам? А если завтра сюда войдут - кто их встретит? Бабушки с цветами? Нет уж. Если я уеду - кто здесь останется?

- Такие же, как ты, тихо сказала Анна. - Молодые мальчики. Которым ещё жить и жить.

- Вот именно, Алексей взял её за руку. - Поэтому я и не уеду. Понимаешь? Не могу.

Анна вздохнула. Она понимала. Хотя ей, матери, это понимание давалось с кровью.

Она накрыла на стол из того, что привезли с собой, и из того, что нашлось в холостяцком холодильнике. Получилось почти по-домашнему: варёная картошка с укропом, домашний хлеб, сало, нарезанное толстыми ломтями, огурцы, яйца, бутылка кагора. Они сели ужинать.

Первый тост поднял Андрей.

- За встречу. За то, что мы вместе. Хотя бы втроём.

Выпили молча. Закусили. Потом Анна сказала:

- Помните, как мы ездили в Ялту? Алёше тогда лет десять было, Кате - семь. Мы сняли комнату у моря, и весь отпуск шёл дождь, но мы всё равно были счастливы.

- Помню, Алексей улыбнулся. - Катя тогда всё время ныла, что холодно. А я ловил крабов на пирсе.

- А папа читал вам по вечерам «Остров сокровищ», добавила Анна.

и мама пекла блины на общей кухне, подхватил Андрей. - А хозяйка ворчала, что мы занимаем плиту.

Они засмеялись. На минуту стало легко, как в прежние времена, но эта минута прошла быстро.

- , как Катя? - спросил Алексей. - Вы с ней говорили?

Анна покачала головой.

- Пыталась. Она трубку не берёт. Только сообщения иногда присылает. Короткие. «Я жива. Всё нормально. Не волнуйтесь».

это уже много, сказал Алексей. - Значит, думает о вас. Значит, любит.

- Я ей письмо написал, добавил он после паузы. - Ещё в феврале. Не отправил - связи нет, но храню. Если что - передайте.

- Какое письмо?

- Обычное, он пожал плечами, что я её люблю. Что она моя сестра. Что я её жду. Что мы - семья и что никакая политика этого не изменит.

Анна всхлипнула, прижала салфетку к глазам. Андрей сидел молча, глядя в стол. У него в горле стоял ком, но он не позволял себе плакать. Не здесь. Не сейчас.

- Ты мой хороший, прошептала Анна, обнимая сына. - Ты мой мальчик., как я хочу, чтобы всё это кончилось.

- Кончится, сказал Андрей, поднимая второй тост. - Всё когда-нибудь кончается. А семья - остаётся.

Они просидели до полуночи. Говорили о прошлом - старательно обходя настоящее. Вспоминали смешные истории: как Алёша в детстве разбил банку с вареньем и пытался склеить её обратно; как Катя потерялась на пляже и нашлась в очереди за мороженым; как Андрей учил сына плавать, а тот боялся воды и цеплялся за отца мёртвой хваткой. Они смеялись, и этот смех был хрупким, как стекло, но он был настоящим.

А утром они уехали. На прощание Алексей обнял мать - долго, крепко, словно пытаюсь передать ей все слова, которые не успел сказать. Пожал руку отцу.

- Берегите себя, сказал он и Катю берегите. Она ещё вернётся. Я знаю.

- Ты тоже береги себя, Анна перекрестила его - широким, истовым крестом, как крестила когда-то в детстве перед школой. - Пожалуйста. Я тебя умоляю.

- Хорошо, мам. Обещаю.

Машина скрылась за поворотом. Алексей постоял, глядя ей вслед, пока «жигулёнок» не превратился в точку на серой ленте шоссе. Потом вытер глаза рукавом, поправил автомат за спиной и пошёл обратно на блокпост.

Война продолжалась.

Но где-то в нагрудном кармане у него лежало письмо к сестре и где-то в Киеве Катя, сама того не зная, ждала этого письма. Потому что мосты между берегами не горят. Они просто иногда скрываются в тумане, но они есть. Всегда.

Часть 13. Возвращение домой

Поздний вечер 25 марта 2014 года. Дорога Донецк - Севастополь.

«Жигулёнок» катил по ночной трассе, рассекая фарами густой мартовский туман. Андрей сидел за рулём, Анна - рядом, закутавшись в старый плед, который она захватила из дома. В зеркале заднего вида ещё можно было различить далёкое зарево над Донецком - там продолжалась артиллерийская дуэль, вспышки орудийных залпов на мгновение озаряли горизонт, и земля глухо вздрагивала даже здесь, в десятках километров от города, но сама трасса была пустынна. Только ветер свистел в щелях старого кузова да шуршали шины по мокрому асфальту.

Анна молчала. Она смотрела на тёмную степь за окном - бескрайнюю, уходящую во тьму, едва различимую в слабом свете луны и думала о сыне. О том, как он осунулся за эти недели., как повзрослел - не на годы, а словно на целую жизнь., как спокойно говорил о войне - слишком спокойно для человека, который ещё месяц назад был гражданским шахтёром, думал об отпуске и планах на лето. О том, что он перекрестил её на прощание - он, Алёша, который с детства не любил ходить в церковь, отмахивался от бабушкиных икон, смеялся над «поповскими сказками».

«Берегите себя и Катю берегите. Она ещё вернётся».

Эти слова звучали у неё в голове, как молитва., как заклинание., как обещание, которое нельзя нарушить.

- Ты как? - спросил Андрей, не отрывая глаз от дороги. Он вглядывался в туман, и руки его спокойно лежали на руле - привычка, выработанная десятилетиями службы. На флоте учат не дёргаться.

- Не знаю, честно ответила Анна. - С одной стороны - увидела сына. Живого. Обняла. Посидела с ним за одним столом. Это счастье. Огромное. Такое, что сердце разрывается. А с другой... он на войне, Андрей. На настоящей войне. С автоматом. В окопе. Под обстрелами и я ничего не могу сделать. Только молиться. Я даже не знаю, увижу ли его снова.

- Увидишь, твёрдо сказал Андрей. - Обязательно увидишь.

- Откуда ты знаешь?

- Знаю. Материнская молитва, она сильная. Со дна моря достаёт. Я это по себе знаю. Моя мать за меня молилась, когда я на глубину уходил. Каждый раз, каждый поход. Я потом узнал: она в церковь ходила, свечи ставила. Хотя сама была неверующая. Говорила: «На всякий случай. Вдруг поможет» и ведь помогало. Тридцать лет под водой и ни одной серьёзной аварии.

- Ты в Бога веришь? - спросила Анна.

Андрей помолчал. Потом сказал:

- Не знаю. В церковь не хожу, постов не соблюдаю, молитв не знаю, но когда стоишь на мостике подводной лодки на глубине в триста метров, а над тобой толща воды, и ты понимаешь, что в любой момент всё может кончиться... там поневоле начинаешь верить. Не в Бога, может быть. А в то, что есть что-то большее. Что-то, что держит этот мир. Что-то, что не даёт ему рассыпаться и материнская молитва это часть этого чего-то.

- Я буду молиться, тихо сказала Анна. - Каждый день. За Алёшу. За Катю. За тебя. За всех.

Навстречу проехала колонна грузовиков с российскими номерами. Андрей прижался к обочине, пропуская их. Солдаты в кузове, завидев гражданскую машину, приветственно махнули руками - кто-то даже улыбнулся. «Свои, подумал Андрей. - Уже свои. Уже не чужие. Уже Россия».

Он вспомнил, как четверть века назад, в девяносто первом, такие же колонны уходили из Севастополя - только в обратную сторону. Тогда это называлось «разделом флота». Он стоял на причале и смотрел, как уходят корабли, и чувствовал себя так, словно у него отрывают часть тела. Часть души. А теперь - возвращаются. Медленно, но, верно., как кровь возвращается в онемевшую руку. Покалывает. Больно, но это боль выздоровления.

- Знаешь, о чём я сейчас думаю? - Анна повернулась к мужу. - О деду Захаре. О твоём деду. Помнишь, ты рассказывал, как он говорил про бочку и державу? «Одна клёпка выпадет - всё развалится. Обруч перетянешь - дерево треснет. Собирать надо с умом, не торопясь».

- Помню, кивнул Андрей. - Он это часто повторял. Особенно когда выпьет.

- А я думаю: наша семья, как та бочка. Была целая, крепкая. Дети, родители - все вместе. А теперь одна клёпка в Киеве, другая в Донецке. Третья вообще неизвестно где, но главное - обручи держат. Обручи это мы с тобой. Если мы выстоим и бочка выстоит. Соберётся заново.

- Соберётся, согласился Андрей. - Я же бондарь. Я знаю, как это делается. Медленно. По одной клёпке. По одному обручу, но если делать с душой - будет крепче прежнего.

Он помолчал и добавил:

- Знаешь, что говорил дед Захар про бочки? Он говорил: «Хорошая бочка, она, как семья. Если рассохлась - не выбрасывают. Чинят. Потому что в старой бочке вино вкуснее».

Анна улыбнулась - впервые за много часов.

- Красиво. Только вина у нас нет. Одна картошка.

- Будет и вино. Дай срок.

Впереди, за холмами, занимался рассвет. Первые лучи солнца - ещё робкие, бледно-розовые - окрасили небо, и степь вдруг ожила. Проступили очертания далёких курганов, одиноких деревьев, линии электропередач. Мир обретал краски.

Они миновали последний блокпост - здесь уже стояли российские военные в полной форме, с шевронами и знаками различия. Проверка документов заняла минуту. Молодой лейтенант, взглянув на паспорта, козырнул:

- Проезжайте. Счастливого пути.

- Свои, снова подумал Андрей и сердце забило чаще.

Через час показались очертания Севастополя. Сначала - белые домики Корабельной стороны, рассыпанные по склонам холмов. Потом - бухта, синяя-синяя в утреннем свете. Потом

- корабли на рейде, чёрные громады с российскими флагами на корме и над всем этим - небо, огромное, высокое, какого не бывает больше нигде.

Город просыпался. Где-то звонили колокола к утренней службе. Где-то кричали чайки - пронзительно, требовательно, как кричат только в портовых городах. Где-то дворники уже мели тротуары, и мётлы шуршали по асфальту - мирный, домашний звук.

Андрей припарковался у дома. Вышел, размял затёкшие плечи. Посмотрел на море - спокойное, бескрайнее, подёрнутое лёгкой утренней дымкой. Вдохнул полной грудью. Пахло водорослями, солью, весной. Пахло домом.

- Приехали, сказал он. - Дома.

Анна вышла из машины. Ноги затекли, спина болела, глаза слипались от усталости, но она тоже вдохнула этот воздух и почувствовала, как отпускает напряжение последних дней. Она закрыла глаза и на мгновение представила, что всё хорошо. Что нет никакой войны. Что Алёша сейчас дома, а не в окопе под Донецком. Что Катя не в Киеве, а здесь, рядом, и они все вместе сидят на кухне и пьют чай с мятой.

Но реальность была другой. Алёша остался там, где рвутся снаряды. Катя - там, где её учат ненавидеть. А она здесь, в городе, который только что стал частью России и с этой реальностью нужно было жить.

Она открыла глаза и посмотрела на море. Оно было спокойным. Почти безмятежным., как будто ничего не случилось., как будто мир не раскололся надвое.

- Знаешь, сказала она, когда я смотрю на море, мне кажется, что всё будет хорошо. Глупо, да?

- Не глупо, Андрей взял её за руку. - Море - оно вечное. Оно было здесь до нас и будет после. Все наши войны, революции, референдумы - для него это просто рябь на поверхности. А глубина остаётся и в этой глубине - покой.

- Ты становишься философом, Анна слабо улыбнулась.

это возраст, усмехнулся Андрей. - В молодости мы воюем. В старости - думаем. А в промежутке - работаем. Пойдём. Чайник поставим.

Они поднялись по лестнице на второй этаж. Андрей открыл дверь - старую, разохшуюся, которую давно пора было менять. В квартире было тихо и холодно, но это был их дом. Их крепость. Их маленький островок стабильности в мире, который сошёл с ума.

Анна прошла на кухню. Включила свет, поставила чайник. Всё было на своих местах: чашки на полке, дневник на столе, фотография детей на холодильнике - Алёша и Катя, ещё подростки, смеются в объектив. Она задержала взгляд на этой фотографии. Провела по ней пальцем, стирая пыль.

- Ничего, прошептала она. - Мы дождёмся. Мы соберёмся. Мы же Бондаренко.

Андрей сел у окна, глядя на бухту. Солнце уже поднялось над холмами, и вода в бухте блестела, как расплавленное серебро. Корабли стояли ровно, гордо, словно всегда здесь были.

- Знаешь, сказал он вдруг, а ведь мы вернулись. Не просто из Донецка - вообще. Мы вернулись домой. В Россию. Помнишь, как мы этого ждали?

- Помню, Анна села рядом. - Двадцать три года.

- Двадцать три года, повторил он. - Целая жизнь. Дети выросли. Внук родился. Волосы поседели. А мы всё равно дождались.

Чайник закипел, засвистел. Анна разлила чай по чашкам. Они сидели вдвоём у окна, смотрели, как над бухтой поднимается солнце, и молчали. О чём тут говорить? Всё уже сказано. Все слова остались там - в Донецке, на блокпосту, за семейным столом.

Они дождались. Крым вернулся в Россию. Сын воюет за Донбасс. Дочь в Киеве, но она по-прежнему их дочь, и они по-прежнему её любят. Семья, как бочка, которую нужно собирать заново, клёпка за клёпкой, обруч за обручем.

И Андрей Бондаренко, бондарь в третьем поколении, знал, как это делается.

За окном, над Севастопольской бухтой, кричали чайки и в их крике слышалось обещание.

Глава 4. Позывные

Часть 1. Выбор позывного

Донецк, 28 марта 2014 года. Штаб ополчения, разместившийся в подвале бывшего Дома культуры имени Ленина. Пахло сыростью, машинным маслом и дешёвым табаком. Вдоль стен громоздились ящики с боеприпасами, на самодельных стеллажах лежали каски, бронежилеты, рации. Посередине комнаты стоял большой стол, за которым сидели несколько человек - командиры отрядов.

Алексей стоял перед ними, вытянувшись по стойке «смирно», хотя никто не требовал от него уставной дисциплины. Просто привычка - когда на тебя смотрят оценивающе, спина сама выпрямляется.

- Значит так, Бондаренко, говорил Дед. - Мы тут посоветовались и решили: пойдёшь в разведку. У тебя нервы крепкие, голова работает. В забое небось научился быстро соображать - когда сверху капает, а снизу давит.

- Научился, кивнул Алексей.

- Вот и ладно. Оружие получишь в арсенале, обмундирование - на складе, но сначала - позывной. Без позывного на войне нельзя. Это твоё новое имя. Твоя судьба. Понял?

- Понял.

- Думай. Только недолго.

Алексей задумался. Позывной это не просто кличка. Это то, что будет звучать в эфире, когда тебя вызовут на помощь. То, что напишут на стене, если ты погибнешь. То, что запомнят товарищи. Он вспомнил отца, деда, прадеда - все они были бондарями. Все собирали бочки. Все скрепляли разошедшееся дерево обручами. «Скреплять», подумал он. «Бондарь».

- «Бондарь», сказал он вслух.

- Чего? - Дед поднял бровь.

- Позывной. «Бондарь». Фамилия у меня такая - Бондаренко. Ну, бондарь это который бочки делает. Скрепляет, собирает. По-моему, самое то для войны. Мы тут все, как разошедшаяся бочка. Собираем заново то, что развалили.

В комнате наступила тишина. Дед смотрел на Алексея долгим взглядом, и непонятно было - то ли он сейчас рассмеётся, то ли отругает.

- «Бондарь», повторил он наконец. - А что, мне нравится. По делу. Война это не только стрельба, Бондаренко. Война это ещё и собрание. Людей, земель, смыслов. Кто это понимает - тот воюет правильно. Утверждаю.

- Вот и славно, Алексей выдохнул. - Теперь оружие?

- Теперь оружие. Пошли.

Через час Алексей вышел из подвала уже другим человеком. В руках - новенький автомат Калашникова. На плечах - разгрузка с магазинами. На голове - кепка-афганка и позывной - «Бондарь».

Он шёл по коридору, и встречные ополченцы уже обращались к нему по-новому:

- Эй, Бондарь, дай закурить!

- Бондарь, тебя Дед искал!

И он отзывался. Потому что «Бондарь» это теперь он. Не просто Алексей, шахтёр, сын своих родителей. А Бондарь - тот, кто скрепляет. Тот, кто собирает. Тот, кто воюет.

Вечером он позвонил отцу.

- Батя, привет. Ты как?

- Нормально. А ты?

- У меня теперь позывной. «Бондарь».

В трубке помолчали. Потом Андрей сказал:

- Хороший позывной. Правильный. Я б тебе другого и не посоветовал.
- Я знаю. Ты там маме скажи, что я живой и что я её люблю.
- Скажу. Ты только береги себя. Бондарь.
- Постараюсь.

Алексей убрал телефон в карман. Посмотрел на свои руки. Руки шахтёра, привыкшие к кайлу и лопате. Теперь они будут держать автомат, но суть останется прежней. Он по-прежнему будет скреплять. Только теперь - не дерево, а людей. Не бочки, а страну.

Где-то далеко, на восточной окраине, снова ухнула артиллерия. Война продолжалась и у неё теперь было новое имя - Бондарь.

Часть 2. Славянск

Донецкая область, начало апреля 2014 года. Весна вступала в свои права - наглая, буйная, не спрашивающая разрешения. На деревьях вдоль дороги набухали почки, на обочинах желтели первые одуванчики, воздух был влажным и тёплым, напоённым запахами пробуждающейся земли, но всю эту идиллию перебивал запах гари - едкий, удушливый, он проникал в лёгкие и оседал там горьким осадком. Где-то горели крыши на блокпостах, где-то тлели развалины после артобстрела, где-то дымился подбитый БТР, который уже третьи сутки стоял на обочине, как мёртвый зверь. Война и весна шли рука об руку, и это сочетание казалось Алексею чудовищно неестественным, как детский смех на похоронах.

Колонна ополченцев двигалась на север, к Славянску. Три видавших виды грузовика «Урал», два джипа с крупнокалиберными пулемётами в кузовах и старенький автобус «ПАЗ» с покрашенными белой краской окнами, чтобы снайпер не разглядел, кто внутри. В автобусе ехал Алексей - теперь уже Бондарь и ещё двадцать человек его отряда. Молодые, горячие, ещё не обстрелянные по-настоящему. Кто-то дремал, привалившись к плечу соседа. Кто-то нервно курил, пуская дым в щель приоткрытого окна. Кто-то проверял оружие - разбирали и собирали автомат, снова разбирали и собирали, бесконечно, как будто это могло успокоить.

Витька сидел рядом с Алексеем, держа автомат между колен, и нервно покусывал губу - детская привычка, которая осталась с ним, несмотря на всё, что он уже пережил. Правая рука у него уже зажила, швы сняли, и он снова мог держать оружие, чему несказанно радовался.

- Волнуешься? - спросил Алексей, перекрикивая гул двигателя.

- Есть немного, признался Витька. - Говорят, под Славянском серьёзные бои идут. Украинская армия наступает. Танки, «Грады», авиация. А у нас - стрелковое оружие да пара миномётов.

- Говорят, кивнул Алексей. - А ты не слушай, что говорят. Слушай, что Дед командует. Он плохого не посоветует. Он в Афгане был. Он знает, что такое настоящая война.

- А ты сам-то не боишься?

- Боюсь, честно ответил Алексей. - Все боятся. Только одни от страха цепенеют, а другие - действуют. Я предпочитаю действовать.

Дед ехал в головной машине, и оттуда время от времени доносились обрывки радиопереговоров - шипение эфира, искажённые помехами голоса, короткие команды. По тону было ясно: обстановка напряжённая. Украинские войска действительно подтягивали силы, пытаются замкнуть кольцо вокруг Славянска - города, который за последние недели стал символом сопротивления Донбасса, его знаменем, его сердцем.

Автобус трясло на ухабах - дороги здесь не ремонтировали, наверное, с советских времён. За окнами проплывали поля, ещё голые, чёрные, ждущие пахоты. Перелески, где в оврагах ещё лежал серый ноздреватый снег. Брошенные деревни - дома с заколоченными ставнями, пустые дворы, сиротливо качающиеся на ветру качели. В одной из таких деревень, проезжая мимо покосившегося забора, Алексей увидел старуху в тёмном платке. Она стояла у калитки и, увидев колонну, начала крестить её - медленно, истово, широким крестом. Он не знал, за

кого она молится - за них или за тех, кто пойдёт следом. Может быть, за всех сразу - за живых и мёртвых, за своих и чужих, но этот жест врезался в память, как фотография.

- Смотри, Витька толкнул его локтем. - Дым.

На горизонте, над лесистыми холмами к северу, поднимался столб чёрного дыма - густого, маслянистого, подсвеченного снизу оранжевым. Он разрастался, расползался по небу, как чернильное пятно. Там был Славянск. Город горел.

Колонна остановилась на блокпосту у южного въезда в город. Их встретили местные ополченцы - усталые, запыхлённые, с красными от недосыпа глазами. Укрепления здесь были сделаны на совесть: мешки с песком в три ряда, бетонные блоки, пулемётные гнёзда. Командир блокпоста, немолодой мужчина с седой щетиной и позывным «Кубань» - видимо, родом из тех краёв, коротко обрисовал обстановку. Говорил он спокойно, даже буднично, и от этого спокойствия становилось не по себе.

- Значит, так, мужики. Украинские части заняли высоты к северу от города - Карачун и Комбикормовый завод. Оттуда они корректируют огонь. Снайперы работают, артиллерия бьёт по жилым кварталам. Сегодня троих наших похоронили. Двое - местные ополченцы, один - доброволец из России. Из Ростова. Двадцать два года. Мать у него одна осталась.

- Соболезную, сказал Дед, и в его голосе не было формальности.

это война, пожал плечами Кубань. - Привыкайте. Завтра можете быть на их месте. Или они на вашем. Тут уж, как повезёт.

Алексея и его отряд разместили в полуразрушенном здании бывшей школы номер семь - трёхэтажном, с выбитыми окнами и следами пуль на стенах. В спортивном зале, где когда-то играли в волейбол и проводили утренники, теперь стояли железные койки, ящики с боеприпасами и дымила буржуйка. На стене чудом уцелел плакат с таблицей умножения и детский рисунок - солнышко с улыбкой и надпись «Миру - мир!». Алексей долго смотрел на этот рисунок. Потом отвернулся.

- Обживайтесь, сказал Дед. - Завтра с утра - на позиции.

Ночью Алексей не спал. Он сидел на подоконнике второго этажа, накиннув на плечи старую шинель, и смотрел на тёмный город, где то и дело вспыхивали разрывы - далёкие, но от этого не менее страшные. Вспышка, грохот, тишина. Вспышка, грохот, тишина. Этот ритм завораживал и ужасал одновременно.

Он думал о родителях., как они там, в Севастополе? Наверное, сейчас тоже не спят. Мама сидит на кухне с чашкой остывшего чая и смотрит в одну точку. Отец курит на балконе, глядя на бухту. Они думают о нём и о Кате. О своих детях, которых разбросала по разным углам эта проклятая война.

Он думал о Кате. Где она сейчас? Что делает? Может быть, тоже не спит, стоит у окна в своей киевской квартире и смотрит на такой же тёмный город. Может быть, думает о брате. Может быть, уже ненавидит его. А может быть - всё ещё любит.

- Не спится? - рядом возник Витька, закутанный в одеяло, как в плащ.

- Не спится.

- Мне тоже. Всё думаю: а правильно ли мы делаем? Может, надо было не воевать, а договариваться?

- С кем? - Алексей горько усмехнулся. - С теми, кто бьёт «Градами» по жилым кварталам? С теми, кто называет нас «сепарами», «террористами», «ватниками»? С теми, кто отменил закон о языках и сказал, что мы здесь чужие на своей собственной земле? С теми, кто марширует с портретами Бандеры?

- Ну да. С ними.

- Не выйдет, Витька, Алексей покачал головой. - Мы уже пробовали. В девяносто первом, когда Союз развалили, мы поверили в демократию. Договорились до того, что флот распилили, заводы закрыли, шахты позакрывали, зарплату не платили. Договорились до того, что русские

стали людьми второго сорта в собственной стране. До того, что героев Великой Отечественной объявили оккупантами, а бандеровцев - героями. Хватит. Теперь мы будем говорить по-другому.

- Страшно.

- Мне тоже страшно. Всем страшно, но отступать некуда. Позади - Донбасс. Позади - дом. Если мы не остановим их здесь, они пойдут дальше. На Харьков, на Одессу, на Крым. Ты этого хочешь?

- Нет.

- Тогда бери автомат и воюй.

Утром их подняли за час до рассвета. Холодный апрельский сумрак встретил их грохотом артиллерии. Где-то совсем рядом ухнуло - так, что посыпалась штукатурка с потолка и зазвенели выбитые стёкла. Алексей вскочил, схватил автомат, проверил магазин - привычным, уже машинальным движением. Витька стоял рядом, бледный, с побелевшими губами, но решительный.

- Ну что, Бондарь, сказал он, и голос его почти не дрожал. - Началось?

- Началось, ответил Алексей. - Держись меня и голову не высовывай без команды.

- Понял.

- Тогда пошли.

Они побежали к позициям - туда, где уже гремели выстрелы и кричали раненые. Война продолжалась и она только начиналась.

Часть 3. Первая кровь

Славянск, апрель 2014 года. Утро.

Позиции ополченцев располагались на восточной окраине города, в районе старого кирпичного завода - того самого, что когда-то снабжал стройматериалами пол-области, а теперь стоял полуразрушенный, с выбитыми окнами и обвалившимися перекрытиями. Две высокие заводские трубы, черневшие на фоне серого неба, словно два могильныхobeliska. Гора битого кирпича, остовы обгоревших грузовиков, ржавые остовы станков идеальное место для обороны. Или для братской могилы. Тут уж, как повезёт.

Алексей лежал за грудой кирпича, прижимая к плечу автомат. Холод камня проникал сквозь бушлат, заставляя мышцы деревенеть. Он уже полчаса не менял позы, и тело затекло, но он не шевелился - снайпер с той стороны только и ждал, чтобы кто-то высунулся. Рядом, за таким же укрытием, лежал Витька. Чуть дальше - Дед и ещё пятеро ополченцев. Все молчали. Все ждали.

Напротив, метрах в трёхстах, за неглубоким оврагом, поросшим кустарником, угадывались позиции украинской армии. Оттуда время от времени били снайперы - одиночные выстрелы, от которых звенело в ушах и короткими очередями - пулемёты, пристреливающиеся к местности. Профессионально работают, сволочи. Чувствуется выучка.

- Не высовываться, скомандовал Дед, не повышая голоса. Голос у него был спокойный, буднично-спокойный, словно он говорил не о предстоящем бое, а о том, что пора обедать. - Ждём. Они пойдут в атаку, как только артиллерия отработает. Сначала накроют нас «Градами» или гаубицами, потом пойдут.

- А если не пойдут? - спросил кто-то, кажется, молодой парень из Горловки, тот самый, что ещё вчера хвастался фотографией невесты.

- Пойдут, уверенно ответил Дед. им нужен этот завод. С этих труб весь город, как на ладони. Кто контролирует завод - контролирует Славянск.

- А мы?

- А мы не дадим.

Артобстрел начался через полчаса. Сначала послышался далёкий, едва различимый свист - звук, от которого у Алексея каждый раз сжималось сердце, хотя он уже слышал его

не раз. Снаряды ложились густо, один за другим, методично перепыхивая территорию завода. Первый разрыв - где-то у проходной. Второй - ближе, у административного корпуса. Третий - совсем рядом, метрах в пятидесяти, так что Алексея осыпало кирпичной крошкой и землёй. Земля вздрагивала, как живое существо, как раненый зверь. Взрывной волной снесло остатки крыши одного из цехов, и в воздух взметнулось облако рыжей кирпичной пыли - густое, душливное.

Алексей прижимался к земле, стараясь врасти в неё, слиться с ней. Он считал разрывы - старая привычка, которая помогала не сойти с ума. Один. Два. Три. Четыре. На восьмом он сбился. Рядом кто-то кричал. Кажется, тот самый парень из Горловки. Кажется, его зацепило осколком.

- Санитар! - крикнул Дед. - Санитар, сюда!

Но санитар, пожилой мужчина с позывным «Айболит», уже полз к раненому, пригибаясь, волоча за собой санитарную сумку. Пули свистели над головой, выбивая фонтанчики кирпичной пыли.

идут! - крикнул кто-то.

Из-за оврага поднимались цепи. Солдаты в украинской форме, в касках и бронежилетах, двигались короткими перебежками - профессионально, умело. Чувствовалась выучка регулярной армии. За ними, лязгая гусеницами, выползали два БТРа - один целый, второй с хвостом чёрного дыма из моторного отсека, но всё ещё на ходу.

- Огонь! - скомандовал Дед, и его голос перекрыл грохот боя.

Загрохотали автоматы. Заработал пулемёт - старенький ПКМ, который ополченцы ласково называли «Петрович». Первая цепь залегла, прижатая к земле шквальным огнём, но вторая продолжала наступать, обходя завод с правого фланга, где позиции ополченцев были слабее.

Алексей стрелял. Менял магазин - быстро, как учил Дед. Снова стрелял. Пот тек по лицу, заливал глаза, но он не замечал. Он видел, как падают люди и свои, и чужие. Видел, как Витька, выругавшись сквозь зубы, бросился к раненому парню из Горловки и начал перевязывать его прямо под огнём - не думая о себе, не прячась. Видел, как Дед, встав во весь рост, повёл ополченцев в контратаку - отчаянную, почти самоубийственную.

И вдруг - глухой удар. Взрыв гранаты. Крики.

Когда дым рассеялся, Алексей увидел, что один из ополченцев лежит на спине, раскинув руки, и смотрит в небо широко открытыми, но уже невидящими глазами. Это был Степан - немолодой шахтёр из Макеевки, с которым они только вчера сидели у костра. Степан показывал фотографию внучки - девочка в белом банте, с огромным букетом гладиолусов, первый раз в первый класс. «Вот, говорил он, и в голосе его была такая гордость, такая нежность, что у Алексея ком подкатывал к горлу. - Олюшка. Отличница будет. Вся в деда». Теперь Степан лежал на битом кирпиче, и под ним растекалась тёмная лужа, смешиваясь с рыжей кирпичной пылью.

- Степан! - крикнул кто-то. - Степан, вставай! Степан!

Но он не вставал и уже не встанет никогда.

Алексей смотрел на него и чувствовал, как внутри что-то леденеет. Не страх. Не гнев. Что-то другое. Осознание. Вот она - война. Настоящая. Не лозунги, не флаги, не референдумы. А кровь и смерть и девочка с бантом, которая больше никогда не увидит деда.

Бой продолжался ещё около часа. Потом атака захлебнулась. Украинские цепи откатились обратно за овраг, оставив на поле боя несколько тел. БТРы ушли, ревя моторами и выбрасывая клубы чёрного дыма. Ополченцы тоже понесли потери: двое убитых, пятеро раненых, один контуженный - тот самый парень из Горловки, который всё повторял, лёжа на носилках: «Я ничего не слышу. Я ничего не слышу».

Когда всё стихло и наступила та особая, звенящая тишина, какая бывает только после боя, Алексей подошёл к телу Степана. Постоял. Снял шапку. Рядом молча стояли Витька и Дед. Витька был бледный, губы у него дрожали - то ли от холода, то ли от подступающих слёз.

- Хороший был мужик, сказал Дед, закуривая. Руки у него не дрожали - привык. - Шахтёр. Настоящий.

- У него внучка, глухо отозвался Витька. - В первый класс пошла. Он вчера фотографию показывал.

- Я знаю, Дед выпустил дым в серое небо. - У всех кто-то есть. Дети, внуки, жёны, матери. Поэтому и воюем. Чтобы у внучек было будущее. Чтобы они не росли под бандеровскими флагами. Чтобы помнили, кто они.

- А она вырастет и всё равно будет его помнить? - спросил Витька. или ей скажут, что дед был «сепаром» и «террористом»?

Дед долго молчал. Потом сказал:

это уже от нас зависит. От того, победим мы или нет. Если победим, она будет знать правду. Если проиграем - правду перепишут.

Вечером они похоронили Степана и второго убитого - того самого парня из Горловки, который не пережил контузии и умер на руках у санитаря. Ему было девятнадцать. Вырыли могилы прямо на территории завода, под старой липой, которая чудом уцелела после обстрелов. Дед прочитал короткую молитву - единственную, которую знал: «Упокой, Господи, души усопших рабов Твоих...»

Витька стоял с каменным лицом. Потом вдруг разрыдался - по-детски, взхлёб. Никто его не стыдил. Все понимали.

Алексей смотрел на два свежих холмика - две могилы, над которыми ещё не успели поставить кресты, и думал: «Это только начало. Сколько ещё таких холмиков будет по всему Донбассу? Сколько Степанов? Сколько безымянных парней? И когда это кончится?»

Ночью он сидел в подвале, при свете огарка свечи, и писал в блокноте - не письмо, просто запись для себя, чтобы не забыть:

«Сегодня погиб Степан. Шахтёр из Макеевки. Хороший был мужик. У него осталась внучка Оля, первоклассница и парень из Горловки, имени не запомнил. Девятнадцать лет. У него осталась невеста. Мы похоронили их под старой липой на территории завода. Дед сказал: "У всех кто-то остаётся. Ради этого и воюем". Я запомню. Я всем расскажу. Если выживу».

Он закрыл блокнот. Посмотрел на звёзды - холодные, равнодушные, вечные. Где-то далеко, на северной окраине города, снова гремела артиллерия. Война продолжалась и конца ей не было видно.

Часть 4. Севастополь. Отцовское сердце

Севастополь, середина апреля 2014 года. Вечер.

Андрей Петрович Бондаренко сидел на кухне и смотрел новости. Старый телевизор «Горизонт», купленный ещё в девяностые, показывал репортаж из-под Славянска: разрушенные дома, дымящиеся развалины, люди в камуфляже с георгиевскими лентами. Корреспондент что-то говорил о «тяжёлых боях», о «героической обороне», о «жертвах среди ополченцев». Андрей слушал не столько слова, сколько тон. Он, бывший военный, умел читать между строк.

Анна вошла с чайником, остановилась за его спиной. Посмотрела на экран.

- Там Алёша, сказала она негромко.

- Знаю, ответил Андрей. - Он звонил вчера. Живой.

- Что он сказал?

- Что всё нормально. Что держатся.

- «Всё нормально», повторила Анна с горькой усмешкой. - Он всегда так говорит. Даже когда плохо.

- Он мужчина. Он не хочет нас волновать.

- А я мать. Я всё равно волнуюсь. Каждую минуту. Каждую секунду. Я просыпаюсь ночью и думаю: где он сейчас? Жив ли?

Андрей ничего не ответил. Он и сам просыпался ночью, но говорить об этом не привык.

Телевизор продолжал вещать. Теперь показывали репортаж из Киева, какие-то политики, какие-то заявления. Андрей выключил звук. Политика его не интересовала. Его интересовал сын.

- Знаешь, сказал он наконец, я ведь тоже воевал. Не в горячей точке, но служил. Под водой и я знаю, что такое ждать. Когда ты на глубине, а связи нет, и ты не знаешь, что там наверху - война или мир. Я знаю, что такое не спать ночами.

Но ты был военным. Ты готовился к этому. А он - гражданский. Шахтёр.

- Шахтёр это тоже военный, Андрей усмехнулся. - Только форма другая. Там тоже риск каждый день, там тоже взрывы, там тоже смерть ходит рядом. Он готов. Он справится.

- Ты в этом уверен?

- Уверен.

Он не был уверен, но он знал, что Анне нужно слышать именно эти слова.

Они сидели вдвоём, пили чай. За окном шумел апрельский ветер, и море в бухте было беспокойным - волны били о причал, разбиваясь в пену. Андрей смотрел на эти волны и думал о сыне.

Потом он встал и подошёл к телефону. Набрал номер.

- Алёша? Это я., как ты там?

- Нормально, батя. Держимся.

- Я видел новости. Славянск. Тяжело?

- Тяжело, в трубке помолчали. - Похоронили двоих сегодня.

- Соболезную.

- Спасибо.

- Ты это... береги себя. Ладно?

- Постараюсь.

- Мать волнуется.

- Я знаю. Ты ей скажи - я её люблю.

- Скажу.

Андрей положил трубку. Постоял, глядя в окно. Потом сказал - не Анне, а куда-то в пространство:

- Ничего. Выстоим. Мы же Бондаренко.

И это было не просто присловье. Это было заклинание. Молитва. Обещание.

Часть 5. Анна и новая программа

Симферополь, конец апреля 2014 года. Кабинет Анны Игоревны Бондаренко на кафедре филологии Таврического национального университета - который теперь, после референдума, должен был стать Крымским федеральным университетом имени Вернадского. Смена вывески ещё не произошла, но все уже знали, что это вопрос ближайших недель.

После присоединения Крыма к России прошло больше месяца. Университет жил новой, непривычной жизнью. Из Министерства образования Российской Федерации пришли федеральные государственные образовательные стандарты - толстые папки с грифами и гербовыми печатями, отпечатанные на плотной бумаге. Анна изучала их уже вторую неделю, пытаясь понять, как совместить новые требования с тем, чему она учила четверть века.

Ситуация осложнялась тем, что часы на украинскую литературу, согласно новым стандартам, катастрофически сокращались. Если раньше это был полноценный курс - от древней литературы до современной, с углублённым изучением Шевченко, Франко, Леси Украинки,

то теперь украинская литература превращалась в небольшой модуль в рамках более общего курса и Анна должна была либо принять это, либо...

Что - либо? Уволиться? Уехать на Украину, как Гнатюк?, но там она будет «предательницей», «коллорационисткой», «ждой», она уже читала эти слова в соцсетях, в комментариях бывших коллег. Остаться?, но здесь многие смотрели на неё косо: «украинская филология», «бандеровка недобитая» - такие слова тоже звучали, хотя и шёпотом, за спиной.

Она была чужой для обеих сторон.

За окном шумел апрельский Симферополь. Цвели абрикосы в университетском сквере - нежно-розовые, почти прозрачные на солнце. Зеленели газоны после первых тёплых дождей. Студенты сидели на скамейках с конспектами, смеялись, спорили, как будто ничего не случилось., как будто нет войны, нет раскола, нет этой страшной трещины, которая прошла по каждой семье, по каждой душе. Анна смотрела на них и думала: «Они ещё не понимают. Они думают, что всё вернётся. А оно не вернётся. Никогда».

В дверь постучали.

- Войдите, Анна оторвалась от бумаг, поправила очки.

Вошла молодая женщина лет тридцати - невысокая, энергичная, с короткой стрижкой и живыми карими глазами. Одежда её была одновременно строгой и какой-то очень российской - так одевались преподавательницы в Москве или Петербурге, но не здесь, где даже доценты позволяли себе вольности.

- Анна Игоревна? Здравствуйте. Я Елена Викторовна Снегирёва, представилась она, протягивая руку. - Меня направили к вам из Ростова-на-Дону. Я кандидат филологических наук, специалист по русской литературе девятнадцатого века. Мне сказали, что вы - лучший специалист по украинской литературе в Крыму и я хотела бы с вами посоветоваться.

- Присаживайтесь, Анна указала на стул, с интересом разглядывая новую коллегу.

Елена Викторовна села, положила перед собой тонкую папку, но открывать не стала. Вместо этого она внимательно посмотрела на Анну - без вызова, но с каким-то особым, изучающим интересом.

- Анна Игоревна, я понимаю, что вы, наверное, относитесь к нам... к новым преподавателям... с осторожностью. Это нормально. Я сама, когда узнала, что меня направляют в Симферополь, испытывала смешанные чувства. Всё-таки другая страна, другие люди, другие традиции, но я приехала не для того, чтобы кого-то учить. Я приехала, чтобы работать и я думаю, мы можем быть друг другу полезны.

- В каком смысле? - спросила Анна.

- В прямом. Мы с вами ведём смежные курсы. У вас - украинская литература, у меня - русская. Теперь, в связи с переходом на российские стандарты, часы на украинскую литературу сокращают и я понимаю, что для вас это болезненно, но вместо того, чтобы оплакивать потери, давайте подумаем о приобретениях.

- О чём именно?

- О спецкурсе, Елена Викторовна наконец открыла папку. - Я тут набросала черновик. «Русская и украинская литература: диалог культур, общие корни, перекрёстные судьбы». Не противопоставление двух литератур, а исследование их взаимосвязи. Пушкин и Шевченко - современники, которые никогда не встречались, но думали о схожих вещах: о свободе, о народе, о судьбе. Гоголь - человек, который писал по-русски, но душой был малороссом. Леся Украинка, которая переводила русских поэтов. Тургенев, который переводил украинских писателей. Это же огромное поле для исследования!

Анна слушала и чувствовала, как внутри что-то оттаивает. Она ожидала чего угодно - высокомерия, снисходительности, формальных указаний, но не этого. Не живого интереса.

- Знаете, Елена Викторовна, сказала она наконец, это очень интересная идея, но боюсь, не все её поддержат. Есть те, кто считает, что украинскую литературу нужно вообще убрать из

программы. «Зачем нам эти бандеровские стишки?» - я уже слышала такое, поверьте и есть те, кто считает, что преподавать украинскую литературу в российском Крыму это предательство Украины. Мне пишут об этом бывшие коллеги. Пишут гадости.

- Я знаю, кивнула Елена Викторовна, и лицо её стало серьёзным. - Я тоже получаю письма. Только с другой стороны. Мне пишут: «Зачем вы едете в оккупированный Крым? Зачем работаете на агрессора?» И я отвечаю: я еду не к агрессору. Я еду к студентам. К людям, которые хотят учиться. Которые не виноваты в том, что политики никак не могут договориться. и что вам отвечают?

- Ничего хорошего, Елена Викторовна усмехнулась, но я не для них это делаю. Я для студентов. Им сейчас труднее всех. Они не понимают, кто они. Украинцы? Русские? Крымчане? Что-то ещё? Им нужен мост, Анна Игоревна. А литература это и есть мост. Лучший из возможных. Потому что по нему идут не танки, а мысли. Не снаряды, а слова.

Анна долго молчала. Она смотрела на эту женщину - молодую, энергичную, приехавшую из России в чужой для неё город, и вдруг увидела в ней что-то общее с собой. Та же любовь к литературе. Та же вера в то, что слово важнее оружия. Те же сомнения. Та же боль.

- Хорошо, сказала она наконец. - Давайте попробуем.

Елена Викторовна просияла.

- Правда? Вы согласны?

- Согласна. Только у меня одно условие. Мы не будем делать вид, что ничего не случилось. Не будем замалчивать сложные темы. Если говорить о литературе этих земель - нужно говорить честно. О Шевченко, который писал горькие слова о России. О Пушкине, который участвовал в покорении Кавказа. О Гоголе, который мучительно разрывался между двумя культурами. О советских репрессиях, которые затронули и русских, и украинских писателей. Никакой лакировки. Никакой пропаганды. Только правда. Насколько мы её знаем.

- Я согласна, кивнула Елена Викторовна. - На все сто процентов. Литература не терпит лжи. Если мы начнём врать - студенты сразу почувствуют и перестанут нам верить.

Они проговорили до позднего вечера. Елена Викторовна принесла с собой книги - старые издания, которые собирала по букинистическим магазинам. Анна достала свои - тоже старые, с пометками на полях, с закладками. Они составили предварительный список тем: «Пушкин и Шевченко: два поэта свободы», «Гоголь между Россией и Украиной», «Леся Украинка и русские символисты», «Советская литература: общая трагедия», «Постсоветская литература: поиск идентичности».

Когда Елена Викторовна ушла, Анна ещё долго сидела в пустом кабинете. За окном стемнело. В сквере зажглись фонари, их жёлтый свет дрожал на ветру. Она подошла к полке, достала с неё старый томик Шевченко - тот самый, с отцовской дарственной надписью. Провела рукой по вытертому переплёту. Подумала о том, что этот спецкурс - не просто работа. Это её личный способ выжить. Остаться собой. Не предать ни прошлое, ни настоящее.

Дома она открыла дневник и записала:

«Сегодня я, кажется, нашла выход. Не отказываться от своего, но и не враждовать с новым. Строить мост - между культурами, между людьми, между эпохами. Литература это и есть мост и я буду его строить. Ради студентов. Ради своих детей. Ради Кати, которая когда-нибудь, я надеюсь, поймёт и ради себя самой. Потому что иначе - незачем жить».

Она закрыла дневник и долго смотрела в окно, где над Симферополем зажигались огни. Война продолжалась где-то далеко, за Перекопом, но здесь, в этом кабинете, в этот вечер, был заключён мир. Хрупкий. Едва заметный, но - мир.

Часть 6. Киев. Журфак

Киев, май 2014 года.

Катерина Бондаренко стояла перед входом в Институт журналистики Киевского национального университета имени Шевченко и смотрела на старинное здание с высокими колон-

нами и пожелтевшей от времени лепниной. Красный корпус на улице Мельникова, построенный ещё в позапрошлом веке, хранил в своих стенах память о тысячах студентов, которые входили в эти двери с надеждой и страхом. Теперь среди них была и она.

Ещё год назад Катя мечтала поступить сюда. Мечтала так, как мечтают только в семнадцать лет - с замиранием сердца, с тайными клятвами, с верой в то, что журналистика может изменить мир. Она представляла, как будет сидеть в этих аудиториях, слушать лекции, писать статьи, которые напечатают в настоящих газетах., как её фамилия - Бондаренко - появится под репортажем, который прочитают тысячи людей. Это было счастливое время, когда будущее казалось светлым и понятным.

Теперь она стояла на пороге этого здания с совершенно другими чувствами.

За спиной у неё был выпускной класс, экзамены, прощание со школой и тот самый пост в соцсетях, после которого половина одноклассников перестала с ней здороваться. За спиной был Майдан - кровь на Институтской, грохот взрывов и лицо того мужчины, который умирал на брусчатке. За спиной были родители в Севастополе, которые теперь - граждане другой страны, «оккупанты» по версии её новых сограждан и брат в Донецке, который теперь - ополченец, «террорист» и «сепаратист» по версии украинских СМИ.

Она сжала в руке папку с документами - аттестат с отличием, сертификаты внешнего независимого оценивания, рекомендации от учителей и вошла внутрь.

В коридорах было шумно, как во всех университетах мира в разгар вступительной кампании. Абитуриенты с испуганными, восторженными, напряжёнными лицами сновали туда-сюда с папками в руках. Родители с термосами и бутербродами сидели на скамейках вдоль стен - ждали, волновались, перешёптывались. Студенты старших курсов, важно обсуждающие что-то на ходу, бросали на новичков снисходительные взгляды: «Мы тоже такими были. Ничего, переживёте».

На стенах коридоров висели плакаты. «Україна - це Європа!» - гласил один, с сине-жёлтым флагом и звёздами Евросоюза. «Героям слава!» - вторил другой, с фотографией бойцов в камуфляже. «Крим - це Україна!» - третий, с картой полуострова, раскрашенной в цвета национального флага и повсюду, на отдельных стендах - портреты погибших на Майдане. Небесная Сотня. Молодые и старые, мужчины и женщины, студенты и профессора. Они смотрели с чёрно-белых фотографий - серьёзно, требовательно, словно спрашивали: «А ты что сделал для Украины?»

Катя остановилась у одного из портретов. Совсем молодой парень, почти мальчик, с открытой улыбкой и вихром на макушке. В куртке-аляске, с сине-жёлтой ленточкой на груди. «Сергій Нігоян, 20 років. Загинув 22 січня 2014 року на вулиці Грушевського». Она читала о нём. Армянин по отцу, украинец по матери, гражданин Украины по паспорту. Мечтал стать художником. Поехал на Майдан, потому что верил в справедливость. Погиб от пули снайпера.

Рядом - другой портрет. «Михайло Жизневський, 26 років. Білорус. Загинув того ж дня». Белорус, который погиб за Украину. Какая ирония., как всё переплелось в этой войне - нации, судьбы, верности.

Сердце сжалось. Она стояла и думала: «Вот они, герои. Настоящие. Они отдали жизнь за то, во что верили. А во что верю я? Кто я? Украинка, которая родилась в русском Севастополе? Дочь людей, которые проголосовали за Россию? Сестра ополченца? Где моё место?»

- Первый раз здесь?

Катя вздрогнула. Рядом с ней стояла девушка с рыжими кудряшками, выбивающимися из-под стильного клетчатого берета. У неё было круглое, веснушчатое лицо и озорные зелёные глаза - такие бывают у людей, которые привыкли смеяться, даже когда трудно.

- Я тоже поступаю, сказала девушка. - Тележурналистика. Мечтаю стать ведущей новостей. А ты?

- Печатная журналистика, ответила Катя, или политическая аналитика. Ещё не решила до конца.

- Я - Ярина, девушка протянула руку. Рукопожатие у неё было крепкое, энергичное. - Ярина Мельник. Из Винницы. А ты?

- Катерина. Бондаренко. Можно просто Катя.

- А ты откуда?

Катя на секунду замешкалась. Вот он, момент истины. Можно было соврать - сказать «из Киева» или «из Харькова», и никто бы не проверил, но она не хотела врать. Враньё это то, что разрушало её семью, её страну, её жизнь. Если она начнёт врать сейчас - чем она будет отличаться от тех, кто делает пропаганду?

из Севастополя, сказала она, глядя Ярине прямо в глаза. - Родилась там, но сейчас живу в Киеве, у тёти.

Ярина присвистнула. Не осуждающе - скорее удивлённо.

из Севастополя? Ого. Там же сейчас... ну, ты понимаешь. Россия. «Вежливые люди». Референдум.

- Понимаю, Катя кивнула. - У меня там родители остались. Они проголосовали за Россию.

- Ого, повторила Ярина и, как ты к этому относишься?

- Сложно, честно сказала Катя. - Очень сложно. Я их люблю. Они мои родители, но я не согласна с их выбором. Я считаю Крым украинским, но я не могу их ненавидеть. Понимаешь?

Ярина посмотрела на неё с любопытством - долгим, изучающим, но без тени враждебности. Катя уже привыкла к тому, что после признания о Севастополе люди либо шарахаются от неё, как от заразной, либо начинают допрашивать с пристрастием: «Ты за Россию или за Украину? А почему родители не уехали? А ты сама-то кто по национальности?» Ярина не стала допрашивать. Она просто кивнула, как будто услышала что-то, что давно ожидала услышать.

- Знаешь, Катя, сказала она задумчиво, у меня дядька в Луганске. Мамин брат. Он тоже... ну, ты понимаешь. За Россию. Мы с ним раньше каждый месяц созванивались. А теперь не разговариваем. Мама плачет. Говорит: «Это всё политика, она пройдёт, а семья останется», но пока не проходит.

- У меня то же самое, тихо сказала Катя. - Брат в Донецке. В ополчении.

- Ого, в третий раз сказала Ярина, но теперь в её голосе звучало что-то новое. Не осуждение. Сочувствие и, как ты с этим живёшь?

- Не знаю, Катя пожала плечами. - Просто живу. Каждый день. Просыпаюсь, умываюсь, иду на занятия. А по ночам... по ночам иногда плачу.

Ярина помолчала. Потом вдруг улыбнулась - широко, открыто.

- Ладно, подруга. Поступай. Поступай обязательно. Такие, как ты, здесь нужны.

- Какие - такие?

- Честные. Которые не делят мир на чёрное и белое. Которые знают, что правда, она сложная. Которые любят людей, даже если с ними не согласны. Если журналистика будет состоять только из пропагандистов - грош ей цена. А если из таких, как ты - может, ещё что-то выйдет.

- Спасибо, сказала Катя, и вдруг почувствовала, как к горлу подкатывает ком.

- Ладно, пойдём, Ярина взяла её под руку. - А то опоздаем на творческий конкурс. Ты какую тему выбрала?

- «Герои нашего времени: подвиг Небесной Сотни».

- Ого. Серьёзная тема и что будешь писать?

- Правду, сказала Катя, как умею.

Творческий конкурс проходил в большой аудитории с высокими окнами, выходящими в университетский парк. За окнами цвели каштаны - белые свечи соцветий покачивались на ветру, и запах цветов смешивался с запахом старого дерева и книжной пыли. Солнце пробива-

лось сквозь листву и падало на скрипучие деревянные парты золотыми пятнами. Абитуриенты сидели через одного, чтобы не списывали, и напряжённо грызли ручки.

Катя прочитала свою тему ещё раз: «Герои нашего времени: подвиг Небесной Сотни». Она думала несколько минут, глядя в окно на каштаны. Потом начала писать.

Она писала о том, что героизм это сложно. Что герои это не только те, кто погиб на баррикадах с флагом в руках. Что герои есть и там, в Донбассе - люди, которые вытаскивают детей из-под обстрелов, врачи, которые оперируют в подвалах без света, матери, которые ждут сыновей с фронта. Она писала о том, что журналист не должен делить людей на «наших» и «ваших». Что правда, она одна, и её надо искать, даже если это больно. Что её собственные родители - не враги, а просто люди, сделавшие другой выбор и что понять этот выбор - задача для настоящего журналиста.

Она не знала, понравится ли это приёмной комиссии. Возможно, от неё ждали патриотических лозунгов, цитат из Франко и призывов к единству. Возможно, за такое эссе её просто завернут, но она решила: если их правда это только одна точка зрения, если здесь не терпят сомнений и вопросов, значит, это не её место. Лучше узнать это сейчас, чем через пять лет, когда будет поздно.

Она дописала последнюю фразу, поставила точку и перечитала. Эссе получилось неудобным. Слишком честным. Слишком личным, но это было её слово. Её правда.

Когда она вышла из аудитории, Ярина ждала её в коридоре, пританцовывая от нетерпения.

- Ну как? Что написала?

- Что думала, Катя пожала плечами.

- А о чём?

- О том, что герои бывают разные и что правду нельзя делить на «нашу» и «вашу».

Ярина посмотрела на неё долгим, оценивающим взглядом. Потом вдруг хлопнула Катю по плечу - сильно, по-дружески.

- Знаешь, Катя, ты странная. Очень странная. Говоришь вещи, за которые сейчас могут и с лестницы спустить, но мне это нравится. Ты настоящая. Будем дружить?

- Будем, Катя улыбнулась - впервые за долгое время по-настоящему, открыто.

- Тогда пошли есть мороженое. Я тут видела киоск за углом. Угощаю.

Они вышли из института в майский Киев - зелёный, цветущий, тревожный. По улицам шли люди с сине-жёлтыми флагами. Где-то играла музыка. Где-то стучали молотки - волонтеры сколачивали ящики для помощи фронту. Война была рядом, затаившаяся, как зверь перед прыжком, но в этот момент - на час, на минуту - Катя чувствовала себя почти счастливой. Потому что она сказала правду. Потому что её услышали. Потому что она нашла друга.

А это на войне - дороже золота.

Часть 7. Андрей и волонтеры

Севастополь, май 2014 года. Раннее утро.

Морской порт только просыпался. Над бухтой стоял лёгкий туман - обычный для севастопольского мая, влажный и солёный, пахнущий йодом и рыбой. Крановщики разминались у своих механизмов, докеры курили на причале, стряхивая пепел в воду, чайки с пронзительными криками носились над рыбными лотками, выпрашивая подачку. Пахло соляжкой, водорослями и свежим хлебом из портовой пекарни этот запах плыл над пирсами, смешиваясь с морским бризом.

Андрей Петрович Бондаренко стоял у грузового терминала, засунув руки в карманы неизменного бушлата, и смотрел, как к причалу медленно, осторожно, словно пожилой человек, подходит старенький сухогруз «Севастополь». Небольшой, потрёпанный штормами трёх морей, с облупившейся краской на бортах и ржавыми потёками у ватерлинии, но крепкий и надёжный, как всё, что строили в советское время. Андрей знал этот корабль ещё с тех пор,

когда служил на флоте - тогда он назывался «Керчь» и ходил под военным флагом. Теперь, переименованный и переоборудованный в гражданский, он продолжал служить - возил грузы между портами Чёрного моря.

На его борту, среди прочего груза, находился особый контейнер, который Андрей ждал уже вторую неделю. Контейнер был небольшой - метр на метр, обитый оцинкованной жстью, с навесным амбарным замком. Внутри лежало то, что на языке волонтеров называлось «гуманитаркой», а на самом деле было самой настоящей военной помощью: десять армейских бронжилетов четвёртого класса защиты, двадцать индивидуальных аптечек, два тепловизора, ящик спальных мешков и несколько коробок с медикаментами - обезболивающими, кровоостанавливающими, антибиотиками. Всё это было собрано на деньги севастопольцев - простых людей, которые скидывались кто сколько мог.

Идея организовать сбор помощи для донецких ополченцев пришла Андрею ещё в марте, после того самого разговора с сыном. «Батя, у нас тут не хватает самого необходимого. Бронников нет, аптечек нет, люди идут в бой в гражданской одежде», сказал тогда Алексей, и эти слова засели в голове, как заноза. Андрей не мог пойти на фронт - возраст, здоровье, да и Анна бы не пустила, но он мог делать то, что умел лучше всего: организовывать.

Он начал с малого - обзвонил сослуживцев по флоту. Потом подключил соседей. Потом - друзей Гаврилова из ветеранской организации. Сарафанное радио сработало быстрее, чем он ожидал. Уже через неделю в его мастерскую начали приносить деньги, вещи, медикаменты. Кто-то отдавал старую военную форму, сохранившуюся ещё с советских времён. Кто-то приносил армейские сухпайки. Кто-то - просто деньги, завёрнутые в носовой платок. Старуха из соседнего подъезда, Нина Степановна, та самая, которой было восемьдесят два года, принесла пять тысяч рублей - всю свою пенсию за месяц. «У меня внук в Краснодоне, сказала она, протягивая конверт. - Он тоже там. Передайте, если сможете». Андрей взял конверт и пообещал.

- Петрович, ты опять тут? - к нему подошёл Гаврилов с неизменной сигаретой в зубах. - Когда ты спишь-то? Третьи сутки на ногах.

- Когда война кончится, тогда и выплыву, ответил Андрей, не оборачиваясь. Он смотрел, как матросы швартуют сухогруз, как скрипят канаты, как пенится вода у борта.

- Ну-ну, Гаврилов покачал головой. - Смотри, до внуков себя не угроби. У тебя ж внук в Донецке. Маленький Андрейка. Ты про него не забыл?

- Вот для него и стараюсь, Андрей наконец повернулся к другу. - Ты чего пришёл? Тебя не звали вроде.

- Помогу, Гаврилов сплюнул в воду. - Ящики таскать - не языком молоть. Чай, не разучился ещё.

- Ну, помогай.

Сухогруз пришвартовался. Матросы спустили трап, и началась разгрузка. Андрей с Гавриловым работали молча, привычно - оба служили на флоте и знали, что такое физический труд. Поднимали ящики, перетаскивали тюки, отмечали что-то в накладных. Когда дело дошло до заветного контейнера, Андрей лично проверил замок, сверил номера пломбы, убедился, что всё цело. Потом они вдвоём погрузили контейнер в кузов старенькой «ГАЗели», которую Андрей одолжил у соседа - того самого, что держал на балконе андреевский флаг.

- Сам поведёшь? - спросил Гаврилов, вытирая пот со лба.

- Сам, Андрей захлопнул борт. - Мне не впервой. Я уже три ходки сделал с начала апреля. Знаю каждый блокпост, каждую яму на дороге.

- Не боишься? Там же стреляют. Славянск, говорят, чуть не каждый день обстреливают.

- Боюсь, честно сказал Андрей, и Гаврилов впервые увидел в его глазах не уверенность, а что-то другое - может быть, усталость, а может, ту особую решимость, которая приходит к человеку, когда он уже всё для себя решил, но там мой сын и мой внук и если я не помогу им сейчас, не привезу то, что им нужно для выживания, я себе этого не прощу. Понимаешь?

- Понимаю, кивнул Гаврилов. - У самого дети.

Он помолчал, потом достал из внутреннего кармана поношенного кителя сложенный вчетверо конверт.

- Вот. Тут немного. Пенсия за два месяца. Я хотел на рыбалку новый спиннинг купить, но... в общем, возьми. Добавь там кому нужнее. Может, на броник для пацана какого-нибудь хватит.

- Спасибо, Андрей взял конверт. Тот был тёплым от тела Гаврилова. - Я передам. Обязательно.

- Не за что. Мы же свои.

Гаврилов вдруг обнял Андрея - порывисто, по-медвежьи, как обнимаются мужчины, которые редко это делают.

- Ты береги себя, Петрович и сына береги и невестку и внука. Вы нужны этой стране. Все нужны.

- Будем беречь, Андрей хлопнул его по спине. - Ты тоже тут не расслабляйся. Крым хоть и российский теперь, а всякое может быть.

- Не расслаблюсь, пообещал Гаврилов. - У меня флаг на балконе и ружьё в сейфе. Если что - встретим.

Через час «ГАЗель» уже катила по трассе на север, в сторону Перекопа. Андрей сидел за рулём, прямой, сосредоточенный, как когда-то на мостике подводной лодки. За окнами проплывали крымские степи - зелёные после весенних дождей, усеянные алыми маками, которые колыхались на ветру, как капли крови на зелёном сукне. Он смотрел на дорогу и думал о сыне. О том, как тот сидит в окопе где-то под Славянском. О том, что каждый ящик с медикаментами, каждый бронежилет может спасти чью-то жизнь. Может быть, жизнь его собственного сына. Может быть, жизнь того безымянного парня из Горловки, у которого осталась невеста. Может быть, жизнь Витьки, молодого шахтёра, который ещё не разучился плакать.

Он думал о том, как странно устроена эта война. Не государство воюет - люди воюют. Пенсионеры сдают пенсии, старухи несут конверты, бывшие офицеры трясутся в «ГАЗелях» по разбитым дорогам и всё это - ради чего? Ради того, чтобы Донбасс мог сказать: «Мы - Россия». Ради того, чтобы внуки говорили по-русски. Ради того, чтобы память о павших не была растоптана.

Вечером, когда солнце уже садилось за холмы, Андрей остановился на обочине, достал телефон и набрал номер сына.

- Алёша, привет. Это я. Слушай, я завтра к вечеру буду в Донецке. Привез кое-что - броники, аптечки, спальные. Там на отделение хватит.

- Батя, ты с ума сошёл?! - голос в трубке был встревоженным. - У нас тут каждый день обстрелы! Позавчера трассу накрыли, два волонтёра погибли!

- Я знаю, сказал Андрей спокойно, но я уже еду. Так что готовь ужин.

В трубке долго молчали. Потом Алексей сказал и голос у него дрогнул:

- Спасибо, батя. Я тебя встречу на блокпосту. Ты только осторожно.

- Встреть и сам будь осторожен. Ты мне живой нужен и Андрейке нужен и Лене и матери.

- Я знаю, батя.

Андрей убрал телефон в карман, завёл мотор и выехал на трассу. За окнами темнело. Где-то впереди, за холмами, уже угадывалось зарево - оранжевое, пульсирующее, как больное сердце. Там был Донбасс. Там была война и там был его сын.

«Ничего, сказал он себе, как говорил всегда в трудные минуты. - Прорвёмся. Мы же Бондаренко. Мы всегда прорывались».

И «ГАЗель», нагруженная помощью, собранной всем миром, покатила дальше - в ночь, в сторону фронта, туда, где ждали.

Часть 8. Дорога на восток

Трасса Симферополь - Харьков, май 2014 года. Полночь.

«ГАЗель» катила по разбитому асфальту, подпрыгивая на выбоинах, которые никто не ремонтировал уже, наверное, с советских времён. Фары выхватывали из темноты то покосившийся дорожный знак с облупившейся краской, то остов сгоревшего автомобиля на обочине - чёрный, искорёженный, с выбитыми стёклами, то одинокое дерево, скрюченное степными ветрами в немой мольбе. За рулём было холодно - печка в старой «ГАЗели» работала через раз, и Андрей время от времени тёр ладонью запотевшее лобовое стекло, вглядываясь в дорогу. Он ехал один, если не считать груза в кузове - десяти бронежилетов, двадцати аптечек и целой горы спальных мешков, который был его безмолвным спутником.

Где-то за Джанкоем он миновал первый блокпост. Российские военные - молодые ребята в полной экипировке, с шевронами «ВС РФ» на рукавах - проверили документы, заглянули в кузов, уважительно присвистнули, увидев аккуратно уложенные бронежилеты.

- Куда, отец?

- В Донецк. Сыну. Он там в ополчении.

- Добро, старший наряда, сержант с усталым, обветренным лицом человека, который уже не первую неделю провёл под открытым небом, махнул рукой. - Счастливо. Только осторожнее там, за Перекопом. Там уже не наша зона. Украинские посты. Могут и завернуть, а могут и похуже.

- Знаю, кивнул Андрей. - Спасибо, сынки. Служите.

- Служим, отец. Ты это... если что - вот, возьми. - Сержант вдруг протянул ему свёрнутый лист бумаги. это пропуск. Российский. Если украинцы спросят, откуда едешь, покажешь. Не всем помогает, но некоторым... В общем, держи. У меня у самого батя в Луганске.

- Спасибо, Андрей пожал сержанту руку. - Бог в помощь и тебе.

За Перекопским перешейком, где формально заканчивался Крым и начиналась материковая Украина, пейзаж изменился. Исчезли аккуратные, по-военному обустроенные российские блокпосты с триколорами и чистыми окопами. Вместо них появились укрепления, сооружённые наспех - бетонные блоки, мешки с песком, натянутая между столбами колючая проволока. Вместо спокойных, уверенных российских солдат - напряжённые, нервные бойцы Национальной гвардии Украины с сине-жёлтыми шевронами. Над блокпостом развевался украинский флаг, и ветер трепал его с каким-то надрывным, тревожным звуком.

Андрей приготовился. Он знал: здесь его волонтёрский груз мог вызвать серьёзные вопросы. Бронежилеты, тепловизоры, медикаменты это не гуманитарка для мирного населения. Это военная помощь и если её обнаружат - последствия могут быть самыми разными. От конфискации до ареста.

Так и вышло. На втором украинском блокпосту - основательном, с бетонными заграждениями, пулемётным гнездом и бойцами в полной боевой выкладке - «ГАЗель» остановили. Молодой лейтенант с сине-жёлтым шевроном и фамилией «Кравченко» на нашивке долго изучал документы Андрея, хмурился, листал паспорт туда-сюда. Потом приказал открыть кузов.

- Что везёте?

- Гуманитарную помощь, Андрей говорил спокойно, размеренно, как когда-то докладывал обстановку командиру. - Медикаменты, спальники, тёплые вещи. Для мирного населения. В Донецк.

Лейтенант забрался в кузов, посветил фонариком. Осмотрел коробки. Нашёл бронежилеты - аккуратно уложенные, в заводской упаковке. Взял один, повертел в руках.

- А это для какого «мирного населения», гражданин Бондаренко? Это армейский бронежилет четвёртого класса. Такие «мирному населению» не нужны.

Андрей молчал, глядя лейтенанту прямо в глаза. Врать было бессмысленно. Оправдываться - тем более.

- Вы понимаете, что я обязан конфисковать этот груз? - продолжал лейтенант и вас задержать. По законам военного времени это пособничество незаконным вооружённым формированиям. Статья. Срок.

- Понимаю, сказал Андрей.

Лейтенант спрыгнул из кузова. Подошёл ближе. Он был молод - лет двадцать пять, не больше, но глаза у него были взрослые, усталые, с той особой тенью, которая появляется у людей, слишком рано увидевших смерть.

- У вас там кто? - спросил он вдруг, и голос его прозвучал не, как у офицера на посту, а, как у обычного человека.

- Сын, ответил Андрей. - В ополчении и внук. Маленький совсем. Год и два месяца. Андрейка.

- Андрейка, повторил лейтенант. - Моего отца тоже Андрей зовут. Он в Харькове. Инженер.

Они помолчали. Вокруг шумел ветер, гремел железом на крыше блокпоста. Где-то далеко, на востоке, глухо ухали разрывы - артиллерия продолжала свою страшную работу.

- Знаете, что, сказал вдруг лейтенант, понизив голос, я вас не видел. Езжайте. Только быстро и если на следующем посту спросят - скажите, что везёте продукты и тёплые вещи. Броники спрячьте под спальниками. Авось пронесёт.

- Спасибо, Андрей кивнул. Он хотел добавить что-то ещё, но слов не было.

- Не за что, лейтенант поморщился. - Не знаю, правильно ли я делаю. Может, эти броники завтра будут на тех, кто в моих ребятам стрелять будет. Но... у вас сын и внук и у меня отец. Война это одно. А семья - другое. Езжайте.

- Удачи тебе, сынок.

и вам... отец.

Лейтенант козырнул - не по уставу, как-то скомканно, и отвернулся.

Андрей завёл мотор, и «ГАЗель» покатила дальше, в ночь. Он ещё долго видел в зеркале заднего вида удаляющийся огонёк блокпоста - одинокий, жёлтый, дрожащий на ветру. А потом и он исчез.

До рассвета оставалось часа три. Андрей думал о том, как странно устроена эта война. Вот этот лейтенант Кравченко - он же не враг. Обычный парень, у которого отец инженер в Харькове и он понимает: там, за линией фронта, такие же люди, с такими же детьми, но приказ есть приказ и завтра он, возможно, будет стрелять в тех, кому сегодня позволил проехать. А может, и не будет. Может, он вспомнит этот разговор, эту ночь, этого пожилого человека с грузом для сына и что-то в нём дрогнет. Может, в последний момент отведёт ствол.

«Ничего, повторил Андрей про себя, как заклинание. - Прорвёмся. Мы же Бондаренко».

Над степью занимался рассвет - серый, пасмурный, какой-то невесёлый. Степь лежала вокруг бескрайняя, равнодушная ко всем людским войнам и переделам. Где-то вдалеке, на востоке, уже слышны были глухие раскаты - артиллерия наращивала темп. Донбасс приближался.

Андрей нажал на газ. Впереди была граница, за которой ждал сын.

Часть 9. Донецк. Встреча

Донецк, май 2014 года. Вечер. Окраина города, район шахты имени Засядько.

Алексей ждал отца на блокпосту у въезда в город - том самом, где он дежурил уже которую неделю. За эти дни блокпост неузнаваемо изменился, оброс бытом: появились самодельные нары в блиндаже, сколоченные из поддонов и застеленные старыми матрацами, полевая кухня, которую ополченцы соорудили из старой печки-буржуйки и разрезанной вдоль бочки из-под солярки, и даже небольшая библиотека - кто-то из местных жителей притащил стопку

потрёпанных детективов Донцовой и Марининой, подшивку журнала «Наука и жизнь» за 1987 год и потрёпанный томик «Тихого Дона» без обложки. Война войной, а читать хотелось - особенно долгими ночами, когда обстрелы стихали и тишина начинала звенеть в ушах.

«ГАЗель» показалась на дороге, когда солнце уже садилось за многоэтажки Калининского района, окрашивая небо в тревожные багровые тона. Алексей узнал машину отца ещё издали - по характерной вмятине на правом крыле, которую Андрей так и не удосужился выправить, сколько ни пилила его Анна. «И так сойдёт, говорил он всякий раз, когда жена заводила речь о ремонте. - Машина не для красоты, а для дела» и вот теперь эта машина, пропылённая, забрызганная грязью, с налипшими на радиатор останками насекомых, привезла самое ценное - помощь и надежду.

Машина остановилась у бетонных заграждений, сложенных в три ряда и укреплённых мешками с песком. Андрей вышел из кабины - усталый, с красными от недосыпа глазами, в пропылённом бушлате, который он не снимал уже вторые сутки, с седой щетиной на подбородке, но держался он прямо, и в его фигуре чувствовалась та особая выправка, которую не теряют даже через тридцать лет после отставки бывшие офицеры-подводники.

Алексей шагнул навстречу, и они обнялись - крепко, по-мужски, может быть, крепче, чем когда-либо раньше. Андрей чувствовал, как под руками хрустит камуфляжная ткань, как напряжены плечи сына - тот всё ещё был собран, готов к бою, не мог расслабиться даже в объятиях отца. Война въелась в него глубже, чем угольная пыль.

- Здорово, батя.

- Здорово, сынок.

Они стояли так несколько секунд, и за эти секунды было сказано больше, чем за иной часовой разговор. Вокруг суетились ополченцы, кто-то кричал, где-то гудел двигатель, но отец и сын ничего не замечали. Они были вместе и это было главное.

- , как доехал? - спросил Алексей, отстраняясь и заглядывая отцу в лицо, словно пытаясь прочитать в нём что-то важное.

- Нормально. На украинском блокпосту попались понимающие. Лейтенант молодой, Кравченко. Пропустил, хоть и видел броники.

- Повезло, Алексей покачал головой. - Могли и завернуть. Или арестовать. Или ещё что похуже. Ты хоть понимаешь, чем рисковал?

- Понимаю, Андрей пожал плечами, но я же обещал. Сказал - привезу. Значит, привезу. Бондаренко слов на ветер не бросают. Ты же знаешь.

- Знаю, Алексей вдруг улыбнулся - впервые за эти дни. - Весь в деда.

- В прадеда, поправил Андрей. - Захар Трофимович тоже был упрямый. Если что решил - горы свернёт.

Алексей заглянул в кузов. То, что он там увидел, заставило его присвистнуть от изумления.

- Батя, это же целый арсенал! Десять броников, двадцать аптечек, два тепловизора, спальники... Да тут на целое отделение хватит! Где ты всё это достал? Неужели сам купил?

- Люди помогли, Андрей пожал плечами. - Севастопольцы. Объявили сбор, я кинул ключ по соседям, по ветеранской организации. Скидывались кто сколько мог. Пенсионеры, ветераны, простые работяги. Гаврилов две пенсии отдал - хотел спиннинг купить, а купил броник для пацана незнакомого. Нина Степановна, бабушка из третьего подъезда, пять тысяч принесла - вся её пенсия за месяц. У неё внук в Краснодаре, она его даже не видела ни разу, а деньги отдала. Сказала: «Передайте, кому нужнее». Там даже записка от неё есть - просила передать внуку. Только она адрес перепутала - написала «Краснодон» вместо «Краснодар», но я всё равно взял. Может, найдётся в Краснодаре внук, которому это поможет.

- Найдётся, Алексей кивнул. - Обязательно найдётся. Передадим.

Он спрыгнул из кузова на землю и вдруг заметил, как отец пошатнулся, схватившись за борт.

- Батя, ты чего? Ты когда ел в последний раз?

- Да я... - Андрей махнул рукой. - Не помню. Утром, кажется. Или вчера.

- Так, Алексей повернулся к Витьке, который, как раз подошёл помогать с разгрузкой. - Витька, тащи сюда сухпай и чай. Крепкий. Отец с дороги, вторые сутки не евши.

- Понял, Бондарь! - Витька убежал и через минуту вернулся с термосом и пакетом галет.

Они разгрузили кузов вместе с подоспевшими ополченцами. Работали споро, по-флотски - Андрей невольно распределил обязанности, покрикивал, подгонял. Через полчаса все ящики были аккуратно сложены в углу блиндажа, а Витька, увидев новые бронежилеты, радовался, как ребёнок, и тут же начал примерять один.

- Гляди, Бондарь!, как влитой сидит!

- Не вертись, усмехнулся Алексей. - Снайпер снимет, если будешь так выссовываться.

Дед, осматривавший тепловизоры, одобрительно хмыкал в седые усы. Для него, старого афганца, эта помощь была не просто грузом, она была доказательством того, что о них помнят. Что они не одни. Что там, в тылу, люди не просто смотрят новости по телевизору и качают головами, а реально помогают - деньгами, вещами, временем. Что Россия с ними. Не на словах - на деле.

Вечером они сидели в блиндаже - вчетвером: Андрей, Алексей, Витька и Лена с маленьким Андрейкой на руках. Лена пришла сюда из города, как только узнала, что свёкор приехал. Она была тихая, усталая, с тёмными кругами под глазами - сказывались бессонные ночи под обстрелами, но она улыбалась, глядя на Андрея, и в этой улыбке было что-то такое, от чего у старого подводника щемило сердце. Благодарность. Нежность. Надежда.

-, как он? - Андрей кивнул на внука, который сидел на коленях у матери и сосредоточенно пытался оторвать пуговицу от её кофты.

- Растёт, Лена улыбнулась. - Уже ходить пытается. Держится за стенку и топает и говорит несколько слов: «мама», «папа», «дай» и ещё...

- Что?

- «Деда». Он вас так называет. Заочно. Я ему показываю вашу фотографию и говорю: «Это деда Андрей». А он повторяет: «Де-да».

- «Деда»? - Андрей почувствовал, как что-то тёплое разливается в груди. Он часто заморгал, отвёл глаза - не хотел, чтобы видели слёзы. - Ну-ка, Андрейка, иди сюда. Скажи: «де-да».

Мальчик, услышав своё имя, поднял голову. Посмотрел на деда серьёзными, внимательными глазами - такими же серыми, как у Алексея, как у самого Андрея, как у прадеда Захара, чья фотография стояла в серванте в севастопольской квартире. Несколько секунд он изучал новое лицо. Потом вдруг улыбнулся - широко, беззубо, совершенно обезоруживающе и отчётливо произнёс:

- Де-да.

- Слышали? - Андрей обвёл всех взглядом, и голос его дрогнул. - Он меня назвал! Признал!

- Назвал, Алексей хлопнул отца по плечу. - Значит, признал. Кровь, она своё берёт.

Лена, улыбаясь, передала мальчика деду, и Андрей взял внука на руки - осторожно, боясь уронить, как когда-то брал на руки новорождённого Алёшу. Андрейка тут же вцепился в его усы и начал их дёргать с исследовательским интересом. Все засмеялись.

В этот момент где-то далеко, на восточной окраине, снова ухнула артиллерия. Глухой, тяжёлый звук прокатился над городом, и стены блиндажа едва заметно вздрогнули. Все на секунду замерли. Лена привычным, отработанным движением протянула руки, чтобы забрать сына. Витька схватился за автомат. Алексей подобрался, готовый к команде.

Андрей сидел неподвижно. Он смотрел на свою семью - сына, готового идти в бой, невестку, прижимающую к груди ребёнка, внука, который ещё не понимал, что такое война, и думал о том, как хрупко всё это., как легко разрушить то, что строилось десятилетиями., как одна шальная пуля, один осколок может в одно мгновение оборвать эту нить, тянущуюся от Захара Трофимовича к Андрейке.

- Ничего, сказал он, обращаясь не столько к окружающим, сколько к самому себе. - Прорвёмся. Мы же Бондаренко.

- Прорвёмся, эхом отозвался Алексей.

И в этом блиндаже, под глухие раскаты артиллерии, эти простые слова прозвучали не, как поговорка., как клятва., как обещание, которое нельзя нарушить. Потому что за ними стояли поколения - те, кто строил Севастополь, кто добывал уголь в донецких шахтах, кто воевал в Афганистане и на флоте. Те, кто выжил в девяностые и не сломался. Те, кто верил и ждал.

Бондаренко. Семья. Россия.

Всё это было связано воедино - крепче любых обручей.

Часть 10. Ласточка

Донецк, май 2014 года. Поздний вечер.

После того, как Андрей уехал обратно в Севастополь - на этот раз без груза, но с письмами от ополченцев, с самодельными оберегами, которые бойцы передавали родным, и с наказом непременно передать привет Гаврилову и всем, кто помогал, Алексей вернулся в свою квартиру. Впервые за много дней у него выдался свободный вечер. Не было дежурства на блокпосту, не было разведки, не было обстрелов - только тишина, которая после грохота артиллерии казалась почти неестественной, оглушительной, как вакуум.

Квартира встретила его запахом домашней еды и детского мыла. Лена хлопотала на кухне - варила гречку, единственную крупу, которую удалось достать в магазине на этой неделе. Маленький Андрейка, набегавшись за день по комнате, спал в кроватке, уткнувшись носом в подушку и смешно причмокивая во сне. Алексей стоял в дверях детской и смотрел на сына., как он вырос за эти месяцы., как из беспомощного свёртка превратился в маленького человека с характером - упрямого, любопытного, совсем, как он сам в детстве, если верить рассказам матери.

Он прошёл на кухню, сел за стол, достал из кармана потрёпанный блокнот - тот самый, в котором писал письма и записывал имена погибших. Полистал. Страницы были исписаны неровным почерком: «Степан, Макеевка, шахтёр, осталась внучка Оля». «Павел, Горловка, 19 лет, осталась невеста». «Дмитрий, Снежное, 42 года, остались жена и двое сыновей». Этот список рос с каждой неделей, и Алексей боялся, что когда-нибудь в нём появится имя кого-то из близких. Витьки. Деда. Его собственное.

Он смотрел на жену и думал о том, как странно устроена жизнь., как причудливо она тасует судьбы, как неожиданно сводит людей в самых неподходящих для этого местах. Они познакомились всего три месяца назад - хотя казалось, что прошла целая вечность. Это случилось здесь, в Донецке, в середине февраля, когда ополчение только формировалось и всё было зыбко, неопределённо, тревожно.

Он помнил этот день в мельчайших подробностях. У здания бывшей администрации был стихийный митинг - люди требовали референдума, размахивали флагами, скандировали лозунги. Алексей стоял в толпе, ещё не решив, присоединиться ли к ополчению или остаться в стороне и тут началась стрельба - кто-то открыл огонь из проезжавшей машины, толпа бросилась враспынную, началась паника. Алексей побежал, но споткнулся о чьё-то тело - на асфальте лежал мужчина, раненный в плечо, и под ним растекалась лужа крови.

И тогда из толпы выбежала она - тоненькая светловолосая девушка с санитарной сумкой через плечо. Опустилась на колени прямо в лужу, ловко, профессионально начала перевязыв-

вать раненого. Вокруг свистели пули, люди кричали, кто-то падал, а она работала - спокойно, сосредоточенно, словно не замечая ничего вокруг.

- Помоги! - крикнула она Алексею, и он, не думая, бросился к ней, помог перетащить раненого в укрытие за бетонной клумбой. Потом они вместе перевязывали ещё одного и ещё и ещё. К концу дня, когда стрельба стихла и санитары увезли раненых, они сидели вдвоём на ступеньках какого-то подъезда - грязные, уставшие, с руками по локоть в чужой крови и молчали.

- , как тебя зовут? - спросил он наконец.

- Лена. Позывной - Ласточка. Я медсестра из третьей городской больницы. А ты?

- Алексей. Шахтёр. Позывного пока нет.

- Будет, она улыбнулась, и в этой улыбке, усталой и чуть печальной, было что-то такое, от чего у него защемило сердце. - На войне у всех появляются позывные.

С того дня они почти не расставались. Воевали рядом, дежурили на одних блокпостах, вместе попадали под обстрелы. Он провожал её после смены до больницы, она перевязывала его, когда его зацепило осколком. Их роман был странным - без цветов и свиданий, без кино и кафе. Вместо этого - короткие разговоры в перерывах между боями, глоток чая из одного термоса, молчание, которое говорило больше слов.

А потом, в конце марта, когда стало ясно, что война это надолго, Алексей просто сказал: «Выходи за меня». Она не удивилась, не стала спрашивать «почему» или «зачем». Просто кивнула и через неделю они расписались в полуразрушенном загсе на окраине Донецка. Свидетелями были Витька и пожилая женщина-регистратор, которая плакала, заполняя бланки. Колец не было - Алексей сделал их из медной проволоки, найденной в мастерской, но они были самыми настоящими. Самыми честными.

- О чём думаешь? - спросила Лена, не оборачиваясь. Она стояла у плиты, помешивая гречку, и пар от кастрюли поднимался к потолку, смешиваясь с запахом домашнего уюта.

- О тебе, ответил Алексей честно. - О нас. О том, как мы встретились. Помнишь тот день? Первый обстрел у облминистрации.

- Помню, она чуть улыбнулась. - Ты тогда был смешной. В гражданской куртке, с шарфом до ушей и руки у тебя дрожали.

- Ничего не дрожали!

- Дрожали-дрожали. Я заметила, но ты всё равно полез помогать. Это было.., она помолчала, подбирая слово. это было правильно. Я тогда подумала: «Вот человек, на которого можно положиться».

- А я подумал: «Какая красивая девушка и смелая и глаза у неё...»

- Какие, она обернулась.

- Серьёзные и добрые и немного грустные., как будто она уже всё понимает про эту жизнь, но всё равно не сдаётся.

Лена выключила плиту, вытерла руки полотенцем - стареньким, с вышитыми васильками, такие теперь только у бабушек в деревне остались, подошла к мужу.

- Знаешь, Лёша, сказала она тихо, я ведь тоже боюсь. Каждый день. Каждую ночь. Когда ты уходишь на задание, я сижу и считаю минуты. Мне кажется, что, если я перестану считать - с тобой что-то случится. Глупо, да?

- Не глупо, Алексей притянул её к себе, обнял. - Я тоже считаю. Когда слышу, что в городе стреляют, я думаю: «Только бы не в неё. Только бы не в Андрейку». Это не глупость. Это любовь.

Они помолчали. За окном совсем стемнело. Где-то далеко, на северной окраине, снова ухала артиллерия - глухо, размеренно, как сердцебиение войны, но здесь, в маленькой квартире на окраине Донецка, было тепло и тихо и эта тишина была дороже всего на свете.

- Знаешь, что я понял сегодня? - сказал Алексей. - Когда отец приезжал.

- Что?

- Что семья это не обязательно люди, которые живут в одном доме. Семья это люди, которые держатся друг за друга, даже когда их разделяют границы. Даже когда они по разные стороны фронта. Катя в Киеве. Родители в Севастополе. Мы здесь, но мы всё равно вместе. Понимаешь?

- Понимаю, Лена улыбнулась. это ты хорошо сказал. Может, запишешь? В свой блокнот?

- Уже записал, Алексей показал раскрытую страницу, где среди списка погибших появилась новая запись: «Семья это те, кто держится друг за друга. Даже через границы. Даже через войну».

- Хорошие слова, она кивнула. - Правильные. Знаешь, о чём я мечтаю?

- О чём?

- Я мечтаю, что когда-нибудь мы поедem в Севастополь. Все вместе: ты, я, Андрейка и твои родители и Катя, если она приедет. Мы пойдём на набережную, будем есть мороженое, смотреть на море и никто не будет стрелять и можно будет просто жить.

это будет, Алексей поцеловал её в макушку. - Обязательно будет. Когда война закончится.

- А когда она закончится?

- Не знаю, но когда-нибудь закончится. Всё когда-нибудь кончается. Даже война. А любовь - остаётся.

Они сидели молча, обнявшись, и слушали, как в соседней комнате посапывает во сне их сын и Алексей думал о том, что самые важные вещи в жизни происходят не на поле боя, не в штабах и не на митингах. А вот так - на кухне, при свете тусклой лампочки, когда любимая женщина кладёт голову тебе на плечо, а за стеной спит ваш ребёнок.

Это и есть счастье. Не громкое, не парадное. Настоящее.

И ради этого стоит жить и воевать и побеждать.

Часть 11. Бессмертный полк

Севастополь, 9 мая 2014 года. День Победы.

Андрей Петрович Бондаренко стоял перед зеркалом в прихожей и поправлял китель. Тот самый парадный китель капитана второго ранга, который он не надевал уже много лет - с тех самых пор, как уволился в запас в середине девяностых. Тогда он думал, что больше никогда не наденет его. Что форма стала ненужной, как и всё, чему он служил. Что страна, которой он присягал, исчезла, а новая - чужая и враждебная - не заслуживает того, чтобы ради неё носить погоны. Анна помогла ему достать китель из старого сундука, где он лежал, пересыпанный нафталином, вместе с кортиком и альбомами фотографий. Она проветрила его на балконе, отгладила каждую складочку, пришила все медали и орденские планки, которые Андрей когда-то хотел выбросить, но она не дала. «Сохрани, сказала тогда. - Пригодятся. Не может быть, чтобы негодились» и, как в воду глядела.

Медалей было много - за выслугу лет, за безаварийные походы, за службу в Северном флоте, за участие в дальних плаваниях. Была медаль «За боевые заслуги» - её он получил за операцию в Средиземном море, о которой до сих пор никому не рассказывал, потому что давал подписку о неразглашении. Были юбилейные медали - «300 лет Российскому флоту», «70 лет Вооружённых Сил СССР». Были знаки отличия, которые он сам когда-то считал пустой формальностью, а теперь они казались чем-то гораздо большим - свидетельством прожитой жизни, напоминанием о том, что он не зря носил форму.

Но сегодня, 9 мая 2014 года, на груди Андрея висела ещё одна награда, которой не было в официальных списках и приказах. Георгиевская ленточка - оранжево-чёрная, скромная, завязанная в простой узел. Её дал ему Гаврилов ещё в апреле, когда они вместе дежурили на блокпосту. «Носи, Петрович, сказал он тогда. это наша память. Наша гордость. Наша связь с теми, кто воевал» и Андрей носил. Сначала на бушлате, потом на гражданской куртке, а теперь - на парадном кителе, рядом с боевыми медалями.

Он долго смотрел на себя в зеркало - на седые виски, на морщины у глаз, на выцветшие, но всё ещё яркие орденские планки и вдруг увидел не просто пожилого отставного офицера в старом кителе. Он увидел продолжение. Звено в цепи, которая тянется от Захара Трофимовича, бондаря и солдата Первой мировой, через Петра Захаровича, моряка Великой Отечественной, через него самого, Андрея Петровича, подводника Холодной войны, к Алексею Андреевичу, ополченцу Донбасса, и дальше, к маленькому Андрейке, который только учится ходить. Цепь не прервалась. Выстояла., как дубовый обруч.

- Ты готов? - спросила Анна, заглядывая в прихожую.

Она тоже была при параде. Строгое тёмно-синее платье, которое она надевала только по самым торжественным случаям. На плечах - белый шифоновый платок, подаренный мамой ещё в незапамятные времена. В руках - портрет, который она держала бережно, как святыню. С портрета смотрел молодой человек в гимнастёрке, с сержантскими погонами и медалью «За отвагу» на груди. Лицо у него было открытое, мальчишеское, с чуть припухшими губами и светлым вихром, выбивающимся из-под пилотки. Совсем мальчик. Двадцать один год.

- Отец, сказала Анна, перехватив взгляд Андрея. - Пётр Игоревич. Сержант, сапёр. Погиб в апреле сорок четвёртого при освобождении Севастополя. За два месяца до Победы. Подорвался на mine, разминировав проход для пехоты. Представляешь - за два месяца. Он уже знал, что война кончается. Знал, что скоро домой и всё равно пошёл первым.

- Я помню, Андрей кивнул. - Ты рассказывала. Он был настоящим героем.

- Он был просто мальчиком, Анна поправила платок. - Они все были просто мальчиками и девочками. Санитарки, связистки, зенитчицы. Моя тётя, мамина сестра, в восемнадцать лет ушла на фронт. Всю войну прошла. А потом умерла в пятьдесят третьем - старые раны открылись. Ей было тридцать. Она даже замуж не успела выйти.

- Сегодня мы их вспомним, Андрей взял жену за руку. - Всех.

- Сегодня мы не просто вспомним. Сегодня мы их покажем.

«Бессмертный полк» шагал по улицам Севастополя впервые в истории - по крайней мере, в таком масштабе, в таком размахе, с такой душой. Идея родилась стихийно, как рождается всё самое настоящее и сильное: кто-то сказал, кто-то подхватил, кто-то напечатал листовки на старом принтере, кто-то передал по цепочке, через соседей, сослуживцев, друзей и вот теперь, девятого мая две тысячи четырнадцатого года, тысячи людей вышли на улицы с портретами своих дедов и прадедов, бабушек и прабабушек, отцов и матерей, дядьёв и тёток - всех, кто воевал, кто погиб, кто выжил, кто работал в тылу, кто ждал с фронта, кто поднимал страну из руин.

Андрей и Анна шли в колонне по Большой Морской. Рядом шагал Гаврилов - в своём парадном мичманском кителе, с георгиевской ленточкой на груди и портретом отца в руках. С фотографии смотрел суровый мужчина в бескозырке с надписью «Черноморский флот» - старшина первой статьи Гаврилов Илья Степанович, морской пехотинец, погибший в феврале сорок второго на Малой земле, под Новороссийском. Ему было тридцать четыре года. Дома остались жена и трое детей - младшему, нынешнему Гаврилову, тогда было три года, он отца почти не помнил, только по рассказам матери и по этой единственной фотографии.

- Знаешь, Петрович, сказал Гаврилов, и голос его дрогнул, я ведь только в прошлом году узнал, где его могила. Поисковики нашли. Под Новороссийском, в братской. Я съездил. Постоял. Положил цветы и вдруг понял: я же старше его теперь. Мне шестьдесят пять, а ему навсегда тридцать четыре. Я старик, а он - молодой парень., как это может быть?

это жизнь, ответил Андрей. - Они остались молодыми, чтобы мы могли состариться. Понимаешь? Они отдали свою молодость за нашу старость.

Гаврилов молча кивнул. Он не мог говорить - слёзы душили его.

Вокруг шли люди - сотни, тысячи. Молодые и старые, мужчины и женщины, дети и взрослые. У каждого в руках - портрет. Кто-то нёс по две, по три фотографии - целые семьи уходили

на фронт и не возвращались. Кто-то нёс просто табличку с именем - фотографии не сохранилось, но имя помнили, свято хранили в семейной памяти. Кто-то нёс старые письма с фронта, сложенные треугольником, выцветшие, затёртые на сгибах, но всё ещё хранящие тепло рук тех, кто их писал.

Над колонной плыла песня. Сначала тихо, неуверенно, потом всё громче, всё стройнее - тысячи голосов подхватили:

*«День Победы, как он был от нас далёк,
Как в костре потухшем таял уголёк...»*

Андрей пел вместе со всеми и чувствовал, как по щекам текут слёзы. Он не стеснялся их - сегодня плакали все. Плакал Гаврилов, прижимая к груди портрет отца. Плакала незнакомая женщина рядом, держа в руках фотографию деда-танкиста. Плакал молодой парень, нёсший портрет прабабушки-санитарки. Это были не слёзы горя это были слёзы памяти. Слёзы гордости. Слёзы единства.

- Знаешь, о чём я думаю? - сказал Андрей Анне, когда песня закончилась и над колонной повисла торжественная тишина.

- О чём?

- О деде. О Захаре Трофимовиче. Он ведь тоже воевал. В трёх войнах. В Первую мировую - ещё молодым, безусым мальчишкой, его призвали в пятнадцатом, он прошёл Восточный фронт, был ранен, лежал в госпитале в Киеве. В Гражданскую - уже зрелым мужиком, воевал в Красной Армии, защищал Царицын. В Великую Отечественную - стариком, ему было под семьдесят, но он пошёл добровольцем в ополчение, рыл окопы под Сталинградом, был ранен при бомбёжке, контужен, но выжил. Вернулся и всю жизнь после этого делал бочки. Говорил: «Дерево - оно живое. Оно помнит всё и войну помнит, и мир. Когда обруч набиваешь, надо с душой. Потому что бочка, она, как держава. Рассохнется - трудно собрать, но можно».

- Мудрый был человек, сказала Анна.

- Мудрый. Жаль, я его портрета не нашёл. Где-то была фотография, ещё довоенная, но затерялась при переездах.

- Ничего, Анна взяла его под руку, прижалась плечом. - Он здесь. С нами. Ты же его помнишь и Алёша помнит, ты ему рассказывал и Андрейке расскажем. Память, она не в фотографиях. Она в сердце.

- В сердце, повторил Андрей. - Да. Ты права.

Они шли дальше по Большой Морской, мимо старых домов из инкерманского камня, мимо памятников и скверов, и людская река несла их к площади Нахимова, к памятнику адмиралу, к Вечному огню. Там, на площади, колонна остановилась. Люди поднимали портреты над головой, и со стороны казалось, что над площадью колышется бескрайнее море лиц - молодых и старых, строгих и улыбающихся, но объединённых одним: все они смотрели на нас, живых, с надеждой и верой.

К микрофону вышел седой ветеран в парадном кителе с Золотой Звездой Героя. Он должен был сказать речь, но долго не мог начать - слёзы мешали. Потом, справившись с волнением, сказал всего несколько слов:

- Спасибо, что помните. Спасибо, что не забыли. Ради этого стоило жить.

И заплакал - уже не скрываясь, не стесняясь.

А вместе с ним плакала вся площадь.

Андрей стоял, держа Анну за руку, и думал о том, что «Бессмертный полк» это не просто парад. Не просто акция. Это доказательство. Доказательство того, что связь поколений не прервана. Что память жива. Что внуки помнят дедов. Что народ, который помнит своё прошлое, имеет право на будущее.

И ещё он думал о том, что сегодня, 9 мая 2014 года, Донбасс тоже празднует День Победы. Только там - под обстрелами. Алексей, наверное, сейчас где-то в окопе под Славян-

ском, с автоматом в руках, но на груди у него, Андрей точно знал, георгиевская ленточка и Витька, и Дед, и сотни других ополченцев - они тоже вышли бы сегодня с портретами, если бы не война. Они тоже помнят. Они тоже часть этого полка - Бессмертного, который шагает не только по улицам, но и сквозь время.

Потому что забыть - значит предать.

А Бондаренко не предают.

Часть 12. Госпиталь

Донецк, середина мая 2014 года. Третья городская больница.

Алексей лежал на железной койке в переполненной палате и смотрел в потолок, по которому змеилась тонкая трещина - след от близкого разрыва, случившегося ещё в апреле, когда снаряд попал в соседнее крыло. Трещина была извилистой, как русло пересохшей реки, и Алексей, лёжа без сна, иногда водил по ней взглядом, словно читал невидимый текст. Неделию назад он даже не думал, что окажется здесь. Война казалась бесконечной, но он был уверен, что его не заденет. Так думают все - пока не заденет.

Это случилось под Семёновкой, небольшим посёлком к северо-востоку от Славянска. Их отряд держал оборону на окраине, у старой машинно-тракторной станции, превращённой в опорный пункт. Украинская артиллерия начала обстрел на рассвете - методично, прицельно, как будто знала каждую складку местности. Алексей лежал за бетонным блоком и считал разрывы, когда один из снарядов лёг особенно близко. Взрывная волна ударила в уши, а через секунду он почувствовал острую, обжигающую боль в правом плече - словно кто-то воткнул в него раскалённый гвоздь.

Осколок был небольшим, размером с ноготь мизинца, но вошёл глубоко, разорвал мышцу, задел кость. Кровь хлынула ручьём, заливая рукав. Алексей попытался поднять автомат - рука не слушалась. Он закричал, но сам не услышал своего голоса - после контузии в ушах стоял сплошной звон и тогда из дыма и пыли возник Витька - маленький, шуплый, но с какой-то отчаянной, нечеловеческой силой. Он взвалил Алексея на спину и потащил в укрытие, хотя сам был ранен в руку и каждый шаг давался ему с мукой.

- Держись, Бондарь! Держись, брат! - кричал он, но Алексей почти не слышал.

Потом был санитарный «уазик», тряска по разбитой дороге, носилки, яркий свет операционной лампы. Хирург, пожилой мужчина с усталыми глазами и руками, которые не дрожали даже под обстрелом, сказал: «Повезло. Ещё сантиметр в сторону и осколок перебил бы подключичную артерию. Тогда бы не довезли». Алексей запомнил эти слова. «Повезло». Странное везение - получить осколок в плечо и выжить, но на этой войне это действительно считалось удачей.

Теперь он лежал в палате на восемь коек, и все восемь были заняты такими же, как он. Ранеными, искалеченными, но живыми. У окна лежал пожилой ополченец с позывным «Батя» - ему перебило ногу, и он тихо стонал во сне. Рядом с Алексеем - молодой парень, почти мальчик, с забинтованной головой: контузия, потеря памяти, он не помнил даже своего имени, только смотрел в одну точку и молчал. В углу палаты кто-то бредил, звал жену, говорил что-то бессвязное о детях, о доме, о несобранном урожае. Пахло лекарствами - резко, химически, и ещё хлоркой, и ещё чем-то неуловимым, что бывает только в госпиталях. Запах страдания. Запах надежды.

Война здесь была не снаружи, а внутри. Она поселилась в этих стенах, в этих ранах, в этих глазах, которые видели слишком много.

Дверь скрипнула, и в палату вошла Лена. Она была в белом халате поверх камуфляжа - так и не успела переодеться после ночной смены. Под глазами залегли тёмные круги, волосы выбились из-под шапочки, но она всё равно была красивой - той особенной, строгой красотой, которая появляется у женщин, прошедших через многое. В руках она держала металлический поднос с ампулами и шприцами.

- , как ты? - спросила она, присаживаясь на край койки. Голос у неё был усталый, но спокойный.

- Нормально, Алексей попытался улыбнуться. - Плечо болит, но это ерунда. Уже лучше, чем вчера. Скоро выпишут.

- Врач сказал - минимум две недели и ещё месяц реабилитации и никаких нагрузок на правую руку.

- Две недели? - он поморщился, дёрнулся на койке и тут же зашипел от боли. - Лена, у меня там ребята. Дед, Витька, остальные. Кто их поведёт в бой? Кто будет командовать?

- Найдётся кому, она взяла его за руку, и её прохладные пальцы легли на его горячую ладонь. - Дед справится. Он в Афгане был, у него опыта побольше твоего. А ты своё отвоевал. Пока что. А потом будет видно.

- «Пока что», повторил Алексей. - А если не будет этого «потом»? Если завтра они про-
рвут оборону и войдут в город?

- Тогда будешь воевать дальше, спокойно ответила Лена, но для этого тебе нужно выздоро-
веть. Сейчас ты не боец. Сейчас ты пациент. Лежи и не спорить с медсестрой.

Алексей смотрел на неё и думал о том, как ей трудно. Муж на фронте. Маленький ребё-
нок на руках - Андрейка оставался с соседкой, когда Лена уходила на смену. Работа в госпи-
тале, где каждый день - кровь, боль, смерть, где не хватает лекарств, где врачи падают с ног от
усталости и при этом она умудряется улыбаться. Находить силы. Жить. Любить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.